М. Е. ФЕДОРОВА • Т. А. СУМНИКОВА

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

для студентов гуманитарных вузов

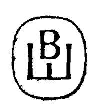

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Составители
М. Е. ФЕДОРОВА и Т. А. СУМНИКОВА

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений по специальности «Русский язык и литература»

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1986

ББК 83.3(0)4
Х 91

Рецензент:
кафедра литературы Московского государственного института культуры (зав. кафедрой проф. *Ф. И. Сетин*)

Х91 **Хрестоматия** по древнерусской литературе: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература»/Сост. М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1986.— 216 с.

В хрестоматии помещены переводы важнейших памятников древней русской литературы XI—XVII вв. Тексты сопровождаются примечаниями лексического и историко-географического характера, а также небольшими вступительными заметками (сведения о времени создания памятника, его месте в истории литературы, его особенностях и т. п.).

Х $\frac{4603010101-361}{001(01)-86}$ 195—85

ББК 83.3(0)4
8Р

Предисловие

Хрестоматия предназначена для студентов нефилологических специальностей гуманитарных вузов (университетов, пединститутов, вузов культуры, искусств и т. п.). Пособие составлено в соответствии с программой курса истории русской литературы. В него вошли переводы текстов важнейших оригинальных памятников древней русской литературы XI—XVII вв., сыгравших существенную роль в становлении и развитии литературы и имеющих идейно-воспитательную и эстетическую ценность.

Тексты для переводов преимущественно взяты из «Хрестоматии по древней русской литературе», составленной Н. К. Гудзием, которая является основным учебным пособием по курсу древнерусской литературы. Ряд произведений XVII в. («Повесть о Горе и Злочастии», «Повесть о Фроле Скобееве», отрывки из сочинений протопопа Аввакума, стихотворения С. Полоцкого, С. Медведева и К. Истомина), язык которых в целом понятен современному читателю, представлены в оригинале.

Краткие вступительные заметки к текстам носят справочный характер и преследуют цель дать необходимые сведения о времени создания памятника и определить его место в истории древней русской литературы. Здесь же указывается, кому принадлежит перевод текста и откуда он взят. Переводы сопровождаются комментариями исторического и лексического характера, необходимыми для понимания содержания произведения. При составлении пояснений частично были использованы комментарии из различных исследований и публикаций.

Составители.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОЙ РУСИ (XI — НАЧАЛО XIII в.)

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

«Повесть временных лет» («Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля») — летописный свод, составленный монахом Киево-Печерского монастыря Нестором ок. 1113 г. В основу «Повести» легли летописные своды XI в., русско-византийские договоры X в., византийские хроники, тексты Священного писания, сказание о грамоте словенской, предания о восточнославянских племенах, их взаимоотношениях с соседними племенами, о первых русских князьях и др. В своем труде Нестор связал историю восточных славян с историей соседних народов. Труд Нестора дошел до нас с переделками и дополнениями летописцев. Древнейший список «Повести», представляющий собой вторую редакцию (ее составил в 1116 г. монах Выдубицкого монастыря Сильвестр), заключен в Лаврентьевской летописи 1377 г. Первоначальный текст «Повести» Сильвестр дополнил, в частности рассказом об ослеплении Василька Теребовльского и легендой о посещении Корсуни апостолом Андреем. Ипатьевская летопись и родственные ей списки содержат третью редакцию «Повести» 1118 г.

Древняя летопись не только важнейший исторический источник, но и литературный памятник. Она содержит много поэтических легенд и преданий: рассказы о походах Олега на Царьград, о его смерти от своего коня, о мести княгини Ольги за смерть Игоря. С былинным эпосом связаны летописные рассказы о князе Владимире и его пирах. Произведение проникнуто высоким патриотическим чувством, идеей единства Русской земли. Летописец осуждает кровавые междоусобные распри князей, утверждает право старшего в роде князя, призывает князей к единению в борьбе с внешними врагами.

Поэтические предания «Повести временных лет» неоднократно служили источником для произведений русских поэтов, писателей, композиторов.

В Хрестоматии отрывки из «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи даются в переводе Д. С. Лихачева и Б. А. Романова (см.: *Повесть временных лет.* М. — Л., 1950. Ч. 1).

[ПРЕДАНИЕ О ПОСЕЩЕНИИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ АПОСТОЛОМ АНДРЕЕМ]

<...> Когда Андрей [1] учил в Синопе и прибыл в Корсунь [2], он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье Днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет великий город и воздвигнет бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и

сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай, и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевенным[3], и поднимут на себя молодые прутья, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут, еле живые, и тогда обольются водою студеною, и только так оживут. И делают это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и это совершают омовенье себе, а не мученье». Те, кто слышал об этом, удивлялись; Андрей же, побывав в Риме, пришел в Синоп.

[ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА]

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии [о которой речь в дальнейшем] были уже поляне, и жили они родами на своих местах, управляясь каждые своим родом. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица, а Хорив — на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сего дня в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Однако если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, — не знаем только к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь, при котором он приходил.

Когда же он возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил небольшой город, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близживущие. Так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив, и сестра их Лыбедь тут же скончались. <...>

[ПРИТЧА ОБ ОБРАХ]

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары[4], и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю Славянскую, прогнав волохов, которые еще прежде захватили Славянскую землю. Эти ведь угры появи-

лись при царе Ираклии[5], который ходил походом на персидского царя Хоздроя[6]. В те времена существовали и обры[7], воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян, и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. Так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгинули, как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. <...>

[ПОХОД ОЛЕГА НА ЦАРЬГРАД]

В год 6415 (907)[8]. Пошел Олег[9] на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собой множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи[10]: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях, и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд[11], а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам; и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен[12] на человека, а было в каждом корабле 40 мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для прочих городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное[13] на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся до-

мой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и перепишут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, — сперва пришедшие из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота, в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, цари Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием, и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для Руси паруса из паволок, а славянам полотняные [14]». И было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла Русь паруса из паволок, и славяне—полотняные, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье [15]. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными. <...>

[СМЕРТЬ ОЛЕГА ОТ СВОЕГО КОНЯ]

В год 6420 (912). И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь, — от него тебе умереть!» Запали слова эти в душу Олега, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше!» И повелел кормить его и не водить его к к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все

люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. <...>

[ПОХОД ИГОРЯ НА ГРЕЦИЮ]

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману[16] со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто, кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь, и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси. <...>

[СМЕРТЬ ИГОРЯ]

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки[17] Свенельда[18] изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня[19] против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

[МЕСТЬ ОЛЬГИ ЗА СМЕРТЬ ИГОРЯ]

Ольга[20] же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец[21] его был Асмуд, а воевода — Свенельд, отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава возьмем, и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не сидели люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина[22], а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви Богородицы десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Добрые гости пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего, за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, — Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: „Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье". И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну»[23]. Они же, услышав об этом, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собой малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

[НАЧАЛО КНЯЖЕСТВА СВЯТОСЛАВА, СЫНА ИГОРЕВА]

В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем», — и победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голоду». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз мстила я, когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью во-

шли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись где голубятни, где клети, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород[24] Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

[КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ]

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус[25], и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу от рала[26] даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов[27].

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил. <...>

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце[28], и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите

утром к городу, сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев его, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди той стороны [Днепра]». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы пригрозить печенегам. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир. <...>

[ЖЕНИТЬБА ВЛАДИМИРА НА РОГНЕДЕ. УБИЙСТВО ЯРОПОЛКА]

В год 6488 (980). Владимир[29] вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: „Владимир идет на тебя, готовься с ним биться"». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни[30], но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове[31], по нему и про-

звались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов: варягов, славян, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк, и убил Рогволода и его двух сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир в Киев с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом. И стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем[32], и существует ров тот и поныне, Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убьют брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня, не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и в дружбе». О злая ложь человеческая! Как говорит Давид[33]: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих, по множеству нечестия их, отвергни их, ибо прогневили они тебя, господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж кровожадный и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие. Безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышлял в это время убить Ярополка, так как, опасаясь горожан, просто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: „Приступая к городу, предадим-де тебе Ярополка". Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне[34], в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был в Родне жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда, как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам их не победить. Заключай мир с братом своим». Так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, приведу-де к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: „Что ты мне ни дашь, то я и приму"». Ярополк пошел, а Варяжко[35] говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов». И не послушал его Ярополк. И пришел к Владимиру; когда

же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с ними впоследствии против Владимира. С трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня и зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира. <...>

И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша [36]. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий бог не хочет гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему нашему повествованию.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы, как богу. <...>

[СКАЗАНИЕ О КОЖЕМЯКЕ]

В лето 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне [Днепра] от Сулы [37]; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту сторону. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая ко всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю,

могу ли я с ним схватиться, — испытай же меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок, и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Есть ли муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег, и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали их. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвали его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

[ПИРЫ ВЛАДИМИРА]

В год 6504 (996). <...> Каждое воскресенье решил он на дворе своем, в гриднице[38] устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе, и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, было в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны. <...>

[СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ]

В год 6505 (997). Когда Владимир пошел к Новгороду за северными *воинами* против печенегов, — так как была в это время беспрерывная великая война, — узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом[39]. И не давали выйти из города, и был в городе сильный голод, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем уже от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И по-

ведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам!» Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестрелять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в горшки. И когда сварили кисель, взяли его и пришли с ним к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца и стали есть сперва сами, и потом и печенеги. И удивились те, и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские, и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси. <...>

[ПОХВАЛА ЯРОСЛАВУ — ПРОСВЕТИТЕЛЮ РУСИ]

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав[40] город большой[41], у которого сейчас Золотые ворота, заложил и церковь, святой Софии митрополию, а затем церковь святой Богородицы благовещения на Золотых воротах, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины[42]. При нем начала вера христианская плодиться и распространяться, и черноризцы[43] стали множиться, а монастыри появляться. Любил Ярослав церковные уставы, попов очень жаловал, особенно же черноризцев, и к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью, и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением божественным. Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и раз-

мягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. ⟨...⟩ Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей. Кто ведь книги часто читает, тот беседует с богом или со святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем для души великую пользу.

Ярослав же этот, как мы сказали, любил книги и, много их переписав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил он ее золотом, серебром и сосудами церковными, в ней возносят к богу положенные молитвы в назначенное время. И другие церкви ставил он по городам и иным местам, поставляя попов и давая им из своей казны плату, веля им учить людей, потому что это поручено им богом, и посещать часто церкви. И увеличилось число пресвитеров и людей крещеных. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей крещеных, а враг сетовал на это, побеждаемый новыми людьми крещеными. ⟨...⟩

[СМЕРТЬ ЯРОСЛАВА И НАСТАВЛЕНИЕ СЫНОВЬЯМ]

В год 6562 (1054). Скончался великий князь русский Ярослав. Еще при жизни он дал завещание сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыны мои; живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви друг к другу, бог будет с вами и покорит вам врагов ваших. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобиях, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим, но живите мирно, слушаясь брат брата. ⟨...⟩»

[СЪЕЗД КНЯЗЕЙ В ЛЮБЕЧЕ.
ОСЛЕПЛЕНИЕ КНЯЗЯ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО]

В лето 6605 (1097). Пришли Святополк[44], и Владимир[45], и Давыд Игоревич[46], и Василько Ростиславич[47], и Давыд Святославич[48], и брат его Олег[49], и собрались в Любече[50] для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой [отчиной], Владимир — Всеволодовой, Давыд, и Олег, и Ярослав[51] — Святославовой, и те, кому Всеволод раздал города:

Давыду — Владимир[52] [южный], Ростиславичам же: Володарю[53] — Перемышль[54], Васильку — Теребовль[55]». И на том целовали крест: «Если теперь кто на кого покусится, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были все люди, но только дьявол опечален был добрым этим согласием. И проник сатана в сердце некоторым мужам, и начали они наговаривать Давыду Игоревичу, что «Владимир сговорился с Васильком против Святополка и тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать Святополку на Василька, говоря: «Кто убил брата твоего Ярополка[56]? А теперь он злоумышляет против меня и тебя и сговорился с Владимиром. Позаботься о своей голове». Святополк же впал в сомнение, говоря: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду ты говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и задумался о себе, не в самом ли деле так будет. И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке. А ни Василько, ни Владимир об этом не знали. И начал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушал его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и переправился [через Днепр] на Выдобечь[57], и пошел поклониться святому Михаилу в монастырь, и ужинал там, а обоз свой поставил на Рудице[58], вечером же вернулся в свой обоз. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не уходи от именин моих». Василько же отказался, сказал: «Не могу ждать, как бы не было войны дома». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старейшего». И не пожелал Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли, не думает о тебе, ходя под твоей рукой. Если уйдет в свою волость, сам увидишь, что он займет твои города Туров[59], Пинск[60] и другие города твои. Тогда вспомнишь меня. Но, призвав его теперь, захвати и отдай мне». И послушал его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приходи сейчас, поприветствуешь меня и посидим с Давыдом». Василько же обещал прийти, не подозревая обмана, который задумал против него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал и повстречал своего отрока, который сказал ему: «Не ходи, князь, хотят тебя схватить». И Василько не послушал его, размышляя: «Как они хотят меня схватить? Недавно целовали крест, говоря: если кто на кого покусится, то на того будет крест и мы все». И, подумав это, перекрестился, сказав: «Воля божия да будет». И приехал с небольшою дружиною на княжой двор. И вышел навстречу к нему Святополк, и пошли они в избу, и пришел Давыд, и они уселись. И заговорил Святополк: «Останься на праздник» [Михаила, 8 ноября]. И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уж и обозу приказал идти вперед». Давыд же сидел точно немой. И сказал Святополк: «Хоть позавтракай, брат». И обещался Василько завтракать. И сказал

Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И заговорил Василько с Давыдом, и Давыд не отвечал и не слушал, ибо был объят ужасом и таил обман в сердце. И, немного посидев, Давыд сказал: «Где брат?» Они же ответили ему: «Стоит на сенях». И, поднявшись, Давыд сказал: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как только вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что говорил ему Давыд, что «[Василько] брата твоего убил, а против тебя сговорился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои занять». И сказали бояре и люди: «Тебе князь, надлежит блюсти голову свою. Если правду сказал Давыд, должен понести Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть примет месть от бога и отвечает пусть перед богом». И узнали игумены, и начали просить за Василька Святополка; и сказал им Святополк: «Это Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подстрекать на ослепление: «Если этого не сделаешь, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк же хотел отпустить Василька, а Давыд не хотел, опасаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород, небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в повозке закованным, высадили из повозки и отвели в небольшую избу. И, сидя там, увидел Василько торчина [61], точившего нож, и, поняв, что хотят его ослепить, взмолился к богу, заливаясь слезами и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и стали расстилать ковер, и, разостлав, взялись за Василька и хотели его повалить; и он сопротивлялся им сильно, и не смогли они его повалить. И вот вошли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели с двух сторон Сновид Изечевич и Дмитр, и не смогли удержать [Василька]. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили ему плечи так, что грудь захрустела. И подошел торчин, по имени Беренди, овчарь Святополков, с ножом в руках и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись, поранил ему лицо, и рана эта у Василька видна и сейчас. И затем [Беренди] ударил его в глаз и вынул глаз, и потом ударил в другой глаз и вынул его. И Василько лежал в то время, как мертвец. И, подняв его на ковре, взвалили его на повозку, как труп, повезли во Владимир. И когда его везли, пройдя Звижденский мост, на торговом месте остановились и стащили с него окровавленную сорочку и дали попадье постирать. Попадья же, отстирав, надела на него, когда те обедали; и стала его оплакивать попадья, как покойника. И Василько, услышав плач, сказал: «Где это я?» Они же сказали ему: «В Звиждене-городе». И попросил он воды, они же дали ему, и он попил воды, и вернулось к нему сознание, и опомнился он, и, пощупав сорочку, сказал: «Почему сняли ее с меня? Лучше бы в той кровавой сорочке смерть принял я и так предстал бы перед богом». Пообедав, они вскоре поехали

с ним на повозке, по «грудному» [жесткому, неровному] пути, ибо был тогда месяц груденъ, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл и Давыд с ним, точно какую добычу захватив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили 30 человек стеречь его и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, узнав, что захвачен Василько и ослеплен, пришел в ужас и, заплакав, сказал: «Такого зла не было в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших». И тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Приходите в Городец, чтобы поправить зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев,— нож всажен в нас. И если этого не поправим, то большее зло явится среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши, половцы, придя, завладеют землей Русской». Услышав о том, Давыд и Олег очень опечалились и плакали, говоря, что «этого не было в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в лесу; Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты это зло учинил Русской земле и вонзил нож в нас? Почему ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так; а теперь объяви вину его, за которую ты учинил с ним это». И сказал Святополк, что «поведал мне Давыд Игоревич, что Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и занять волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье [62], и Погорину [63], а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире. А надо мне свою голову блюсти. И не я его ослепил, но Давыд, который и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не ссылайся на то, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе был он схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят он и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На другое утро, когда князья хотели было перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, не дали ему киевляне бежать, но послали Всеволодову вдову [64] и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Умоляем, князь, тебя и братьев твоих, не губите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые возрадуются и завладеют землей нашей, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, обороняя Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру и молили его, и поведали о мольбе киевлян — заключить мир, и блюсти землю Русскую, и биться с погаными. Выслушав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину, отцы наши и деды наши сохранили землю Русскую и мы хотим погубить». И внял Владимир мольбе княгининой,— он почитал ее как мать, ради памяти отца своего, ибо очень любим был отцом своим, и при жизни его и по смерти он не ослушивался его ни в чем: потому и послушался он ее, как мать, и митрополита также чтил за сан святительский, не пренебрег мольбой его.

Владимир ведь так был полон любви: имел любовь к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин, и монахинь любил, приходивших к нему, кормил и поил, точно детей своих. Когда видел кого разбушевавшимся или опозоренным, не осуждал того, но всех примирял и утешал. Но вернемся к нашему рассказу.

Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали пересылаться послами, и помирились на том, что сказали Святополку, что «эта ссора от Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо захвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и, поцеловав крест друг другу, заключили мир.

[1] *Андрей* — в христианской мифологии один из апостолов, бродячих проповедников христианства.

[2] *Синоп* — Синопа, греческая колония на южном берегу Черного моря; *Корсунь* — славянское название Херсонеса, греческой колонии на Крымском полуострове.

[3] Здесь: кислота, употреблявшаяся при выделке кожи.

[4] *...пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары...* Идущее от византийских источников ошибочное отождествление скифов с хазарами. *Скифы* — древние племена, обитавшие в Северном Причерноморье до III в. *Хазары* — тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после нашествия гуннов (IV в.); Хазарский каганат охватывал территорию между Доном и Нижней Волгой и южнее, до северных отрогов Кавказа; после его падения (первая половина XI в.) название Хазария сохранялось за Восточным Крымом. *Болгары* — племена тюркского происхождения, покорившие славянское население на Балканах и ассимилированные им.

[5] *Ираклий* (575—641) — византийский император.

[6] *Хоздрой* — Хосров II Парвиз (ум. 628), персидский царь.

[7] *обры* — авары, кочевые народы тюркского происхождения; в VI в. Аварский каганат простирался от Дона на востоке до Эльбы на западе и Адриатического моря на юге.

[8] В скобках здесь и далее дается дата по современному летоисчислению.

[9] *Олег* (ум. 912) — древнерусский князь, правивший в малолетство Игоря, сына легендарного Рюрика.

[10] Племена, жившие на Восточнославянской равнине: *славяне, кривичи, древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи, хорваты, тиверцы, дулебы* — славянские племена; *чудь, меря* — финские племена; *варяги* — выходцы из Скандинавии; *толмач* — переводчик.

[11] *...греки же замкнули Суд* — Царьград (Константинополь) был расположен на полуострове, на европейском берегу пролива Босфор; с южной стороны полуострова находится бухта Суд (Золотой рог), которая в случае опасности «запиралась» цепью, протянутой между двумя башнями у входа в гавань.

[12] *гривна* — денежная единица Древней Руси.

[13] *месячное* — здесь: содержание на месяц.

[14] *паволока* — тонкая ткань; *славяне* — здесь: новгородцы.

[15] *узорочье* — украшения и дорогие ткани с красивым узором.

[16] *Роман* (ум. 948) — византийский император.

[17] *отрок* — младший член княжеской дружины.

[18] *Свенельд* — киевский воевода.

[19] *Искоростень* — древлянский город, ныне г. Коростень Житомирской области.

[20] *Ольга* — жена князя Игоря.

[21] *кормилец* — здесь: воспитатель.

[22] *Гордята, Никифор, Воротислав, Чудин* — лица, жившие во второй половине XI в., местонахождение их владений неизвестно.

[23] *тризна* — обряд поминания умерших у славян-язычников.

[24] *Вышгород* — город на Днепре, ныне районный центр в Киевской области.

[25] *пардус* — гепард, хищник из отряда кошачьих, отличающийся быстротой бега.

[26] *щеляг* — монета; *рало* — соха.

[27] *ясы, касоги* — предки осетинов и черкесов.

[28] *Переяславец* — город дунайских болгар (близ современного г. Тулча в Румынии).

[29] *Владимир* — Владимир Святославич (ум. 1015), князь киевский, сын Святослава Игоревича; *Ярополк* — сводный брат Владимира.

[30] Разувание мужа в знак покорности — один из моментов свадебного обряда. Матерью Владимира была Малуша — ключница княгини Ольги.

[31] *Туров* — ныне пос. Туров Гомельской области; *Туры* — легендарный родоначальник туровских князей.

[32] *Дорогожич* — урочище между Киевом и Вышгородом; *Капич* — урочище близ Киева.

[33] *Давид* — царь Израильско-Иудейского государства (конец XI в. — ок. 950 до н. э.); ему приписывалось авторство псалмов (религиозных гимнов), составивших Псалтырь.

[34] *Родна* (Родня) — город в Киевской земле, располагавшийся в устье реки Рось.

[35] *Варяжко* — имя дружинника, указывающее на его этническую принадлежность.

[36] *Перун... Мокош* — языческие боги; официальному принятию христианства в 988 г. предшествовала попытка Владимира утвердить культ языческих богов в качестве государственной религии.

[37] *Сула* — приток Днепра.

[38] *гридница* — помещение для воинов (*гридь* — воин).

[39] *Белгород* — по-видимому, город на реке Ирпень, близ Киева.

[40] *Ярослав* — Ярослав Мудрый (ок. 978—1054), великий князь киевский, сын Владимира Святославича; в данном тексте речь идет о строительной и культурно-просветительской деятельности Ярослава.

[41] Речь идет о расширении Киева по сравнению со временем Владимира Святославича; при Ярославле Мудром город был обнесен новыми валами, главным въездом в него стали Золотые ворота.

[42] *Георгий* — христианское имя Ярослава Мудрого; *Ирина* — жена Ярослава Мудрого.

[43] *черноризец* — монах.

[44] *Святополк* (1050—1113) — двоюродный брат Владимира Мономаха.

[45] *Владимир* — Владимир Мономах (1053—1125), великий князь киевский, сын Всеволода Ярославича, инициатор съезда князей в Любече.

[46] *Давыд Игоревич* (ум. 1112) — двоюродный брат Владимира Мономаха.

[47] *Василько Ростиславич* (ум. 1124) — сын Ростислава Владимировича, двоюродного брата Владимира Мономаха.

[48] *Давыд Святославич* (ум. 1115) — двоюродный брат Владимира Мономаха.

[49] *Олег* — Олег Святославич (ум. 1115), двоюродный брат Владимира Мономаха.

[50] *Любеч* — город в Черниговский земле, ныне поселок в Черниговской области.

[51] *Ярослав* — Ярослав Святославич (ум. 1129), двоюродный брат Владимира Мономаха.

[52] *Владимир* (*южный*) — ныне г. Владимир-Волынский.

[53] *Володарь* (ум. 1123) — сын Ростислава Владимировича, двоюродного брата Владимира Мономаха.

[54] *Перемышль* — город в Галицкой земле, ныне г. Перемышляны Львовской области.

[55] *Теребовль* — город в Галицкой земле, ныне г. Теребовля Тернопольской области.

[56] *Ярополк* — см. примеч. 29.

[57] *Выдобечь* — холм близ Киева; в 1070 г. при князе Всеволоде Ярославиче здесь был построен монастырь святого Михаила.

[58] *Рудица* — местонахождение не установлено.

[59] См. примеч. 31.

[60] *Пинск* — ныне город в Брестской области.

[61] *торки* — народы тюркского происхождения, в X в. селились вдоль границ Киевского и Переяславского княжеств.

[62] *Берестье* — город в Волынский земле, был расположен на территории современного Бреста.

[63] *Погорина* — земли по реке Горина (Горынь), притоку Припяти.

[64] *Всеволодова вдова* — жена (видимо, вторая) князя Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха.

«СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

«Слово о законе и благодати» написано между 1037—1050 гг. первым русским митрополитом Иларионом, поставленным на киевскую митрополию Ярославом Мудрым в 1051 г. Не ограничиваясь развитием богословской темы — противопоставлением Ветхого завета Новому, Иларион выступил как публицист, поднял в своем произведении крупнейшие политические вопросы, связанные со сношениями Киевской Руси с Хазарским каганатом и с Византией. Иларион прославляет Русь — могущественное, независимое государство, воздает хвалу Владимиру I Святославичу, при котором Русь приобщилась к христианскому миру, и Ярославу Мудрому, при котором Русь достигла особого процветания.

Как художественное произведение «Слово» Илариона — образец высокого ораторского искусства Древней Руси. Оно свидетельствует о большом литературном мастерстве, которое было достигнуто при Ярославе Мудром. Произведение состоит из трех частей, на которые указывает само название памятника: «О законе, данном Моисеем [1], и благодати и истине, данных Иисусом Христом <...> похвала кагану [2] нашему Владимиру, который крестил нас, и молитва к богу от всей нашей земли».

В Хрестоматию включена вторая часть «Слова о законе и благодати» в переводе Т. А. Сумниковой.

Хвалит же хвалебными словами Римская земля Петра и Павла, через которых уверовала в Иисуса, сына божьего, Азия, и Эфес, и Патм — Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка [3]. Все страны, города и люди чтут и славят своих учителей, которые научили их православной вере.

Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великое и чудное сотворившего — нашего учителя и наставника, великого властителя земли нашей Володимира [4], внука древнего Игоря, сына славного Святослава, которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прославились во многих странах: победы и сила их вспоминаются и прославляются и сейчас. Ведь не в бедной и безвестной стране были они владыками, а в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли. <...>

Добрый свидетель твоему благочестию, о блаженный, — святая церковь святой Богородицы Марии [5], которую ты создал на правоверной основе и где теперь лежит доблестное твое тело, ожидая трубы архангела [6]. Доброе и верное свидетельство твоему благочестию — сын твой Георгий [7], которого господь сделал наследником твоему владычеству. Не нарушает он твоих уставов, но утверждает, не уменьшает хранилищ твоего благоверия, но еще больше умножает, не говорит, а устраивает и завершает не доконченное

тобою, как Соломон дела Давидовы[8]: и дом божий великой и святой его Премудрости[9] создал на святость, на освящение города твоего, изукрасил его всякой красотой, золотом и серебром, дорогими каменьями и священными сосудами; чудесна и прославляема во всех соседних странах эта церковь, потому что не найдется другой такой во всех полунощных странах от востока до запада; и славный город твой Киев величием, как венцом, украсил; вручил народ свой и город заботам святой всеславной богородицы, скорой на помощь христианам. <...>

Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряхни сон! Ты не умер, но спишь до общего всем вставания! Встань, ты не умер! Не подобает умереть тебе, веровавшему во Христа, в жизнь вечную всему миру! Стряхни сон, подними очи, смотри, какой чести сподобил тебя господь там и на земле с помощью твоего сына не оставил в забвении! Встань, посмотри на чадо свое, на Георгия! Посмотри на утробу свою, посмотри на того, кого господь вывел из чресл твоих, посмотри на украшающего престол твоей земли, и возрадуйся, и возвеселись! Посмотри и на благоверную сноху твою Ирину[10]! Посмотри на внуков твоих и правнуков, как живут, хранимые господом, как по завещанию твоему хранят благоверие, как посещают святые церкви, как славят Христа, как поклоняются имени его! Посмотри же и на город, сияющий величием, посмотри на цветущие церкви, посмотри на множащееся христианство, посмотри на город, иконами святых освящаемый, блистающий, фимиамом благоухающий, хвалами и песнями святых оглашаемый! И все это увидев, возрадуйся, и возвеселись, и восхвали благого бога, устроителя всего этого.

[1] *Моисей* (предположительно XIII в. до н. э.) — согласно библейским преданиям, предводитель израильских племен.

[2] *каган* — верховный правитель, царь.

[3] Названы лица, проповедовавшие учение Христа. *Петр* и *Павел* — согласно христианскому преданию, апостолы; православная церковь почитает их как основателей христианства. *Римская земля* — здесь: страны, исповедующие католицизм. *Иоанн Богослов* — апостол; ему приписывают авторство Евангелия от Иоанна, созданного, по одной версии, в *Эфесе* (древний город на западном побережье Малой Азии), по другой — на *Патмосе* (небольшой остров близ побережья Малой Азии), *Фома* — апостол, к его миссионерству возводят индийские христиане начало своей церкви, *Марк* — ученик апостола Петра; ему приписывают авторство Евангелия от Марка, написанного, видимо, в Александрии, древней столице Египта.

[4] *Володимир* — Владимир Святославич (ум. 1015), великий князь киевский, в 988 (989) г. ввел христианство в качестве государственной религии. Игорь и Святослав ходили походами на греков, болгар, хазар, скандинавов и одерживали над ними победы.

[5] *...церковь святой Богородицы Марии* — церковь Богородицы (десятинная), построенная в Киеве между 989 и 996 гг. на десятую часть доходов, взимавшуюся в пользу церкви.

[6] *...ожидая трубы архангела* — имеется в виду день Страшного суда, о котором, по библейскому пророчеству, возвестит архангел.

[7] *Георгий* — христианское имя Ярослава Мудрого.

[8] *Соломон* (ум. ок. 928 до н. э.) — царь Израильско-Иудейского царства; продолжил строительство храма в Иерусалиме, которое началось при его отце *Давиде*.

9 Речь идет о строительстве Софийского собора в Киеве; *София* (греч.) — мудрость; по христианским представлениям, ход истории предопределяется божьей мудростью.

10 *Ирина* — жена Ярослава Мудрого.

«СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»

«Сказание о Борисе и Глебе» («Сказание о страстях[1] и похвала святым мученикам Борису и Глебу»), созданное в конце XI или начале XII в., — одно из первых оригинальных агиографических произведений. По форме оно значительно отличается от канонического жития византийского типа и обнаруживает связь с летописной повестью. В нем нет последовательного изложения жизни святых, а рассказан только один эпизод — убийство Святополком братьев Бориса и Глеба из-за политического соперничества. По существу, «Сказание» — историческая повесть с точным названием лиц, имен, фактов, с указанием на конкретные места, где развертывались события. Основная идея «Сказания» — не мученичество святых за веру, а единство Русской земли, утверждение права старшего в роде князя, осуждение княжеских междоусобиц. Однако, в отличие от исторической повести, «Сказание» — произведение лирическое, содержащее молитвы, плачи, монологи-размышления, ведущиеся от лица автора или влагаемые в уста Бориса и Глеба. Особой проникновенностью и живым человеческим чувством выделяется в «Сказании» плач юного Глеба.

В Хрестоматии «Сказание о Борисе и Глебе» дается с небольшими сокращениями в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

«Род правых благословится, — говорит пророк, — и семя их в благословении будет».

Сначала немного скажем о том, что было раньше, когда самодержцем всей Русской земли был Владимир, сын Святослава, внук Игоря, святым крещением просветивший всю землю Русскую. О других же его добродетелях скажем в другом месте, ныне нет времени. А об этом по порядку так: этот Владимир имел двенадцать сыновей не от одной жены, а от разных матерей; из них старшим был Вышеслав, после него — Изяслав, третий — Святополк, который убийство это злое придумал. Его мать, гречанка, прежде была черницею[2], и взял ее Ярополк, брат Владимира, и расстриг[3] ее из-за красоты, и зачала она от него этого Святополка. Владимир же, язычник еще, убив Ярополка, взял его беременную жену, от нее и родился этот окаянный Святополк. И был он от двух отцов, которые братьями были, и не любил его Владимир, так как был он не от него. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода, а от другой жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба. И посадил он их по разным землям княжить. О них же и повесть эта. Посадил Владимир окаянного Святополка княжить в Пинске, Ярослава в Новгороде, Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме. Но не стану много говорить, чтобы в многословии не забыть о главном.

Но, о чем начали, скажем так: по прошествии многого времени, когда минуло 28 лет после святого крещения и подошли к концу дни Владимира, впал он в тяжкий недуг.

В то же время пришел Борис из Ростова. Когда же печенеги со всех сторон опять пошли ратью на Русь, сильно опечалился Владимир, потому что не мог выйти против них, и призвал Бориса

(ему имя дано в святом крещении Роман[4]), блаженного и скоропослушливого, передал под его начало многих воинов и послал против безбожных печенегов. Он же с радостью пошел, сказав: «Вот готов на глазах твоих сделать то, что велит воля твоего сердца». О таких сказал автор «Притч»[5]: «Сын был отцу послушен и любим матерью своей».

Когда он, отправившись, не нашел врагов и возвращался обратно, пришел вестник к нему и поведал о смерти отца, о том, как преставился отец его Василий[6] (этим именем был наречен в святом крещении) и как Святополк утаил смерть отца своего и ночью, разобрав помост[7] в Берестове и в ковер обернув тело отца, спустил его на веревках на землю, увез его на санях и поставил в церкви святой Богородицы[8]. Услышав об этом, Борис стал телом слабеть, глаза его слезами наполнились и, слезами обливаясь, не в силах говорить, начал так: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставление неразумия моего! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, на кого взгляну? Где восприму столь благое учение и наставления разума твоего? Увы мне, увы мне! Закатилось солнце мое, и не было меня с тобой! Хоть бы я сам честное тело твое своими руками одел и в гроб положил. Но не нес прекрасного и мужественного тела твоего, не сподоблен был целовать прекрасные твои седины. Но, о блаженный, помяни меня в месте твоего успокоения. Сердце мое горит, душа мне разум мутит и не знаю, к кому обратиться и к кому направить горькую эту печаль: к брату ли, что был мне вместо отца. Но думаю, что теперь он предается суете мирской и об убийстве моем помышляет. Если он на убийство мое решится, то мученик буду я перед господом, так как я не воспротивлюсь, ибо написано: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать». У апостола: «Кто говорит: „Бога люблю“,— а брата своего ненавидит,— лжет». И снова: «Любовь не знает страха, истинная любовь изгоняет страх». Поэтому что скажу или что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь ты мне отцом, ты брат и старше меня. Что повелишь мне, господин мой?» И так раздумывая, пошел к брату своему: «По крайней мере увижу ли лицо братца моего меньшего Глеба, как Иосиф Вениамина?»[9] Говорил: «Воля твоя да будет, господи!» Про себя же раздумывал: «Если пойду в дом отца своего, то как бы не склонили люди меня на то, чтобы прогнать мне брата своего, как делал и отец мой до святого крещения ради славы и княжения, а это все преходяще и хуже паутины. Куда приду по отшествии от мира сего? Что получу тогда? Какой мне будет ответ? Где скрою множество грехов моих? Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, багряница[10] и пиры, серебро и золото, вина и меды, добрая пища и быстрые кони, и дома красивые и большие, и богатство большое, и дани и почести бесчисленные, и похвальба среди бояр своих. Уже всего этого как будто и не было никогда — вместе с ними исчезло. И нет помощи ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Потому и Соломон, все пройдя, все увидев, все приобретя и собрав, все

изведав, сказал: «Все суета сует и суетою будет. Помощь только от добрых дел, от истинной веры и от нелицемерной любви».

Идя дорогой, Борис размышлял о красоте и доброте своей, и слезами заливался, и хотел удержаться от них, но не мог. И все видевшие его в слезах плакали о благородстве и честном разуме юности его, и каждый в душе своей скорбел в горести сердечной, и все пребывали в печали. Ибо кто же не восплачет, представив пред очами сердца своего эту печальную смерть? Вид Бориса был уныл, взор и сокрушенное сердце, как у святого. Был блаженный правдив, щедр, тих, кроток, смиренен, всех миловал и обо всех заботился. Думал про себя богоблаженный Борис: «Знаю, что брата моего зла ради толкнут люди на убийство мое и погубят меня. Если прольет кровь мою, то буду мученик перед господом моим и душу мою примет господь». Потом, забыв скорбь смертную, утешал сердце свое поучением божьим: «Кто погубит душу свою меня ради и моего учения, тот найдет и сохранит ее в жизни вечной».

И пошел с радостным сердцем, говоря: «Не отвергай, господь премилостивый, меня, уповающего на тебя, но спаси душу мою».

После отца в Киеве сел Святополк. Призвав киевлян и одарив их, отпустил. К Борису же послал со словами: «Брат, хочу быть в мире с тобою и к тому, что дал тебе отец, еще прибавлю». Ложь, а не истину говорил. Придя ночью тайно в Вышгород[11], призвал Путшу и вышгородских мужей и сказал им: «Скажите мне правду: преданы ли вы мне?» Путша сказал: «Все мы можем головы свои положить за тебя».

Дьявол же, искони ненавидящий доброго человека, увидел, что святой Борис всю надежду возложил на бога и начал подвижничество; и нашел, как прежде Каина[12], так теперь Святополка, поистине второго Каина, на братоубийство готовым, и соблазнил его мыслью: убить всех наследников отца своего и самому одному принять всю власть. Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк советников всему злому и начальников неправды, отверз прескверные уста и сказал: «Дети Путши! Если обещаете головы свои положить за меня, то идите, друзья мои, тайно и, где найдете брата моего Бориса, улучив время, убейте его». И обещали ему так сделать. О таких сказал пророк: «Скоры на пролитие крови без правды, между собой сговариваются о кровавых делах, привлекают к себе все злое; таковы пути совершающих беззаконие: нечестием свою душу изымают».

Блаженный же Борис воротился и поставил шатры на реке Альте[13], и сказала ему дружина: «Поди сядь в Киеве на отцовском столе: все воины под твоей рукой». Он же им ответил: «Не могу я поднять руку на брата моего старшего: он мне как отец». Услышав это, воины разошлись от него, и остался он только с отроками своими.

И было это в день субботний; в тоске и печали, удрученный вошел он в шатер свой и плакал с сокрушенным сердцем, но с радостною душой, жалобно говорил: «Слез моих не отвергай, вла-

дыка, чтобы я надеялся на тебя! Пусть вместе с твоими рабами разделю участь и жребий, со всеми святыми твоими, потому что ты — бог милостивый, и славу тебе создаем во веки. Аминь!» Размышлял он о мучении и страданиях святого Никиты и святого Вячеслава[14], убитых подобно ему, и о святой Варваре[15], убийцей которой был ее отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники в веках живут, и от господа награда им, и предначертание им от всевышнего». И этими словами только утешался и радовался.

Потом наступил вечер, и повелел петь вечернюю молитву, а сам вошел в шатер свой и начал молитву со слезами горькими, с частым воздыханием и стенанием многим. После этого лег спать, и был сон его тяжел и страшен из-за многих мыслей и сильной печали: как принять мучения, пострадать и окончить жизнь, соблюсти веру и принять приготовленный венец из рук вседержителя. И проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее — было же воскресенье — сказал священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо, начал молиться.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью и, когда подошли близко, услышали голос страстотерпца[16], поющего псалмы заутренние[17], так как уже была ему весть о том, что задумано убийство его. И начал петь: «Господи! За что умножились притесняющие меня; многие восстают против меня» и другие псалмы до конца. И начал петь по Псалтыри: «Окружили меня псы многие, и тельцы тучные обступили меня» и опять: «Господи, боже мой, на тебя уповаю: спаси меня». После этого начал петь канон[18]. И когда кончил заутреню, начал молиться, обращаясь к иконе господней: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю, собственной волею дав пригвоздить себя к кресту, и принял страдания грехов наших ради, так и меня удостой принять страдания!» И когда услышал топот злой вокруг шатра, затрепетал, заплакал и сказал: «Слава тебе, господи, за то, что удостоил меня из-за зависти принять эту горькую смерть и все перенести во имя любви к твоим заповедям. Ибо не захотел ты сам себя спасти, ничего не пожелал себе по Апостолу: „Любовь все терпит, все на веру берет и со своих не взыскивает" и еще: „Любовь не знает страха; истинная любовь изгоняет страх". Потому, владыка, душа моя всегда в твоих руках, закона твоего не забыл. Как господу будет угодно, так пусть и будет». И как увидели священник и отрок, который служил ему, своего господина скорбного и печалью объятого, расплакались и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен за то, что не захотел противиться брату ради любви Христовой, а ведь сколько воинов было под рукой твоей!» И, сказав так, сожалели о нем.

И тотчас увидели бегущих к шатру людей, блистание оружия и обнаженные мечи. И без сострадания пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Пронзили копьями проклятые Путша, Талец, Ело-

вич, Ляшко. Увидев это, отрок[19] Бориса бросился на тело его, говоря: «Не оставлю тебя, господин мой дорогой. Где красота тела твоего увядает, тут и я удостоюсь жизнь свою кончить». Был же он родом венгр, именем Георгий. И была возложена на него Борисом гривна[20] золотая, и был любим Борисом безмерно. Здесь и он был пронзен. И когда был ранен[21], выскочил из шатра в растерянности. И стали говорить стоящие около него: «Что стоите и смотрите? Приступайте, кончим то, что нам велено сделать». Услышав это, блаженный начал молиться и умолять их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Дайте мне немного времени, чтобы помолиться богу». И, взглянув на небо со слезами и горько вздохнув, начал молиться. <...> (*Следует молитва Бориса.*)

Потом, обратив к ним жалобный взор и осунувшееся лицо, весь обливаясь слезами, сказал: «Братья, приступайте, заканчивайте порученное вам, и пусть будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышал слова его, от слез, страха и печали горькой не могли ни слова сказать; со вздохом горьким жалобно плакали и каждый в душе своей говорил: «Увы мне, князь наш милостивый, дорогой и блаженный, водитель слепым, одежда нагим, старости опора, наставник неразумным! Кто уже все это исправит? Не захотел славы мира сего, не захотел веселиться с честными вельможами, не захотел величия в жизни этой. Кто не удивится великому его смирению, кто не смирится, такое смирение видя и слыша?»

И тотчас скончался, предав душу свою в руки бога вечно сущего, месяца июля в 24-й день, за девять дней до августа.

Избили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривну и отсекли ему голову, отбросили ее прочь, поэтому после не могли опознать его тела.

Блаженного же Бориса завернули в шатер, положили на повозку и повезли. И когда ехали бором, начал Борис приподнимать святую свою голову. И, узнав об этом, Святополк послал двух варягов, чтобы пронзили его мечом в сердце. Так скончался и воспринял неувядаемый венец. И принесли тело его в Вышгород, и у церкви святого Василия погребли.

И после этого не оставил мысли об убийстве окаянный Святополк, но в злобе устремился на большее <...>.

И задумав это, злой советник дьявола послал за блаженным Глебом со словами: «Приди скорее, отец зовет тебя, тяжко он болен».

Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиной. И пришел на Волгу. На поле споткнулся в яме под ним конь и повредил немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, стал на Смядыни в насаде[22]. И в это же время пришла весть от Предславы[23] к Ярославу о смерти отца. А Ярослав прислал к Глебу со словами: «Не ходи, брат, отец твой умер, а брат твой убит Святополком». И услышав это, блаженный вскричал с плачем горьким и печалью сердечной: «Увы мне, господи! О двоих плачу и печалюсь, о двоих сетую и тоскую. Увы мне! Увы

мне! Плачу об отце, но еще горше плачу по тебе, брат и господин мой Борис, что был пронзен и без сострадания предан смерти! И не от врага, но от брата своего смерть восприял! Увы мне! Лучше бы мне с тобою умереть, нежели одинокому и осиротевшему жить на этом свете. Я надеялся увидеть лицо твое ангельское. И вот такая печаль по тебе постигла меня. Предпочел бы с тобою умереть, господин мой. Ныне же что сделаю я, жалкий, удаленный от твоей доброты и от разума отца моего, о, милый мой брат и господин! Если доходят молитвы твои к богу, то молись и о моей печали, чтобы и я был удостоен принять те же страдания и быть с тобою на том свете, нежели в этой обманчивой жизни».

И когда он так стенал и плакал, слезами орошая землю, внезапно прибыли посланные Святополком злые его слуги, немилостивые кровопийцы, лютые братоненавистники, имеющие душу свирепых зверей. Святой же отправился в насаде, и встретили его в устье Смядыни. И увидев посланных, святой возрадовался душою, а они, увидев его, омрачились и начали грести к нему. Глеб думал, что приветствовать его хотят.

И когда они поравнялись, начали прыгать те злые люди в насад Глеба с обнаженными мечами в руках, блестевшими, как вода. И тотчас у всех весла из рук выпали и все от страха помертвели. И увидев это, блаженный понял, что хотят его убить. Посмотрев на них жалобным взором, обливаясь слезами, смиренно и с сокрушенным сердцем, часто вздыхая, ослабев телом, жалобно воскликнул: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, не сделавшего вам никакого зла! Пощадите меня, братья и господа, пощадите! Чем обидел брата моего и вас, братья и господа мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему, а моему брату и господину. Смилуйтесь над юностью моею. Смилуйтесь, господа мои! Вы мне будете господами, я вам — раб. Не пожните меня, в жизни еще не созревшего. Не пожните колоса, еще не созревшего, но молоко беззлобия носящего. Не срезайте лозу, еще не выросшую, а плод имеющую! Отдаю себя на вашу милость. Бойтесь сказанного апостолами: „Будьте незлобивы, как младенцы, умом же совершенны будьте“. Я, братья, и незлобив, и возрастом еще несовершен. Это уже не убийство, а сырорезание. Какое зло сделал, скажите мне, и не пожалею себя тогда. Если кровью моею хотите насытиться, то уже в ваших руках и в руках брата моего, а вашего князя».

И хотя бы единого слова постыдились или в мыслях склонились к мольбе, но, как свирепые звери, схватили его. Он же, видя, что не слушают его слов, начал говорить так: «Прощай, милый мой отец и господин Василий! Прощай, мать и госпожа моя! Прощай, брат Борис, старший в юности моей! Прощай, брат и помощник Ярослав! Прощай и ты, брат и враг Святополк! Прощайте и вы, братья и дружина! Все прощайте! Уже не увижу вас в этой жизни, потому что со скорбью разлучаюсь с вами». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони свое ухо и услышь голос мой, помоги, защити и посмотри, что случилось с

сыном твоим, как без вины меня убивают. Увы мне, увы мне! Услышь небо и внуши земле!» И ты, Борис, брат, услышь голос мой. Призвал я отца моего Василия и не послушал он меня. Неужели и ты не хочешь меня послушать? Посмотри на скорбь сердца моего и рану души моей. Посмотри на слезы мои, которые текут, как река! И никто не внемлет мне; но ты помяни меня и помолись обо мне перед общим для всех владыкой, так как доходят молитвы твои до него и стоишь у престола его». И, преклонив колени, начал молиться. 〈...〉 (*Следует молитва Глеба.*)

Потом обратился к ним и жалобным и тихим голосом сказал: «Приступайте и делайте то, для чего посланы!» Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его скорее. Повар же Глебов, именем Торчин, взял нож и им заколол блаженного, как безвинного агнца, в месяце сентябре, в 5-й день, в понедельник.

И была принесена богу жертва чистая и благоуханная, и взошел в небесную обитель к господу, и увидел желанного брата, и восприняли оба венец небесный, которого и желали. И возрадовались оба радостью неизреченною.

Проклятые же убийцы, возвратившись, пришли к пославшему их, как сказал Давид: «Возвратятся грешники в ад и все народы, забывающие бога». И снова: «Оружие извлекли грешники, напрягли луки свои, чтобы убить праведных, но оружие их войдет в их сердца, и луки их сокрушатся, и грешники погибнут». И сказали Святополку: «Сделали приказанное тобой». Он, услышав это, возгордился, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие и неправду умышляет язык твой. Возлюбил злодейство и неправду больше добра и правды. Возлюбил речи погибельные и язык льстивый, поэтому сокрушит тебя бог, исторгнет тебя из удела твоего и род твой отторгнет от живущих на земле».

Убитый же Глеб был брошен на пустом месте между двумя колодами[24]. Но господь не оставляет своих рабов, как сказал Давид: «Хранит бог все кости их, и ни одна из них не погибнет».

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил совсем в неведении и пренебрежении: проходящие мимо купцы, охотники и пастухи иногда видели то огненный столб, то горящие свечи или слышали пение ангелов. Видя и слыша все это, никто не подумал о поисках тела святого до тех пор, пока Ярослав, не потерпевший этого злого убийства, не двинулся на окаянного братоубийцу Святополка и не начал воевать с ним. И всегда с помощью бога и святых побеждал. Окаянный же возвращался посрамленный и побежденный.

И вот однажды выступил этот треклятый с множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел против него и стал на Альте, на месте, где был убит святой Борис. И воздев руки к небу, сказал: «Вот кровь брата моего взывает к тебе, владыка, как прежде кровь Авеля, отомсти за него, как за Авеля, и накажи его, как братоубийцу Каина, возложив на него стенание и трепет. Молю тебя, господи, помоги мне». И, помолившись, сказал: «О братья

мои! Хотя и погибли вы, отошли телом отсюда, но вы живы благодатью, предстоите перед богом и своими молитвами поможете мне». И сказав так, пошел против своих противников. И покрылось поле Альтинское множеством воинов. И когда сошлись на восходе солнца, была сеча очень злая. И сходились трижды, и бились весь день, и уже к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк побежал, и напал на него бес. И расслабло тело его так, что не мог на коне сидеть. И несли его на носилках. И прибежали с ним к Берестью[25]. Он же сказал: «Бежим! Вот преследуют нас!» И посылали посмотреть, но не было ни гонящихся, ни преследующих его. А он, лежа в немощи, вскакивал, говоря: «Бежим! Опять преследуют! Ох мне!» И не мог оставаться на одном месте. И пробежал Ляшскую землю[26], гонимый гневом божьим. И прибежал в необитаемое место между чехами и ляхами и здесь в муках окончил жизнь свою. И принял возмездие от бога, наславшего на него губительные язвы и после смерти муку вечную. И так был лишен обеих жизней, на этом и на том свете. И не только княжения, но и жизни лишился на этом свете. И на том свете не только царствия небесного и жизни ангельской лишился, но и предан был муке и огню. И есть могила его до сего дня, и исходит от нее смрад в назидание людям. <...>

И с этого времени прекратилась крамола на Русской земле; Ярослав, приняв всю власть, стал расспрашивать о телах святых, как и где они положены. И о святом Борисе рассказали ему, что положен в Вышгороде, а о святом Глебе никто не знал, только все знали, что у Смоленска был убит. И тогда сказали ему, будто слышали от приходящих оттуда, что видели они свет и свечи в пустынном месте. И услышав об этом, послал на поиски к Смоленску священников, сказав: «Это брат мой». И там нашли его, где все это видели. И шли с крестами, и с почестями многими положили тело его на корабль. Возвратившись в Вышгород, похоронили его с большими почестями, положив там же, где лежало тело преблаженного Бориса. А раскопав землю и положив его, удивились, как красиво тело святого.

И вот что чудно, дивно и внимания достойно! Пролежав столько лет, тело святого Глеба не было повреждено зверем, не почернело, как обычно чернеют тела покойников, но было светлым и красивым, целым и благоуханным. Так было угодно богу, сохранившему тело своего страстотерпца.

И не знали многие, что здесь лежат святых страстотерпцев тела, но, как сказал господь: «Не может скрыться город, стоящий на вершине горы; возжигая свечи, не закрывают их сосудом, но ставят на подсвечник, чтобы светили в темноте». Так и этих святых поставил бог светить в мире, сиять многими чудесами в великой Русской земле, где множество страждущих получили спасение: слепые прозревали, хромые начинали бегать быстрее серны, горбатые выпрямлялись.

Но могу ли поведать о всех творимых чудесах? Воистину весь мир не может вместить дивных чудес, а их больше песка морского.

И не только здесь, но и от приходящих из всех стран, из всех земель все болезни и недуги отгоняют, навещают находящихся в темницах и в оковах. На местах, где святые приняли мученический венец, созданы были церкви их имени. И здесь также творятся многие чудеса.

Как похвалить вас, не знаю и ничего не могу сказать. Разве что ангелами вас нареку, которыми каждый раз оказываетесь около скорбящих? Но во плоти жили вы среди людей. Цесарями ли, князьями провозглашу вас? Но лучше людьми: так просты и смиренны вы, стяжали смирение, с которым в высшие жилища вселились.

Воистину вы цесари среди цесарей и князья среди князей, ибо вашей помощью и защитой князья наши побеждают восстающих против них и вашей помощью гордятся. Вы нам оружие, земли Русской щит, опора и меч обоюдоострый, которым дерзость поганскую низлагаем и дьявола шатания на земле побеждаем. Воистину без колебания могу сказать: «Вы люди небесные и ангелы земные, столп и опора земли нашей. Помогаете отечеству, как помогал великий Дмитрий[27], который сказал: „Как в веселии с ними был, так и в погибели с ними умру“». Но, однако, этот великий Дмитрий об одном граде так сказал, а вы не об одном граде, не о двух, не о селах заботитесь и молитесь, но о всей Русской земле.

О блаженные гробницы, принявшие ваши честные тела, как сокровища многоценные! Блаженная церковь, в которой положены святые раки[28] с вашими блаженными телами! О христоугодники! Воистину блажен и выше всех городов русских Вышгород, имеющий такое сокровище, ему нет равного в мире. Поистине называется Вышгородом: он превыше всех городов; вторым Солунем[29] стал в Русской земле, врачующим безвозмездно с божьей помощью не только наш народ, но избавляющим от бед всю землю. Приходящие из всех стран черпают тут безвозмездное исцеление. Как в святых евангелиях господь говорит святым апостолам: «Даром принимаете, даром и давайте». Об этих и сам господь говорит: «Верующий в мои деяния содеет больше». ⟨...⟩

О БОРИСЕ И ЕГО ОБЛИКЕ

Благоверный Борис, хорошего рода, был послушен отцу, покоряясь ему во всем. Телом был красив: высок, лицо имел круглое, плечи широкие, станом был тонок, глаза имел добрые, лицо веселое, усы и борода были небольшие, так как был он еще молод; светел был, как царь, крепок телом и всячески украшен, как цветок цвел в юности своей; в сражениях был храбр, в советах мудр и разумен, и благодать божия цвела на нем.

[1] *страсти* — здесь: мучения.

[2] *черница* — монахиня.

[3] *расстричь* — лишить монашеского сана.

[4] По древнему обычаю, у человека была два имени: одно «мирское», а другое — «христианское», дававшееся при крещении.

[5] *Притчи* — одна из книг Библии, составление ее приписывали царю Израильско-Иудейского царства Соломону (ум. ок. 928 до н. э.).

[6] *Василий* — христианское имя отца Бориса, Владимира Святославича.

[7] *...помост в Берестове* — в княжеском селе близ Киева Берестове находился княжеский деревянный дворец; *помост* — галерея, длинный узкий крытый проход, соединяющий две отдельные части здания.

[8] *...церковь святой Богородицы* — см. примеч. 5 к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона.

[9] *Иосиф* и *Вениамин* — согласно древнееврейским историческим легендам, сохранившимся в Ветхом завете, младшие сыновья Иакова от Рахили; они встретились друг с другом после длительной разлуки, в которой виновны были дети Иакова от других жен.

[10] *багряница* — дорогая пурпурная одежда, которую носили цари и князья.

[11] *Вышгород* — город на Днепре.

[12] По библейскому преданию, *Каин* — сын Адама и Евы — совершил первое на земле братоубийство, умертвив Авеля.

[13] *Альта* — приток Трубежа.

[14] Борис вспоминает христианских мучеников, убитых ближайшими родственниками: *Никита* — готский мученик, царский сын, убит отцом-язычником; *Вячеслав* (Вацлав) — просветитель Чехии и Моравии, убит братом Болеславом I.

[15] *Варвара* — жительница Финикии, убита ок. 306 г. отцом-язычником; великомученица Варвара считается заступницей от внезапной и насильственной смерти.

[16] *стратотерпец* — мученик; з д е с ь: о Борисе.

[17] *псалом* — песнопение, исполняемое во время богослужения; *заутреня* — утреннее богослужение.

[18] *канон* — церковное песнопение в похвалу святого.

[19] *отрок* — младший член княжеской дружины.

[20] *гривна* — з д е с ь: шейный обруч как знак отличия.

[21] Имеется в виду Борис.

[22] *Смядынь* — река в Смоленской земле; *насад* — боевое судно.

[23] *Предслава* — дочь Владимира I Святославича и Рогнеды; *Ярослав* — ее брат.

[24] *колода* — выдолбленный ствол дерева, в колодах славяне хоронили умерших.

[25] *Берестье* — см. примеч. 62 к «Повести временных лет».

[26] *Ляшская земля* — Польша.

[27] *Димитрий* — Дмитрий Солунский, проконсул Солуни, убит в начале IV в. причислен христианской церковью к лику святых; почитался как покровитель и защитник Солуни, на Руси — как святой-воин.

[28] *рака* — гробница.

[29] *Солунь* — город в Византии (ныне г. Салоники в Греции), почитаемый в славянском мире как родина первых славянских просветителей — братьев Кирилла (Константина) и Мефодия.

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Лаврентьевский список «Повести временных лет» под 1096 г. включает «Поучение» выдающегося государственного деятеля Киевской Руси Владимира Мономаха (1053—1125), обладавшего незаурядным литературным талантом. «Поучение» было написано, по-видимому, в 1117 г.

В отличие от традиционного жанра поучений, носящих только религиозно-дидактический характер, «Поучение» Мономаха содержит конкретно-исторические черты. Мономах создает идеал государственного и общественного деятеля, борющегося за единство родной земли, против княжеских междоусобиц. «Поучение» распространено автобиографической частью и в этом смысле предшествует первой автобиографии в древней русской литературе — «Житию протопопа Аввакума». Облик самого автора раскрывается здесь значительно полнее, чем в других произведениях описываемого периода: это не только мудрый правитель, но и смелый

в военных походах и на охоте человек, умеющий поэтически воспринимать красоту и гармонию окружающего мира.

В Хрестоматии отрывки из «Поучения» даются в переводе Д. С. Лихачева (см.: *Памятники* литературы Древней Руси XI — нач. XII века. М., 1978).

⟨...⟩ Сидя на санях[1], помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей[2], и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы сами по себе будем, а ты сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневайтесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелования преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь[3], в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова, и расположил их по порядку, и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите. ⟨...⟩

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь. А господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, также и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божья, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться. Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они. Ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божью.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои. Разум человеческий не может постигнуть чудеса твои». И снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один

облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая[4] идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но сильные и слабые идут по всем землям по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то, и имея язык, онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца, и сына, и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примите, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи,— если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим избавляется. Если и на коне едучи, не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше,— нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чти, как отца, а молодых — как братьев.

В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока[5], чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим.

На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью, сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем; ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собою. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо. Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене, воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птицы, и люди.

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску. И снова, вторично ходил я к Смоленску со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью [6] с Изяславом [7], а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир [8]. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль [9] к отцу, а после пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске [10] мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир. Затем послал меня Святослав [11] в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса [12], и ходил в земле их четыре месяца. В том же году и сын родился у меня старший, новгородский [13].

А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой — в Новгород; весной — Глебу [14] в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком [15] — под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу 300 гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега [16]...

А всего походов было 80 и 3 великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного 20, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей 100. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй, и иных витязей молодых 15, этих я, приведя живыми, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около 200 лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь...

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своей, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей [17], сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах, и о ястребах заботился. Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои, или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамо-

тку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божье обережение лучше человеческого.

[1] *...сидя на санях* — т. е. в конце жизни; перевозка тела умершего на санях — часть древнерусского погребального обряда.

[2] *Ростиславичи* — Рюрик, Володарь и Василько, сыновья двоюродного брата Владимира Мономаха.

[3] На Руси был распространен обычай гадания на Псалтыри.

[4] *...из рая* — здесь: из южных стран.

[5] *тиун* — управляющий хозяйством князя; *отрок* — здесь: слуга.

[6] *Берестье* — см. примеч. 62 к «Повести временных лет».

[7] *Изяслав* — Изяслав Ярославич, дядя Владимира Мономаха.

[8] *Владимир* — ныне г. Владимир-Волынский.

[9] *Переяславль* — ныне г. Переяслав-Хмельницкий Киевской области.

[10] *Сутейск* — предположительно, город на западной границе Руси.

[11] *Святослав* — Святослав Ярославич, дядя Владимира Мономаха.

[12] *...за Глогов до Чешского леса* — горный хребет Чешский лес расположен между Богемией и Моравией; *Глогов* — ныне г. Глогув на реке Одре.

[13] Имеется в виду Мстислав (род. 1076), старший сын Владимира Мономаха.

[14] *Глеб* — Глеб Святославич, двоюродный брат Владимира Мономаха.

[15] *Святополк* — Святополк Изяславич, двоюродный брат Владимира Мономаха.

[16] Имеется в виду победа Владимира Мономаха, его отца Всеволода Ярославича и дяди Изяслава Ярославича над Борисом Вячеславичем и Олегом Святославичем («Гориславичем») в битве при Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г.

[17] *бирич* — должностное лицо; вызывал на суд ответчиков, собирал подати и штрафы, публично зачитывал княжеские указы.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» («Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олегова») — величайший памятник мировой литературы — создан в XII в. в Киевской Руси. «Слово» было найдено в списке XVI в. Оно входило в состав рукописного сборника, купленного А. И. Мусиным-Пушкиным у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля Быковского в конце XVIII в. В 1796 г. была сделана рукописная копия для Екатерины II. В 1800 г. А. И. Мусин-Пушкин вместе с А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским издали «Слово». Пожар 1812 г. уничтожил сборник со списком «Слова» и бо́льшую часть первопечатного издания.

В «Слове» рассказывается о походе новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев, предпринятом вместе с братом Всеволодом из Трубчевска, сыном Владимиром из Путивля и племянником Святославом Ольговичем из Рыльска. «Слово» было написано вскоре после похода, ок. 1187 г. Как подлинный памятник XII в. оно было высоко оценено Н. М. Карамзиным, А. С. Пушкиным, В. Г. Белинским. «Слово» читал и изучал К. Маркс. Определяя идейную направленность «Слова», Маркс писал: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 16). Вся система образов, все художественные средства «Слова» направлены на то, чтобы подчеркнуть эту глубоко народную идею произведения. Народность содержания определила тесную связь «Слова» с фольклором и его светский характер.

Впервые в истории русской литературы автор создает в «Слове» высокопоэтический и лирический образ русской женщины, тоскующей по своему мужу, переживающей за его воинов и судьбу похода. Влияние устного народного творчества заметно сказалось на художественном строе «Слова». Автор использует народную символику, эпитеты, тавтологию. Природа в «Слове», как и в фольклорных произведениях, тесно связана с жизнью человека. Влиянием народнопоэтического мировосприятия объясняются и элементы языческой мифологии, проявляющиеся в «Слове».

В Хрестоматии «Слово о полку Игореве» дается в переводе В. И. Стеллецкого (см.: *Слово* о полку Игореве: Древнерусский текст и переводы. М., 1965).

Не подобало ли бы нам, братья, начать старинным складом печальную повесть о походе Игоревом, Игоря Святославича[1]? Начаться же этой песни по событиям нашего времени, а не по замыслу Боянову. Боян же вещий, если хотел кому песнь слагать, то носился мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками: помнил он, молвится, битвы прежних времен. Тогда пускал он десять соколов на стаю лебедей, на которую (сокол) налетал, та первая песнь пела старому Ярославу[2], храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими[3], красивому Роману Святославичу[4]. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, они же сами князьям славу рокотали.

Поведем же, братья, повесть эту от старого Владимира[5] до нынешнего Игоря, который напряг ум волею своею и отточил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел от него тьмою всех своих воинов прикрытыми[6]. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше изрубленным быть, чем полоненным быть,— сядем же, братья, на своих борзых коней да посмотрим (в дали) синего Дона!» Распалило ум князя желание, и жажда испить (воды) Дона великого знамение ему заслонила. «Хочу,— молвил,— копье преломить на краю степи половецкой с вами, русичи; хочу сложить свою голову либо напиться шлемом из Дона[7]».

О Боян, соловей старого времени, если б ты эти походы воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу по обе стороны сего времени! Рыща по следу Троянову через поля на горы, так бы петь песнь об Игоре того (Велеса) внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галки стаями слетаются к Дону великому», или так бы запел вещий Боян, Велесов[8] внук: «Кони ржут за Сулою[9] — звенит слава в Киеве».

Трубы трубят в Новгороде — стоят стяги[10] в Путивле; Игорь ждет милого брата Всеволода[11]. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет, светлый ты Игорь, оба мы — Святославичи! Седлай, брат, коней своих борзых, и мои готовы, под Курском загодя оседланы. А мои куряне — испытанные воины: под трубы (боевые) повиты (рождены), под шлемами взлелеяны, острием копья выхолены (воспитаны); пути им ведомы, овраги знаемы,

луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь закрывало; ночь, гремя (завывая) ему грозою, птиц пробудила, свист звериный (их) в стаи сбил. Див[12] кличет с вершины дерева, велит послушать земле незнаемой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуни[13], и тебе, Тмутараканский истукан[14]. А половцы нетореными дорогами побежали к Дону великому; галдят телеги в полуночи, словно лебеди распуганные. Игорь воинов к Дону ведет.

Но уже беду его подстерегают птицы по дубравам; волки грозу навывают по оврагам; орлы клекотом на кости зверей зовут; лисицы лают на алые щиты. О русские полки! Вы уже за холмами порубежными!

Долго длится ночь. Заря свет зажгла, туман поля покрыл. Щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие степи алыми щитами перегородили, ища себе чести, а князю славы.

На рассвете в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и рассыпались по степи стрелами, помчали красных девок половецких, а с ними золото, парчу и дорогие аксамиты[15]. Покрывалами, накидками, и опашнями[16], и разными узорочьями половецкими стали мосты мостить по болотам и топким местам. Алый стяг, белая хоругвь, алый бунчук[17], серебряная палица — храброму Святославичу!

Дремлет в поле храброе Олегово гнездо[18], далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гза бежит серым волком. Кончак[19] за ним следом — к Дону великому.

На другой день в час ранний кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут — хотят прикрыть четыре солнца[20], и в них трепещут яркие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям поломаться, тут саблям пощербиться о шлемы половецкие на реке на Каяле, у Дона великого! О русские полки! Вы уже за холмами порубежными!

Вот ветры, Стрибожьи[21] внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль степь застилает, стяги (как живые) говорят, половцы идут от Дона и от моря, со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом степь перегородили, а храбрые русичи перегородили (ее) алыми щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь на поле брани, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, там (и) лежат поганые головы половецкие. Порублены саблями калеными шлемы аварские тобою, Яр-Тур Всеволод! Что раны тому, братья, кто забыл почести, и богатство, и града Чернигова отчий златой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны[22], любовь и привет.

Были века Трояновы, миновали года Ярославовы, были сечи Олеговы, Олега Святославича[23]. Тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в граде Тмутаракани, звон тот слышал давний великий Всеволод[24], сын Ярославов, а Владимир[25] всякое утро затыкал (себе) уши в Чернигове; Бориса же Вячеславича[26], храброго и молодого князя, похвальба на (смертный) суд привела и на Канине[27] зеленое покрывало постлала за обиду Олегову. С такой же (как ныне) Каялы Святополк[28] (бережно) повез отца своего между угорскими (венгерскими) иноходцами ко святой Софии в Киев. Тогда, при Олеге Гориславиче, засевались и порастали усобицами, погибали владения Даждьбожьего внука[29], в княжеских крамолах век людской сокращался; тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны каркали, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь лететь на поживу. То было в те битвы и в те походы, а о такой битве не слыхано.

С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в степи незнаемой, среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костьми была засеяна, а кровию полита; горем взошли они по Русской земле!

Что там шумит, что там звенит издалека рано перед зарею? Игорь (к бою) полки возвращает: жаль ему милого брата Всеволода! Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы, тут кровавого вина недостало, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава с жалости, а деревья с печалью к земле приклонились.

Уже, братья, невеселое время настало, уже Пустыня (русскую) Силу прикрыла! Поднялась обида средь полков Даждьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову, заплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона; плещучи, прогнала обильные времена! Борьба князей с погаными безуспешна, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же!» И начали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя измену ковать. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую! О! Далеко залетел сокол — к морю, птиц избивая.

А Игорева храброго полка не воскресить! По нем кликнула Карна, и Жля[30] поскакала по Русской земле, жар неся погребальный в пламенном роге. Жены русские восплакались, причитая: «Уже нам мужей своих милых ни мыслию помыслить, ни думою вздумать, ни очами не увидеть, а к золоту и серебру и подавно не прикоснуться!»

И зарыдал, братья, Киев от горести, а Чернигов от напастей, тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя измену ковали, а поганые, с победами рыская по Русской земле, собирали дань по белке со двора.

Те два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, пробудили нечисть раздором; ее усмирил грозою отец их, великий грозный Святослав Киевский[31], устрашил своими могучими полками и булатными мечами, вторгся в землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота, а поганого Кобяка[32] из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрь, выхватил, и упал Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святославовой! Тут немцы и венецианцы, тут греки и морава поют славу Святославу, упрекают князя Игоря, что добро потопил на дне Каялы, реки половецкой. Русского злата насыпали! Тут Игорь-князь пересел из седла златого да в седло погонщика! Приуныли по градам их зубчатые стены, а веселие поникло.

А Святослав мрачный сон видел в Киеве на горах. «В эту ночь с вечера одевали меня,— молвил,— черным покрывалом на кровати (моей) тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне из порожних колчанов поганых толмачей[33] крупный жемчуг на грудь и обряжали меня. А доски без матицы[34] в моем тереме златоверхом! Всю ночь с вечера вещие вороны каркали у Плеснеска на лугу, были они из Ущелья слез Кисанского и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило: вот два сокола слетели с отчего престола златого, чтобы попытаться отвоевать город Тмутаракань или напиться шлемом из Дона. Уже соколам крылышки подрезали поганых саблями, а сами опутали путами железными. Ибо темно стало в третий день: два солнца померкли, оба столпа багряные погасли, а с ними молодые месяцы, Олег и Святослав[35], тьмою заволоклись и в море погрузились. Великую дерзость придали они хиновским[36] племенам. На реке на Каяле Тьма Свет покрыла; на Русскую землю накинулись половцы, словно выводок рысей. Уже налетело Бесчестье на Славу, уже ударило Насилье на Волю, уже низринулся Див на (нашу) землю! Вот уже готские красные девицы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом; поют про время (давних) напастей, лелеют месть за (поражение) Шарукана[37]. А мы, дружина, лишены веселия!»

Тогда великий Святослав изронил златое слово, со слезами смешанное, и молвил: «О сыны мои, Игорь и Всеволод! Рано вы стали Половецкую землю мечами терзать, а себе славы искать, но не с честью вы побились, не с честью кровь поганую пролили! Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы, а в смелости закалены. То ли сотворили моей серебряной седине? А уже не вижу руководства могучего, и богатого, и многоратного брата моего Ярослава[38] с черниговскими вельможами, с воеводами, со старейшинами, с боярами-шельбирами, с воинами-топчаками[39], с богатырями, со смельчаками,— они ведь без щитов, с ножами засапожными, кликом могут полки побеждать, звеня прадедовой

славой. Но вы сказали: „Одни подоблествуем, будущей славой одни завладеем, а прежнюю сами поделим!“ А диво ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол перелиняет, высоко птиц загоняет, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло: нежеланье князей пособить мне — на худое времена обернулись!»

Вот в Римах[40] стонут под саблями половецкими, а Владимир[41] — от (тяжких) ран, горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод[42]! Не мыслию лишь тебе б прилететь издалека отчий престол поблюсти! Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать! Если бы ты (здесь) был, то невольниц продавали б за бесценок, а рабов и подавно. Ты ведь можешь (и) посуху живыми стрелять огнестрелами — удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, Буй Рюрик и Давыд[43]! Не у вас ли воины до золоченых шлемов в крови плавали? Не у вас ли храбрая дружина, раненная саблями калеными в степи незнаемой, рыкает, словно туры? Вступите, государи, в золотое стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав[44]! Высоко ты сидишь на своем златокованом престоле, подперев горы Угорские[45] своими полками железными, загородив королю путь, затворив ворота Дуная, метая клади через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь ворота Киеву, стреляешь с отчего златого престола в султанов за землями — стреляй, государь, в Кончака, в погонщика поганого, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича!

А ты, Буй Роман, и Мстислав[46]! Храбрая мысль возносит ум ваш на подвиги! Высоко ты, (Роман), взмываешь на подвиг в смелости, ширяясь на ветрах, как сокол, который стремится птицу в отваге превзойти. Есть ведь у вас воины в панцирях железных под шлемами латинскими. От них дрогнула земля и многие племена: хинова, литва, ятвяги, деремела[47] и половцы — дроты свои побросали, а головы свои преклонили под те мечи булатные. Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет, а дерево не к добру листву обронило: по Роси[48] и Суле города поделили, а Игорева храброго полка не воскресить! Дон к тебе, князь, взывает и зовет князей на победу: Ольговичи, храбрые князья, уже повоевали!

Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича[49]! Не плохого гнезда соколы-шестикрыльцы! Не по жребию побед себе волости добыли! К чему же ваши золотые шлемы, и дроты ляшские, и щиты? Загородите Степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями для города Переяславля, и Двина болотом течет тем грозным полочанам под клики поганых. Один лишь Изяслав[50], сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, приласкал славу деда своего Всеслава[51], а сам под алыми щитами на кровавой траве приласкан литовскими мечами. И, с милою на ложе, мол-

вил: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали!» Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода[52], один изронил он жемчужную душу из храброго тела через златое ожерелие! Приуныли голоса, поникло веселие, трубы трубят городенские.

Ярослав[53] и все внуки Всеславовы! Опустите долу стяги свои, вложите (в ножны) мечи свои, более уже негодные — уже отошли вы от дедовой славы! Вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово: из-за раздоров ведь явилось насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом[54] бросил Всеслав[55] жребий о девице, ему милой. Он, обманом подпершись на (обещанных) коней, скакнул ко граду Киеву и коснулся палицей золотого престола Киевского. Скакнул от них (от киевлян) лютым зверем в полночь из Белгорода, завесился синею мглой, а наутро вонзил секиры: отворил ворота Новгорода — разбил славу Ярославову. Скакнул волком до Немиги из Дудуток[56]. На Немиге из голов снопы стелют, молотят цепами булатными, кладут жизнь на току, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костями русских сынов!

Всеслав-князь простым людям суд правил, князьям города рядил, а сам в ночи волком рыскал, из Киева, рыща, добегал до петухов в Тмутаракань, великого Хорса[57], волком рыща, в пути перегонял. Ему в Полоцке рано к заутрене позвонили в колокола у святой Софии, а он в Киеве звон слышал! Хотя и колдовская душа была в храбром теле, но часто от бед страдал. О нем вещий Боян некогда припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни искусному, ни ведуну искусному суда божьего не миновать!»

О! Рыдать Русской земле, вспоминая прежние времена и прежних князей! Того старого Владимира[58] нельзя было пригвоздить к горам Киевским! А ныне стяги его — одни стали Рюриковы, а другие — Давыдовы, но розно их полотнища веют, (розно) копья поют.

На Дунае Ярославнин[59] голос слышится, одинокою кукушкой рано поутру кличет: «Полечу,— говорит,— кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле!»

Ярославна рано поутру плачет в Путивле на стене зубчатой, причитая: «О ветер-Ветрило! Зачем, господин, навстречу веешь? Зачем наносишь стрелы хиновцев на своих легких крыльях на воинов моего милого? Мало ли тебе было в вышине под облаками веять, лелеять корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселие по степи ковыльной развеял?»

Ярославна рано поутру плачет в Путивле-городе на стене зубчатой, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы, проходя сквозь землю Половецкую, ты лелеял на себе Святославовы ладьи до полка Кобякова — прилелей, господин, моего милого ко мне, чтобы не слала к нему слез на море рано!»

Ярославна рано поутру плачет в Путивле на стене зубчатой,

причитая: «Светлое и пресветлое Солнце! Для всех тепло и красно ты!

Зачем, господин, простер горячие свои лучи на воинов милого; в степи безводной зноем им луки повел, горем им колчаны заплел?»

Разбушевалось море в полночь, идут смерчи, как тучи. Бог Игорю-князю путь указывает из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит; Игорь бодрствует; Игорь мысленно степи мерит от великого Дона до малого Донца[60]. В полночь Овлур коня свистнул за рекою: велит князю разуметь: «Князю Игорю не быть (скрыться)!» — кликнул. Стукнула земля, зашумела трава — встревожились вежи[61] половецкие. А Игорь-князь помчался горностаем к тростнику и белым гоголем на́ воду. Вскочил на борзого коня, соскочил с него волком-оборотнем и побежал к берегу Донца, и полетел соколом под тучами, побивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отрясая студеную росу — надорвали они коней своих борзых!

Донец сказал! «Князь Игорь! Немало тебе величия, а Кончаку неудовольствия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! Немало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зелену́ траву на своих берегах серебряных, одевавшему его теплыми туманами над сенью зеленого дерева; берег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернетьми[62] на ветрах!»

Не так, говорят, река Сту́гна: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширясь к устью, юношу князя Ростислава[63] скрыла на дне у темного берега. Плачет мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе! Приуныли цветы с жалости, а деревья с печалью к земле приклонились.

А не сороки застрекотали — по́ следу Игореву рыщут Гза с Кончаком. Тогда во́роны не каркали, галки приумолкли, сороки не стрекотали, поползни (не свистели) ползали только. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

Молвит Гза Кончаку: «Коли сокол ко гнезду летит, соколенка расстреляем своими золочеными стрелами». Сказал Кончак Гзе: «Коли сокол ко гнезду летит, соколика мы опутаем красною де́вицею». И сказал Гза Кончаку: «Коли его опутаем красною де́вицею, не будет у нас ни соколика, ни красной де́вицы, и станут нас птицы бить в степи половецкой!»

Боян, воспевавший старые времена — Ярославова, Олегова, жены кагана, — молвил о походах Святославовых: «Тяжко тебе, голова, без плеч, худо и телу без головы» — Русской земле без Игоря!

Солнце светится на небе, Игорь-князь — в Русской земле! Девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей[64]. Села рады, грады веселы.

Спевши песню старым князьям, надо и молодым спеть: «Слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!» Да будут здравы князья и дружина, сражающиеся за христиан с полками поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

[1] *Игорь Святославич* (1150—1202) — князь новгород-северский, из рода черниговских князей, сын Святослава Ольговича, внук Олега Святославича («Гориславича»).

[2] *старый Ярослав* — Ярослав Мудрый (998—1054).

[3] Имеется в виду поединок черниговского и тмутараканского князя Мстислава Владимировича, победившего касожского князя Редедю; *касоги* — предки черкесов.

[4] *Роман Святославич* — Роман Святославич Красный, князь тмутараканский, брат Олега Святославича.

[5] *...старого Владимира:* мнения расходятся — имеется ли в виду Владимир Святославич (ум. 1015) или Владимир Мономах (ум. 1125).

[6] Имеется в виду солнечное затмение 1 мая 1185 г.

[7] *Дон* — старое название Северского Донца.

[8] *Велес* (Волос) — древнеславянское языческое божество.

[9] *Сула* — приток Днепра, за Сулой простиралась половецкая степь.

[10] *стяг* — знамя.

[11] *Всеволод* — брат Игоря, князь трубчевский и курский.

[12] *Див* — видимо, мифическое существо восточных народов.

[13] *Поморие* — земли по берегам Азовского моря; *Посулие* — земли по Суле (см. выше); *Сурож* (ныне пос. Судак), *Корсунь* (Херсонес) — греческие колонии в Крыму.

[14] *Тмутараканский истукан* — языческий идол или античная статуя вблизи Тмутаракани; *Тмутаракань* — русское княжество, вотчина черниговских князей (до конца XI в.) на Таманском полуострове.

[15] *аксамит* — бархат, обычно красного или фиолетового цвета.

[16] *опашень* — верхняя мужская одежда.

[17] *хоругвь* — знамя; *бунчук* — длинное древко с кистями и конскими прядями на заостренном конце, знак власти командующего войском.

[18] *Олегово гнездо* — потомки Олега Святославича («Гориславича»); здесь: участники похода.

[19] *Гза, Кончак* — половецкие ханы.

[20] *...четыре солнца* — здесь: Игорь Святославич, его брат Всеволод, сын Владимир и племянник Святослав Ольгович из Рыльска — участники похода.

[21] *Стрибог* — бог ветра у славян-язычников.

[22] *Глебовна* — жена Всеволода.

[23] *Олег Святославич* — потомок черниговских князей-изгоев, принес много зла Русской земле, так как в борьбе за Чернигов опирался на помощь половцев.

[24] *великий Всеволод* — Всеволод Ярославич, сын Ярослава Мудрого, отец Владимира Мономаха.

[25] *Владимир* — Владимир Мономах.

[26] *Борис Вячеславич* — двоюродный брат и союзник Олега Святославича, был убит, согласно летописи, в 1078 г. в битве при Нежатиной Ниве у Чернигова.

[27] *Канина* — местонахождение неизвестно.

[28] *Святополк* — Святополк Изяславич, после боя при Нежатиной Ниве в 1078 г. привез тело убитого отца в Киев.

[29] *Даждьбог* — бог солнца у славян-язычников; здесь: русские.

[30] *Карна* и *Жля* — олицетворение скорби, печали и горя.

[31] *Святослав Киевский* (ум. 1194) — двоюродный брат Игоря и Всеволода; их отцом он назван по своему положению, как князь киевский.

[32] *Кобяк* — половецкий хан, разбит и взят в плен русскими князьями в 1184 г.

[33] *толмач* — переводчик; здесь: представители степных кочевых народов, селившихся на территории южных русских княжеств.

[34] *матица* — основная балка, на которой держится потолочный настил.

[35] *Олег и Святослав* — имеются в виду младший и средний сыновья Игоря.

[36] *хиновские племена* — восточные племена, враждебные Руси.

[37] *Шарукан* — дед хана Кончака, разбитый Владимиром Мономахом.

[38] *Ярослав* — Ярослав Всеволодович, князь черниговский, младший брат Святослава Киевского.

[39] *шельбиры, топчáки* — знатные роды ковуев, тюрков по происхождению, подчиненных черниговскому князю.

[40] *Римов* — город в Переяславском княжестве.

[41] *Владимир* — Владимир Глебович, князь переяславский, ранен в битве с половцами вскоре после поражения Игоря.

[42] *Всеволод* — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), князь суздальский.

[43] *Рюрик* — Рюрик Ростиславич, князь белгородский; *Давыд* — Давид Ростиславич, князь смоленский.

[44] *Ярослав Галицкий* — тесть князя Игоря, прозванный за свой ум Осмомыслом (Восьмимысленным).

[45] *горы Угорские* — Карпаты.

[46] *Роман* — князь волынский; *Мстислав* — его двоюродный брат, князь пересопницкий (Пересопница — город на Волыни).

[47] *литва, ятвяги, деремела* — литовские племена.

[48] *Рось* — приток Днепра.

[49] *...Ингварь, Всеволод и все три Мстиславича* — волынские князья.

[50] *Изяслав* — внук Всеслава Полоцкого, князь полоцкий.

[51] *Всеслав* (ум. 1101) — родоначальник полоцких князей.

[52] *Брячислав, Всеволод* — полоцкие князья, сыновья Василька Рогволодовича.

[53] *Ярослав* — возможно, один из полоцких князей.

[54] *Троян* — возможно, языческое божество.

[55] Князь Всеслав враждовал с сыновьями Ярослава Мудрого.

[56] *Немига* — приток Свислочи; Дудутки — местонахождение не установлено.

[57] *Хорс* — бог солнца у славян-язычников.

[58] См. примеч. 5.

[59] *Ярославна* — Ефросиния Ярославна, вторая жена Игоря, дочь Ярослава Осмомысла.

[60] *Малый Донец* — приток Северского Донца.

[61] *вежа* — шатер и повозка с шатром.

[62] *чернеть* — нырковая утка.

[63] *Ростислав* — Ростислав Всеволодович, родной брат Владимира Мономаха, двадцатидвухлетним юношей утонул в Стугне (приток Днепра).

[64] *Боричев* — Боричев взвоз, дорога в Киеве с горы на Подол (ремесленный и торговый центр на равнине по берегу Днепра, ныне один из северных районов Киева); *Богородица Пирогощи* — церковь-башня на Подоле (греч. *пиргос* — башня).

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ РУСИ (XIII—XIV вв.)

«МОЛЕНИЕ» ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

«Моление» Даниила Заточника[1] («Послание Даниила Заточника к великому князю Ярославу Всеволодовичу») — памятник, созданный на севере Руси, по-видимому, в первой четверти XIII в. «Моление» представляет собой послание Даниила к князю Переяславля-Залесского Ярославу Всеволодовичу. Впервые в истории древней русской литературы автором становится человек, находящийся в зависимом и униженном положении, пострадавший от бояр и старающийся прибегнуть к заступничеству князя. «Моление» — своеобразный по своим художественным особенностям памятник. Для него характерны остросатирические выпады против боярства и духовенства.

По идейной направленности «Моление» не расходится с другими памятниками этого периода. Выступая против бояр, Даниил ищет спасение в сильной княжеской власти. Он создает в «Молении» идеальный образ князя — защитника сирот и вдов, заботящегося о своих подданных.

В Хрестоматии «Моление» с небольшими сокращениями дается в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

Вострубим, братья, как в златокованую трубу, во все силы ума своего, и начнем бить в серебряные орга́ны, в свидетельства мудрости, и ударим в бубны ума своего, поюще в боговдохновенные свирели, да восплачутся в нас душеполезные помыслы. Восстань, слава моя, восстань, псалтырь[2] и гусли. Да раскрою в притчах загадки мои и возвещу в народах славу мою. Сердце умного укрепляется в теле его красотой и мудростью <...>.

Зная, господин, твое добросердечие, прибег я к обычной твоей любви. Говорится ведь в Святом писании: «Просите и полу́чите». Давид[3] говорит: «Не речи и не слова те, которых не слышно». Мы ж не умолчим, но обратимся к господину своему, всемилостивому князю Ярославу Всеволодовичу. Княже мой, господине! Помяни меня в княжении своем, так как я раб твой и сын рабыни. Вижу, господин, всех людей, как солнцем, согреваемых милостью твоей. Только я один, как трава в тени растущая, на нее ни солнце не глянет, ни дождь не прольется, так и я хожу во тьме, отлучен днем и ночью от света очей твоих. Поэтому, господин, приклони ухо твое к словам уст моих и от всех скорбей моих избавь меня. Княже мой, господине! Все насыщаются от обилия дома твоего — как поток пища твоя; только я один жажду милости твоей, как олень источника водного.

Я ведь, как дерево сухое, стоящее у дороги, все идущие мимо рубят его; так и я всеми обижаем, потому что не огражден страхом грозы твоей, как крепкой оградой. Княже мой, господине! Богатый человек везде известен, даже и в чужом городе, а бедный человек и в своем городе неведом ходит. Богатый человек заговорит — все молчат и слово его вознесут до облаков, а бедный человек заговорит — все на него закричат. Чьи ризы светлы, тех и речи честны.

Княже мой, господине! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я изнутри. Я одеянием беден, но разумом богат, юный возраст имею, но старый ум вложил в него. И парил мыслью своей, как орел, по воздуху. Княже мой, господине! Яви мне лик свой, так как голос твой сладок, и уста твои мед источают, и образ твой прекрасен; послания твои как плод райский; руки твои наполнены золотом аравийским; ланиты[4] твои как сосуд ароматный; гортань твоя как сосуд, источающий миро[5] — милость твою; вид твой как ливан[6] избранный; очи твои как источник воды живой; чрево твое как стог пшеничный, который многих питает; слава твоя возвышается над головою моею, и выя[7] твоя в гордости, как конь в монистах.

Княже мой, господине! Не смотри на меня, как волк на ягненка, но смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных, что не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а уповают на милость божию.

Пусть не будет рука твоя сжата на подаяние бедным. Ведь сказано в Писании: «Просящему у тебя дай, стучащему открой, да не лишен будешь царства небесного». Ведь сказано в Писании: «Возложи на господа печаль свою, и тот пропитает тебя вовеки».

Княже мой, господине! Не лиши хлеба нищего мудрого, не вознеси до облаков богатого глупого! Нищий же мудрый — как золото в грязном сосуде, а богатый человек глупый — как шелковая наволочка, соломой набитая, а бедный глупый — как солома, втоптанная в грязь.

Княже мой, господине! Если на рати я не очень храбр, то в словах крепок; потому собирай храбрых и умных. Лучше один умный, чем десять властелинов без ума, владеющих городами; ибо и Соломон так сказал: «Лучше один умный, чем десять властелинов без ума, потому что мысль мудрых добра». Даниил[8] говорит: «Храброго, князь, скоро добудешь, а умный — дорог». Мудрых полки крепки и города тверды; храбрых же полки сильны, но безумны — они терпят поражение...

Не корабль топит людей, но ветер; так же и ты, князь, не сам правишь: в печаль введут тебя советники твои. Не огонь раскаляет железо, но раздувание мехами.

Умный муж не очень бывает на рати храбр, но силен в замыслах; потому хорошо собирать мудрых...

Княже мой, господине!.. Я ведь не в Афинах рос, не у философов учился, но, как пчела, припадая к различным цветам, вы-

бирал сладость словесную, собирал мудрость, как в мех[9] воду морскую.

Княже мой, господине! Не оставь меня, как отец мой и мать моя оставили меня; а ты, господин, обласкай милостью своею.

Княже мой, господине! Как дуб крепится множеством корней, так и город наш твоей державою. Княже мой, господине! Кораблю глава — кормчий, а ты, князь,— глава людям своим. Видел полки без доброго князя и сказал: «Велик зверь, а головы не имеет». Женам глава — муж, мужам — князь, а князьям — бог.

Как паволока[10], расшитая многими шелками, красоту свою показывает, так и ты, князь наш, умными боярами перед многими людьми честен и во многих странах славен.

Как невод не удерживает воду, но выбирает множество рыбы, так и ты, князь наш, не держишь богатства, но раздаешь его мужам сильным и собираешь храбрых.

Ибо золотом мужей добрых не добудешь, а с помощью мужей и золото, и серебро, и города добудешь. Некогда Иезекииль, царь израильский, похвалился перед послами царя Вавилонского, показал им множество своего золота[11]; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не обилием золота, но множеством храбрых и мудрых людей».

Вода — мать рыбам, а ты, князь наш,— людям своим. Весна украшает землю цветами, а ты нас, князь, украшаешь милостью своей.

Княже мой, господине!

Был я в великой нужде и печали и под рабским ярмом пострадал, изведал зло.

Лучше бы мне ноги свои видеть в лаптях в доме твоем, нежели в красных сапогах при боярском дворе, лучше бы мне в дерюге служить тебе, нежели в багрянице при боярском дворе.

Нелепы у свиньи в ноздрях украшения золотые, так и на холопе одежда дорогая. Если бы и были у котла в ушках золотые кольца, то дну его не избавиться от черноты и копоти, так и холопу: если и свыше меры горделив и заносчив был, не избавиться ему от укора в холопском имени.

Лучше бы мне воду пить в доме твоем, нежели мед на боярском дворе, лучше бы мне воробья печеного принимать из руки твоей, нежели бараний бок от государей злых.

Ибо много раз ощущал подневольный хлеб, как полынь во рту, и питье мое в слезах растворял.

Доброму господину служа, дослужишься до свободы, а злому господину служа, дослужишься до еще большей кабалы.

Княже мой, господине! Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче-озеро[12], а мне плача исполнено, потому что доля моя не расцвела на нем.

Друзья мои и ближние отказались от меня, потому что не ставил перед ними трапезы[13], украшенной многоразличными яствами. Многие дружат со мной, протягивая руки свои в блюдо, услаж-

дая гортань свою пчелиным медом, а в несчастье хуже врагов обретаются и помогают поставить мне подножку; глазами плачут со мной, а в душе смеются надо мной. Потому и не верю другу, не надеюсь ни на брата, ни на друга. Если что имею, то будут со мною, если же не имею, то скоро бросят меня.

Потому, княже мой, господине, обращаюсь к тебе задавленный нищетою.

Не лгал мне Ростислав-князь, когда говорил: «Лучше бы мне смерть, нежели курское княжение»[14], так же и человеку: лучше смерть, нежели долгая жизнь в нищете. Потому Соломон говорит: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: разбогатев, я стану гордым и заносчивым, а в бедности я задумаю воровство и разбой, а жены — блуд».

Поэтому, княже мой, господине, прибегаю к обычной твоей любви и неизменной милости, спасаясь от бедности, как от клятвопреступника злого, как от змеи, призываемый словами блудного сына, который говорит: «Помяни меня спаситель», потому и я обращаюсь к тебе: «Помяни меня, сын великого князя Всеволода, да не заплáчу я, лишенный милости твоей, как Адам рая. Обрати тучу милости твоей на землю худости моей: да возвеселюсь о царе своем, как обретший много злата, воспою, как напившийся вина, возвеселюсь, как исполин, двинувшийся в путь.

Земля и деревья дают плоды обильные, а ты нам, князь, богатство и славу. Ибо все прибегают к тебе и обретают от печали избавление; сироты, бедные, гонимые богатыми, как к заступнику доброму, к тебе прибегают». Птенцы радуются под крылом матери своей, а мы веселимся под державой твоей.

Избавь меня, господин, от нищеты, как птицу от силков, и освободи меня от бедности моей, как серну из сетей, как утенка из когтей сокола. Ибо кто в печали человеку поможет, тот как студеной водой напоит его в знойный день.

Княже мой, господине! Ржа ест железо, а печаль ум человека. Как олово пропадает, если его часто плавить, так и человек от многих бед худеет; печаль человеку сушит кости. Всякий видит у другого сучок в глазу, а в своем глазу бревна не замечает. Всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а своей не может осмыслить.

Княже мой, господине! Как море не наполняется, приняв многие реки, так и дом твой не наполняется, принимая многие богатства, потому что руки твои, как сильная туча, берущая у моря воду, передают в руки бедных от богатства дома твоего. Потому я и возжаждал милосердия твоего...

Если и не мудр я, то облачился в одежды премудрых и умных сапоги носил.

Однако послушай голоса моего и подставь сосуд сердечный под струю языка моего, да натечет тебе словесной сладости лучше вод ароматных. Давид сказал: «Слова твои лучше меда устам моим». Соломон говорит: «Уста медовые — слова добрые; уста

праведного источают премудрость; печаль сердцу — дума безумных, ведь безумный возвышает голос свой со смехом».

Мудрого человека найдя, к нему прилепись сердцем своим. Говорит Писание: «Ищите премудрость, чтоб жива была душа ваша. Прилепляясь к премудрым, премудр будешь. Мужа лукавого избегай и наставлений его не слушай».

Очи мудрого — в разуме, а безумного очи — как во тьме ходят. Мудрый человек — умный друг, а неразумный — недруг. Сердце мудрого — в доме печальном, а безумного — в доме пиршественном. Посылая в путь мудрого, мало его наставляй, а посылая глупого, сам не поленись пойти. Лучше мне слышать угрозы мудрых, нежели наставления глупых. Сказано: «Дай мудрому наставление, и он мудрее будет, а глупого, если и кнутом бьешь, привязав к саням,— не избавишься от его глупости».

Наставляя глупых, многие примешь неприятности: среди народа осрамит тебя. Сказано: «Не сей жита на меже, ни мудрости в сердцах глупых». Не стоит вода на горах, ни мудрость в сердцах глупцов.

Княже мой, господине! Не отвергни раба скорбящего, не лиши меня жизни. Как глаза рабыни в руках госпожи ее, так наши глаза в руках твоих, ибо я раб твой и сын рабыни твоей. Насыщаясь многоразличными яствами, вспомни меня, сухой хлеб жующего; увеселяясь сладким питьем, облачаясь в красивые одежды, вспомни меня, в немытом вретище[15] простертого; лежа на мягкой постели, вспомни меня, под единым рубищем лежащего, от стужи умирающего, каплями дождевыми, как стрелами, пронзаемого.

Княже мой, господине! Орел-птица — царь над всеми птицами, осетр — над рыбами, лев — над зверями, а ты, князь,— над переяславцами. Лев рыкнет — кто не устрашится, а ты, князь, скажешь — кто не убоится?

Как змей страшен свистом своим, так ты, князь наш, грозен множеством воинов. Золото — красота женам, а ты, князь,— людям своим. Тело укрепляется жилами, а мы, князь,— твоею державою. Птенцы радуются весне, а младенцы — матери, а мы, князь,— тебе. Гусли настраиваются перстами, а город наш — твоею державою.

Куропатки не только выводят своих птенцов, но и из чужих гнезд приносят яйца. Запоет, говорят, куропатка, созовет птенцов, которых сама родила и которых не родила, так и ты, князь, многих слуг собрал, не только своих домочадцев, но и из других стран приходящих к тебе, знающих твою обычную милость. Ибо князь милостивый — как тихий источник, который поит не только животных, но и людей.

Княже мой, господине! Нельзя ковшом море вычерпать, ни тем, что мы возьмем, дом твой истощить.

Если же не мудр я, то потому, что мало мудрости встретил в воротах, только умных людей сапоги носил, в одежды умных облачался.

Неужели, князь, по глупости сказал я эти слова? Кто видел небо войлочное и звезды лыковые, а глупых — говорящих мудро?

Не плавает камень на воде. Как не нужно золото ни псам, ни свиньям, так глупым — мудрые слова. Нельзя мертвеца рассмешить, ни развратного наставить. Когда прогонит синица орла, тогда глупый ума наберется. Как дырявую кадку наполнять, так глупого учить. Ибо глупых ни сеют, ни жнут, ни прядут, ни ткут, но сами родятся.

Неужели скажешь, князь: «Налгал». Как это? Если бы умел украсть, то столько бы не скорбел. Девка губит свою красоту прелюбодейством, а муж свою честь — воровством.

Или скажешь, князь: «Женись у богатого тестя, тут пей и тут ешь». Лучше бы мне лихорадкою болеть: лихорадка потрясет и отпустит, а злая жена до смерти сушит.

Говорится ведь в мирских притчах: «Ни птица в птицах сыч, ни в зверях зверь еж, ни рыба в рыбах рак, ни скот в скотах коза, ни холоп в холопах, кто у холопа работает, ни муж в мужьях, кто жены слушает...»

Глупец из глупцов тот, кто возьмет злую жену приданого ради или ради тестя богатого. Лучше бы мне вола видеть в доме своем, нежели жену злую.

Видел золото на жене уродливой и сказал ей: «Тяжко этому золоту». Лучше бы мне железо варить, нежели со злой женой быть.

Жена злая подобна ссадине: здесь свербит, там болит.

Видел старую жену безобразную, кривоглазую, подобную черту, ротастую, челюстастую, злоязычную, приникшую к зеркалу, и сказал ей: «Не смотрись в зеркало, но смотри в гроб; ибо жене безобразной не стоит смотреться в зеркало, чтобы не впасть в еще большую печаль, видя безобразие лица своего».

Или говоришь, князь, постричься в монахи. Так не видел я ни мертвеца верхом на свинье, ни черта на бабе; не ел я от дуба смокв, ни от липы изюма.

Лучше мне так окончить жизнь свою, нежели, восприняв ангельский образ[16], богу солгать. Ибо говорят: «Лги миру, а не богу: нельзя богу солгать, ни вышним играть».

Ибо многие, отошедшие от мира сего в монашество, снова возвращаются к мирской жизни, как пес на свои блевотины, и на мирское преследование; обходят села и дома сильных мира сего, как псы льстивые. Где свадьбы и пиры, тут монахи, и монахини, и беззаконие: ангельский имеют на себе образ, а блудный нрав; святительский имеют на себе сан, а обычный похабный.

Княже мой, господине... рыцари, мастера, вожди... всадники — и те имеют честь и милость у поганых султанов. Иной, вскочив на коня, как орел, скачет по ипподрому, рискуя жизнью; иной летает с церкви или с высокой палаты на шелковых крыльях; иной нагим бросается в огонь, желая показать крепость сердца царям своим; иной, прорезав голени, обнажает кости, показывает их царю, доказывая храбрость свою; иной, закрыв глаза коню и ударяя

его по бокам, бросается с высокого берега вместе с конем своим... иной, привязав веревку к кресту церковному, другой конец к земле бросит далеко и по той веревке сбегает вниз, держась одной рукой за конец веревки, а в другой руке держа обнаженный меч; иной, обмотавшись мокрым полотном, борется с лютым зверем.

Но перестану много говорить, чтобы в многословии не растерять ум свой и не быть, как худой мех, сыплющий богатства в руки другим; и не уподоблюсь жерновам, которые людей насыщают, а сами себя не могут наполнить житом. Да не окажусь ненавистным многословною беседою, как птица, частящая песни, ненавидима людьми.

Потому и я, мутноумный, перестал говорить; боялся, господин, осуждения твоего, худой разум имея... Покушался говорить, уста неученые имея, обуздан был страхом божьим. Начал говорить, похваляясь премудростью, не совсем от глупости.

Ибо не едал масла из песка, а от козла молока, не видал глупого, мудрость изрекающего.

Как тебе скажу об этом, имея деревянный ум, войлочный язык и мысли, как отрепья от пакли.

Может ли разум говорить сладко? Сука не может родить жеребенка, а если бы родила, кому на нем ездить?

Одно есть лодка, другое — корабль, одно есть конь, другое — лошак[17], один — умен, другой — глуп. Глупых же не куют, не льют, но сами родятся.

Неужели скажешь, князь: «Солгал, как пес». Так хорошего пса князья и бояре любят.

Но оставим речи и скажем так: «Воскресни, боже, судья земли! Силу князя нашего укрепи, ленивых утверди, вложи мужество трусливым в сердце. Не дай же, господи, в плен земли нашей народам, не знающим бога, да не скажут иноплеменники: «Где есть бог их?» Бог же наш на небесах и на земле. Подай же им, господи, силу Самсона, храбрость Александра, целомудрие Иосифа, мудрость Соломона, кротость Давида[18], умножь людей своих во веки под державою твоею, и тебя прославит вся страна и всякое дыхание человеческое». Слава богу во веки. Аминь.

[1] *заточник* — тот, кто заточен, заключен.

[2] *псалтырь* — здесь: музыкальный инструмент.

[3] *Давид* — см. примеч. 33 к «Повести временных лет».

[4] *ланиты* — щеки.

[5] *миро* — благовонное масло.

[6] *ливан* — благовонное дерево.

[7] *выя* — шея.

[8] *Даниил* — библейский пророк.

[9] *мех* — выделанная шкура животного, употреблявшаяся в древности для хранения вина и воды.

[10] *паволока* — нарядная тонкая ткань.

[11] *Иезекииль* (7 в. до н. э.) — древнееврейский пророк; по преданию, хвалился своим богатством и был наказан за это потерей его.

[12] *Лача* — озеро на юге Архангельской области.

[13] *трапеза* — здесь: угощение.

[14] Приведенные слова, согласно Лаврентьевской летописи (см. под 1139 г.), принадлежат переяславскому князю Андрею Владимировичу Доброму: здесь они приписаны Ростиславу, по-видимому сыну Юрия Долгорукого. Курское княжество больше всех страдало от набегов степняков.

[15] *вретище* — одежда из грубой ткани.

[16] *воспринять ангельский образ* — постричься в монахи.

[17] *лошак* — гибрид ослицы с жеребцом.

[18] *Самсон* — в библейской мифологии герой, которому приписывалась сверхъестественная физическая сила и отвага; *Александр* — Александр Македонский (Великий, 356—323 до н. э.), один из величайших государственных деятелей и полководцев древнего мира.

«ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА РЕКЕ КАЛКЕ»

«Повесть о битве на реке Калке» была написана вскоре после битвы русских воинов с монголо-татарами на реке Калке[1] в 1223 г. Она свидетельствует о том ошеломляющем впечатлении, которое произвело на наших предков появление монголо-татар на юге Руси. «Повесть» была создана, по-видимому, в дружинной среде. Позднее ее обработал в религиозно-поучительном духе книжник-монах и она вошла в состав общерусского летописного свода.

Интересно упоминание в одном из вариантов «Повести» об Александре Поповиче, погибшем на Калке вместе с семьюдесятью богатырями. Это упоминание, несомненно, находится в тесной связи с былинным эпосом.

В Хрестоматии даются тексты двух сокращенных редакций «Повести о битве на реке Калке» — по списку Лаврентьевской летописи и по списку Новгородской IV летописи — в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

I

В год 6731 (1223)... В этот год явились народы, которых никто как следует не знает: кто они, откуда пришли, каков язык их, какого они племени, какой веры. И зовут их — татары, а иные говорят — таурмены, другие называют их печенегами; иные говорят, что это те народы, о которых свидетельствует епископ Мефодий Патарский[2], что они пришли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером; Мефодий говорит, что к концу мира должны явиться те, кого загнал Гедеон, и захватить всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтского моря[3], кроме Эфиопии. Бог же один знает их, кто они и откуда пришли, премудрые мужи знают это хорошо, кто умеет разумно понимать книги. Мы же не знаем, кто они, но написали здесь о них ради памяти о бедах, которые были от них русским князьям. Мы слышали, что многие страны они захватили: ясов, обезов, касогов[4] и половцев безбожных избили множество, а иных загнали. И так они погибли, преследуемые гневом божьим и пречистой его матери; ибо много зла причинили те окаянные половцы Русской земле, потому всемилостивый бог пожелал погубить и наказать безбожных сынов Измаила[5], половцев, чтобы отомстить за кровь христианскую, что и было с беззаконными. Прошли же таурмены всю страну Половецкую и подошли к Руси[6], к тому месту, которое называется Вал половецкий. И услышав об этом, русские князья Мстислав Киевский, Мстислав Торопецкий и Черниговский и прочие князья сговорились против них, думая, что таурмены пойдут на них. И послали во Владимир[7] к великому князю Юрию[8], сыну Всеволода, прося у него помощи; он

же послал к ним благочестивого князя Василька Константиновича, племянника своего, с ростовцами; и не успел Василько прийти к ним на Русь. А князья русские выступили, бились с ними и побеждены были, и мало их избавилось от смерти; те же, кто божьим судом остался жить, убежали, а остальные были убиты: Мстислав, старый, добрый князь, тут был убит, и другой Мстислав, и других князей семь было убито, а бояр и прочих воинов погибло множество; говорят, что киевлян одних погибло в том сражении 10 тысяч. И были плач и печаль на Руси и по всем землям, слышавшим об этой беде. Это же зло случилось в 30-й день месяца мая, на память святого мученика Еремея. Узнав о случившемся на Руси, Василько возвратился из Чернигова, сохранен богом и силою креста честного и молитвою отца своего Константина и дяди своего Георгия[8], вошел в свой Ростов, славя бога и святую богородицу.

II

В год 6732 (1224)[9] ... Пришли татары на землю Половецкую, к шатрам половцев. Котян — князь половецкий был тестем Мстислава, князя черниговского. И послал Котян к зятю своему с поклоном дары многие: золото, и коней, и шелковые ткани — со словами: «Шлю дары русским князьям; сегодня нас не будет, а завтра — вас»; и соединились князья русские в силе многой, и, услышав об этом, татары прислали 10 мужей с поклоном: «Мы не тронем вас, и городов ваших, но идем на своих конях на половцев». Не послушались их русские князья, убили тех 10 мужей. И двинулась Русь на татар, и шла 17 дней. И увидев это, прислали татары к русским князьям со словами: «Мы на вас не посягали, а вы на нас идете, поэтому пусть будет бог судьей между нами и вами». И сошлись оба войска, и было на Калке сражение великое; и победили поганые татары половцев и князей русских, и пала русская сила. Тогда убит был татарами на реке Калке великий князь киевский Мстислав Романович, княживший 10 лет, и других князей — 10 было убито; убили Александра Поповича и с ним 70 богатырей, и людей многих без числа, некоторых князей руками брали. Это был первый выход татарский на Русь, и было это 16 июня.

[1] *Калка* (Калчик) — приток реки Кальмиус, впадающей в Азовское море.

[2] *Мефодий Патарский* (ум. 312) — епископ из г. Патар; ему принадлежит пророчество о том, что народы, изгнанные библейским героем Гедеоном в пустыню, вновь появятся перед концом света; Гедеон возглавил борьбу израильтян против мадианитян.

[3] *Понтское море* — Черное море.

[4] *ясы, обезы, касоги* — кавказские народности.

[5] *Измаил* — библейский персонаж, сын Авраама и Агари; считался родоначальником мусульманских народов.

[6] *Русь* — здесь: Киевская земля.

[7] *Владимир* — г. Владимир на Клязьме.

[8] *Юрий* (*Георгий*) — Юрий (Георгий) Всеволодович (1187—1238), великий князь владимирский.

[9] *6732* (*1224 г.*) — разница в дате на один год по сравнению с датой Лаврентьевской летописи объясняется тем, что запись сделана по календарю, по которому новый год начинался не с 1 сентября, а с 1 марта.

«ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

В 1237 г. Рязань была захвачена и разорена ханом Батыем. Об этих событиях рассказывается в «Повести о разорении Рязани Батыем», входящей в цикл произведений о Николе Зарайском. Повесть посвящена героизму и мужеству русских людей, защищающих свою родину. Она проникнута пафосом воинской доблести: князья, дружина, все рязанцы беззаветно сражаются с захватчиками.

«Повесть» испытала значительное воздействие устных народных преданий о борьбе с монголо-татарским нашествием; в частности, эпизоды, связанные с Евпатием Коловратом и его дружиной, говорят о влиянии былинного эпоса. Стиль повести отличается лиризмом и драматизмом; язык в своей основе прост, чужд риторической изукрашенности.

В Хрестоматии «Повесть о разорении Рязани Батыем» дается в переводе Д. С. Лихачева (см.: *Художественная* проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957).

В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николы из Корсуня пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал станом на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, во всяких людях и в конях. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него, чтобы прислал помощь против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братией своей: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Давыдом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего, князя Федора Юрьевича Рязанского, к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю, но только похвалялся и грозился повоевать всю Русскую землю. И стал князей рязанских потехою тешить, а после у них дочерей и сестер их к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских из зависти донес безбожному царю Батыю, что имеет князь Федор Юрьевич Рязанский княгиню из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый, лукав он был и немилостив, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся только и ответил царю: «Не годится нам, христиа-

нам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь».

Безбожный царь Батый оскорбился, и разъярился, и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других находившихся тут же князей и воинских людей лучших поубивал. И один из пестунов[1] князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича. Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она от Апоницы смертоносные слова его, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим, князем Иваном, прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, князя Федора, и многих князей и лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней, и с другими княгинями, и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, и стал собирать воинство свое, и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и бестрепетно скачущих на конях своих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших и от подымающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь их темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия! Если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли? Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Вот я, брат ваш, вперед вас выпью чашу смертную за святые божьи церкви и за веру христианскую, за отчину отца нашего, великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы, и плакал много перед образом пречистой, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, принял благословение от епископа и от всех священнослужителей. И пошли походом против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно. И была сеча зла и ужасна, много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что силы рязанские бьются крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! А Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячью, а два — с 10 тысячами. И увидел князь великий убиение брата своего, князя Давыда Ингваревича, и воскликнул в горести души своей: «О братия моя милая и дружина ласковая, узорочье и воспитание рязанское[2]! Мужайтесь и крепитесь! Князь Давыд,

брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не пьем!» И пересели с коня на конь, и начали биться упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно биясь, так что всем полкам татарским подивиться крепости и мужеству рязанского воинства; и бились так крепко и нещадно, что и сама земля застонала, и Батыевы полки все смешались. И едва одолели их полки сильные татарские. В той сече убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвецы, узорочье и воспитание рязанское — все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул вспять, но все вместе полегли мертвые. Сие все навел бог грехов ради наших. А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие полки свои побитые, стал сильно скорбеть и ужасаться. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и город Бел, и Ижеславец[3] разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река сильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, паче всех красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тех ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан[4], принял венец своего страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И обступили град, и бились неотступно пять дней. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань в 21-й день декабря. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли. А иные многие от оружия пали. И во граде многих людей, и жен, и детей мечами посекли, а других в реке потопили, а черноризцев[5] и священников без остатка посекли, и весь град пожгли, и всю красоту знаменитую, и богатство рязанское, и сродников рязанских князей — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о чадах, ни чад об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников

о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то нам за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю попленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божьи до основания разорить. И некто из вельмож рязанских, по имени Евпатий Коловрат, был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую: города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И примчался во град Рязань и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И вскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — 1700 человек, соблюденных богом вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешалися все полки татарские. И стали татары точно пьяные и безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек их татарскими. Татарам почудилось, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился. И едва поймали татары из полка Евпатиева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры и какой земли и что мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, а витязи мы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича[6] своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, желая живым его взять. И съехались Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполнен силою и рассек Хостоврула на́ полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых победил, одних на полы рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями[7] и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю мурзы, князи и санчакбеи: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не

видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются — один с тысячью, а два с 10 тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, смотря на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной моей орды побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватали на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове у брата своего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разорен, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель и жалостно вскричал, как труба, созывающая на рать, как орга́н звучащий. И от великого того кричания и вопля страшного пал на землю как мертв. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой погибели? Кто не возрыдает о стольких людях народа православного? Кто не пожалеет стольких убитых государей? Кто не застонет от такого пленения?

И разбирал трупы князь Ингварь Ингваревич, и нашел тело матери своей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил матерь свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных. И сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и утешил их. И плакал беспрестанно, поминая матерь свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее, — только дым, земля и пепел. А церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот град пленен был, но и иные многие. Не стало во граде ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были от нечестивого царя Батыя братия его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его, князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвецы, узорочье и воспитание рязанское. Лежали они все на земле пустой, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их потерзало. Все лежали вместе, все вместе

умерли и единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество тел лежащих, и вскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей, как поток, текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные, и меня одного оставили в такой погибели? Почему не умер я раньше вас? И как закатились вы из очей моих? И куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною! Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью вскормленного, многоплодные сады мои? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее! Месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные: зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустынной, никем не охраняемые, чести, славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая! Уже не повеселюся с вами! Светы мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы несчастные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот и как опишу его, в который погибло столько государей и многое узорочье — храбрые удальцы и резвецы рязанские? Ни один из них не вернулся, но все вместе умерли и единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает...»

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, князя Глеба Ингваревича Коломенского и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустынной земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, прошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего, благоверного и христолюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань. А честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы их. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор

Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского. И похоронил вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их, князем Иваном Федоровичем Постником, во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим, князем Иваном, сама себя на том месте «заразила» (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Олеговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, на недругов храбры, половцам грозны, к братии своей — князьям русским — и к их послам величавы...

Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего, великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

[1] *пестун* — воспитатель.

[2] *...узорочье и воспитание рязанское* — т. е. лучшие люди, воспитанные в Рязанской земле, ее украшение.

[3] *Бел* — город Белград в Рязанской земле, ныне Белгородище; *Ижеславец* — предполагают, что этот город находился к северо-востоку от Старой Рязани, близ устья Пры; *Пронск* — ныне районный центр в Рязанской области.

[4] *Стефан* — один из христианских первомучеников, убитый в I в. за проповедь христианства.

[5] *чернориэец* — монах.

[6] *шурич* — сын шурина.

[7] *мурза* — мелкий феодал; *санчакбей* — военачальник.

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»

«Слово о погибели Русской земли» сохранилось в списке XV в. По мнению некоторых ученых, «Слово» представляет собой начало неизвестной нам поэмы XIII в., автор которой оплакивает гибель Руси и рассказывает о могуществе, богатстве и красоте Русской земли до нашествия монголо-татар. Большинство исследователей склоняется к тому, что «Слово» было началом произведения, повествующего о жизни Александра Невского. Чувство любви к Родине, скорбь при виде разорения Русской земли сближает это произведение со «Словом о полку Игореве».

В Хрестоматии «Слово о погибели Русской земли» дается в переводе И. П. Еремина (см.: *Художественная* проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957).

О светло-светлая и красно украшенная земля Русская!

Многими красотами ты нас дивишь: дивишь озерами многими, реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами

высокими, дубравами частыми, полями чу́дными, зверьми различными и птицами бесчисленными, городами великими, селами чу́дными, садами монастырскими, храмами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими! Всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отюда до угор[1], до ляхов и чехов; от чехов до ятвягов[2], от ятвягов до литвы и до немцев[3]; от немцев до корелы; от корелы до Устюга[4], где обитают тоймицы поганые[5], и за Дышучим морем[6]; от моря до болгар[7]; от болгар до буртас[8]; от буртас до черемис[9]; от черемис до мордвы, — все то покорил бог народу христианскому, все страны — великому князю Всеволоду[10], отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели, а литва из болота на свет не показывалась, а угры каменные города крепили железными воротами, чтобы на них великий Володимир не наехал. А немцы радовались, далеко будучи за синим морем; буртасы, черемисы, вяда[11] и мордва бортничали[12] на князя великого Володимира, а сам Мануил Цaрегородский[13], страх имея, дары великие посылал к нему, чтоб великий князь Владимир Царягорода у него не взял. А теперь беда приключилась христианам, от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского.

[1] *угры* — венгры.

[2] *ятвяги* — литовское племя.

[3] *немцы* — здесь: шведы.

[4] *Устюг* — Устюг Великий, город на Сухоне, притоке Северной Двины.

[5] *тоймицы поганые* — языческое племя, жившее по Верхней и Нижней Тойме, притокам Северной Двины.

[6] *Дышучее море* — Белое море и Северный Ледовитый океан (названы «дышучими» из-за больших приливов и отливов).

[7] Здесь: волжские болгары.

[8] *буртасы* — мордовское племя.

[9] *черемисы* — марийцы.

[10] *Всеволод* — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), великий князь владимирский.

[11] *вяда* — удмурты.

[12] *бортничали* — здесь: платили дань медом.

[13] *Мануил Царегородский* — Мануил Комнин (1143—1180), византийский император; современником Владимира Мономаха не был.

«ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»

«Житие Александра Невского» — один из выдающихся памятников древнерусской литературы, созданный, по-видимому, в конце XIII в. «Житие», по всей вероятности, было написано человеком, который лично знал князя Александра. «Житие» — произведение агиографического жанра, однако оно тесно связано с традициями воинской повести Древней Руси: Александр Невский представлен мужественным воином и полководцем, защитником Русской земли. В центре произведения — картины сражения русских со шведами на реке Неве и с немецкими рыцарями на льду Чудского озера. Стилю «Жития» присущи простота, лиризм.

В Хрестоматии «Житие Александра Невского» дается в переводе И. П. Еремина (см.: *Художественная* проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957).

О господе нашем Иисусе Христе, сыне божьем, я, ничтожный, грешный и неразумный, начинаю описывать жизнь князя Александра Ярославича[1], внука Всеволода. Слышал я о нем от отцов своих и сам был свидетелем деяний его, а потому рад был поведать о его праведной и славной жизни, — но, как сказал Приточник[2]: «В лукавую душу не входит премудрость», ибо «становится она на высоких местах, стоит посреди дорог, сидит у ворот мужей сильных». Хотя и прост я умом, но молитвой святой госпожи богородицы и помощью святого князя Александра начну так.

Родился князь Александр по божьей воле от отца — благочестивого, кроткого и милостивого, великого князя Ярослава, от матери — благочестивой Феодосии, — как сказал Исайя[3]-пророк: «Говорит господь: „Я ставлю князей, я возвожу их на престол"». И воистину так: не княжил бы он без повеленья божья. Рост его был выше других людей, голос его — как труба в народе, лицо его — как у Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью силы Самсона[4]. И дал ему бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспасиана, который пленил всю Иудейскую землю; некогда, во время осады города Атапаты[5], вышедшие из города жители победили полк его, и остался Веспасиан один, и прогнал войско их к городским воротам, и насмеялся над дружиной своей, и укорил ее, говоря: «Оставили вы меня одного». Так и князь Александр, — везде побеждая, был непобедим. И вот пришел некто знатный от западной страны, от тех, что зовут себя «слугами божьими»[6], желая повидать дивную силу его, как в древности царица Южская[7] приходила к Соломону, желая наслушаться премудрости его. Так и этот, по имени Андреяш[8], повидав князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и городов, но не видал нигде такого ни во царях царя, ни во князьях князя».

И слышал это король от страны полуночной[9], о таком мужестве князя Александра Ярославича, и подумал: «Пойду завоюю землю Александрову». И собрал он войско большое, наполнил многие корабли полками своими и пошел в силе великой, злопыхая духом ратным. И когда дошел до реки Невы, шатаясь от безумия, послал он послов к князю Александру в Новгород Великий и сказал, гордясь: «Уже я здесь, хочу попленить землю твою, — если можешь, обороняйся».

Князь же Александр, когда услышал слова эти, распалился сердцем, вошел в церковь святой Софии, пал на колено перед алтарем и стал молиться со слезами богу: «Боже прехвальный и праведный, боже крепкий и великий, боже вечный, сотворивший небо и землю, поставивший пределы народам и приказавший им жить, не переступая чужой земли!» И вспомнил песнь псаломскую и сказал: «Суди, господи, и рассуди распрю мою с обидящими меня, побори борющихся со мною; возьми оружие и щит и восстань на помощь мне». И окончив молитву, встал и поклонился архиепископу, архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же пошел из церкви, утирая слезы. И начал он крепить дружину

свою и сказал: «Не в силе бог, но в правде. Помянем песнопевца Давида[10]. «Эти — оружием, иные — конями, мы же именем господа бога нашего хвалимся; поверженные, они пали, мы же восстали и стоим прямо». И сказав это, пошел на врагов с небольшой дружиной, не дожидаясь, когда соберется вся его сила, уповая на святую троицу.

Жалостно слышать, что отец Александра, великий Ярослав, не знал о беде, приключившейся его милому сыну, что не успел Александр вовремя послать весть отцу: враги уже приближались, и даже новгородцы многие не успели собраться, потому что князь торопился в поход.

И встретился он с врагами в воскресенье, на память святых отцов собора Халкидонского и на память святых Кирика и Улиты и святого князя Владимира — крестителя земли Русской[11]. И крепко верил он в помощь святых мучеников Бориса и Глеба. Был там некий муж, старейшина земли Ижорской[12], по имени Пелгуй; ему был поручен дозор утренний морской. Был он крещен и жил среди рода своего, остававшегося в язычестве; при крещении дано было ему имя Филипп. И жил он богоугодно, в среду и в пятницу соблюдая пост. И сподобил его бог увидеть видение необычайное. Какое — кратко расскажем.

Увидел он вражеское войско, идущее против князя Александра, и решил рассказать князю о станах их и укреплениях. Всю ночь не спал он, стоял на берегу моря и следил за путями. Когда стало светать, услышал он шум страшный на море и увидел судно, плывущее по морю, а посреди судна — Бориса и Глеба в одеждах червленых[13], держащих руки на плече друг у другу. А гребцы сидели словно мглою одеты. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему, князю Александру». Видя это видение и слыша беседу эту святых мучеников, стоял Пелгуй в трепете, пока не скрылось судно от глаз их.

Когда вскоре пришел князь Александр, Пелгуй с радостью встретил его и ему одному поведал о видении. Князь же ему сказал: «Никому не рассказывай об этом». И решил он напасть на врагов в шестом часу дня. И была крепкая сеча с римлянами[14]; побил он бесчисленное множество врагов и самого короля ранил в лицо острым своим копьем.

Здесь же в полку Александровом явились шесть мужей храбрых и сильных, которые бились вместе с ним крепко. Один — Гаврило, по прозвищу Алексич; увидев короля, которого тащили под руки, напал он на судно, въехал по доске до самого корабля, и побежали все от него, затем оборотились и с доски, по которой всходили на корабль, сбросили его с конем в море; он же с помощью божьей выбрался из моря невредимым и снова напал на них и бился крепко с самим воеводою среди полков их. Другой же — новгородец, по имени Збыслав Якунович; этот не раз нападал на врагов, не имея страха в сердце своем и сражаясь одним топорком, и многие пали от его топорка; дивился князь Александр Ярославич силе его и храбрости. Третий — Яков, родом полочанин, был он ловчим[15] у

князя; этот напал на полк вражеский с мечом и мужественно бился, и похвалил его за это князь. Четвертый же — новгородец, по имени Миша; был он пеш и с дружиною своею потопил три корабля римлян. Пятый — из младшей дружины князя, именем Савва; этот наехал на большой шатер королевский златоверхий и подрубил столп шатерный; полки же Александровы очень радовались, когда увидели, как развалился этот шатер. Шестой же из слуг князя — по имени Ратмир; пешего окружили его враги, и от многих ран пал он и скончался. Обо всем этом слышал я от господина моего, князя Александра, и от других, кто в сече той участвовал. Было же в то время дивное чудо, подобное тому, какое было в древности при Езекии-царе, когда напал на Иерусалим Сеннахирим, царь ассирийский, желая взять в плен святой город Иерусалим: внезапно с неба спустился ангел господень и избил 185 тысяч войска ассирийского; когда встали утром, нашли множество трупов. Так же было и после победы князя Александра, когда победил он короля; по обе стороны реки Ижоры, где полки Александровы пройти не могли, нашли множество побитых архангелом божьим; оставшиеся побежали, а трупы мертвецов своих покидали на корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя творца. На второй же год после этой победы князя Александра опять пришли те же из западной страны и построили город в земле Александровой [16]. Великий князь Александр немедля пошел на них, город срыл до основания, одних избил, других с собою привел, а иных помиловал и отпустил, ибо был он милостив без меры.

После победы Александра, когда победил он короля, на третий год зимой пошел он на землю Немецкую с большим войском — да не хвалятся они: «Посрамим народ славянский». Ведь уже взяли они город Псков и тиунов [17] своих там понасажали. Князь Александр тиунов тех схватил, город Псков освободил от пленения [18], а землю их повоевал и пожег, много, без числа взял пленных, а других порубил. Собрались тогда немцы и, похваляясь, сказали: «Пойдем победим князя Александра, поймаем его руками».

Когда стали они приближаться, стражи князя Александра проведали это. Князь Александр собрал войско и пошел навстречу врагам. И встретились они на Чудском озере [19] — многое множество. Отец же его Ярослав послал ему в помощь брата его меньшего, князя Андрея, с большой дружиной. Много было и у князя Александра храбрых мужей, как в древности у царя Давида; крепкие и сильные, как у Давида-царя, мужи Александровы преисполнились духа ратного: сердца их были — как сердца львов, и сказали они: «О княже наш славный, дорогой, время настало нам головы свои сложить за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал: «Суди, господи, и рассуди распрю мою, от народа велеречивого избави меня, помоги мне, господи, как помог ты в старые годы Моисею на Амалика [20] и прадеду моему Ярославу на окаянного Святополка». Была тогда суббота. Когда взошло солнце, полки сошлись [21]. И затрещали копья, и звон мечей раздался, и была сеча

столь злая, что лед на озере задвигался, льда не было видать, весь покрылся он кровью. И это слышал я от очевидца: «Видели мы на небе полк божий, пришедший на помощь князю Александру». И победил Александр врагов помощью божьей, и обратились они в бегство. Так гнали и рубили врагов полки Александровы, словно неслись они по воздуху: и некуда было тем бежать. Прославил тут бог великого князя Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина в Иерихоне. И того, кто похвалялся «руками поймаем великого князя Александра», предал бог в руки его. И не нашлось никого, кто бы мог ему воспротивиться.

И возвратился князь Александр после победы со славою великою. Многое множество пленных было с ними; подле коней вели тех, кого называют они «рыцарями». Когда подошел князь Александр к Пскову, встретили его у города игумены со крестами и попы в ризах, многие жители городские, хваля бога и славя господина великого князя Александра: «Помог ты, господи, Давиду кроткому победить иноплеменников и верному князю нашему Александру крестным оружием и рукою его освободить город Псков от иноязычных!»

О неразумные псковичи! Если забудете об этом до правнучат Александровых, уподобитесь тем иудеям, которые в пустыне питались манною и печеными перепелами и которые забыли об этом, как забыли и бога, освободившего их от египетской неволи.

И прославлено было имя Александра во всех странах — до моря Понтийского и до гор Араратских, по обе стороны моря Варяжского[22] и до Рима.

В то время умножился народ литовский, и начали они тревожить область Александрову. Он же стал их избивать. Случилось ему однажды выехать на них, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей и воевод, одних побил, других забрал в плен. Слуги же его привязали насильников к хвостам коней своих. И стали они бояться имени его.

В это же время объявился в стране восточной некий царь[23] сильный, и покорил ему бог многие народы от востока до запада. Прослышав про Александра, славного и храброго, послал тот царь к нему послов и приказал сказать: «Александр, разве не знаешь, что бог покорил мне многие народы! Ты ли один не хочешь покориться силе моей? Если хочешь уберечь землю свою, немедля приходи ко мне и увидишь славу царства моего». Князь же Александр после смерти отца своего пришел во Владимир с большим войском, и был грозен приезд его. Прошла весть об этом до устья Волги, и стали моавитянки[24] пугать детей своих: «Александр едет!» Посоветовался князь с дружиной, благословил его епископ Кирилл, и поехал он к тому царю[25]. Посмотрел на него царь Батый, подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, нет князя подобного ему в отечестве его». И отпустил его с великой честью.

Потом же царь Батый разгневался на брата его меньшего, на князя Андрея, и послал на него своего воеводу Неврюя, и разорял тот землю Суздальскую. Когда Неврюй был взят в плен, великий

князь Александр Ярославич церкви в Суздале восстановил, город отстроил, людей разбежавшихся вернул в дома их. Сказал о таких пророк Исайя: хороший князь — тих, приветлив, кроток, смирен — тем богу подобен, не ищет богатства, сирот и вдовиц судит по правде, милостив, добр к домочадцам своим и гостеприимен к иноземцам. И за это исполняет бог землю его богатством и славою и продлевает дни его.

Некогда же пришли послы из Рима от папы и так говорили князю Александру Ярославичу: «Папа наш сказал: „Слышал я, что ты князь славный и храбрый и что земля твоя велика. Того ради послал я к тебе от 12 моих кардиналов двух искуснейших, Агалдада и Гемонта, да послушаешь ученья их о законе божьем"». Князь же Александр подумал с мудрецами своими и так ему ответил: «От Адама до потопа и до разделения народов и до Авраама, от Авраама до прохода Израиля через море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царства Соломона до Августа и до рождества Христова, до распятия и воскресения, от воскресения и восшествия на небо до Константина-царя, от первого собора до седьмого — об всем этом я хорошо знаю». И добавил: «Учения вашего мы не примем». Они же возвратились восвояси.

Благословил бог дни великого князя Александра Ярославича, ибо любил он иереев и монахов, митрополита же почитал, как самого творца. Было тогда насилие великое от поганых язычников: сгоняли они христиан, приказывая ходить с ними в походы. Великий же князь Александр пошел к царю[26], чтобы отмолить людей от беды, а брата своего меньшего Ярослава и своего сына Дмитрия послал с новгородцами в западные страны и все полки свои отпустил с ними. Пошел же Ярослав с племянником своим и большим войском и взял город Юрьев Немецкий[27], и вернулся назад с множеством пленников и с великою честью. Князь же Александр, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Новгороде Нижнем[28] и пробыл здесь несколько дней, а когда дошел до Городка — разболелся.

О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать ты кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не разорвется сердце от горькой печали! Отца человек может забыть, а доброго господина забыть не может: хотел бы живым вместе с ним в гроб лечь. Великий же князь Александр, ревнуя по господе крепко, оставил царство земное и, желая небесного, принял ангельский образ, а потом сподобил его бог воспринять и высший чин — схиму[29]. И так с миром предал господу дух свой, скончался месяца ноября в 14-й день, на память святого апостола Филиппа[30].

Сказал тогда митрополит Кирилл людям: «Дети мои, разумейте,— закатилось солнце земли Суздальской». Игумены же, и священники, и дьяконы, черноризцы, богатые и нищие, весь народ тогда громко воскричал: «Уже погибаем!» Святое же тело его понесли ко Владимиру. Митрополит со всем чином церковным, князья, и бояре, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ теснился, желая приступить ко гро-

бу его. Был плач великий и крик и стон такой, какого еще никогда не было,— от крика и стона этого земля дрогнула. Случилось тогда дивное чудо, достойное памяти. По окончании святой службы над телом князя подошли ко гробу Кирилл-митрополит и его иконом[31] Севастьян и хотели разогнуть руку князя, чтобы вложить в нее прощальную грамоту. Князь же, как живой, сам протянул руку и принял грамоту из руки митрополита. Страх и ужас напали тогда на всех. И положили честное тело его в церкви Рождества богородицы месяца ноября в 23-й день, на память святого епископа Амфилохия, со псалмами и песнопениями, славя отца, и сына, и святого духа. Аминь.

[1] Князь Александр Ярославич был прозван Невским за победу над шведами на реке Неве; в 1236 г. он стал князем новгородским, в 1248 г. — киевским, в 1252 г. — великим князем владимирским.

[2] *Приточник* — имеется в виду Соломон (ум. ок. 928 до н. э.), царь Израильско-Иудейского царства; согласно библейским преданиям, отличался необычайной мудростью, ему приписывается авторство нескольких библейских книг, в том числе книги «Притчи».

[3] *Исайя* (VIII в. до н. э.) — первый из так называемых больших пророков, автор большинства книг Ветхого завета.

[4] *Иосиф* — согласно древнееврейским историческим легендам, сын Иакова; *Самсон* — в библейской мифологии герой, которому приписывалась сверхъестественная сила и отвага.

[5] Речь идет об эпизоде Иудейской войны (66—73) — об осаде города Иотапаты римским полководцем, а позднее императором Веспасианом.

[6] *западная страна* — здесь: Ливония; *слуги божьи* — так называли себя рыцари-крестоносцы.

[7] *царица Южская* — царица Савская (южноаравийского государства Савы).

[8] *Андреяш* — Андрей фон Фельвен, магистр ордена крестоносцев.

[9] *...король от страны полуночной* — шведский король Эрик Эриксон Картавый; в походе 1240 г. во главе шведского войска стоял не он, а его зять ярл Биргер.

[10] *Давид* — царь Израильско-Иудейского государства.

[11] 15 июля 1240 г.

[12] *земля Ижорская* — область по берегам Невы и юго-западному Приладожью, населенная ижорцами; была подчинена Новгороду.

[13] *червленый* — ярко-малиновый.

[14] *римляне* — название народов по признаку католического вероисповедания; здесь: шведы.

[15] *ловчий* — тот, кто ведал охотой.

[16] Речь идет о крепости Копорье, построенной в устье Невы.

[17] Псков был взят немцами в 1240 г. в результате предательства псковских бояр; *тиун* — управляющий хозяйством князя.

[18] Александр Невский освободил Псков в марте 1240 г.

[19] *Чудское озеро* (Гдовское, Пейпус) расположено на границе Псковской области и Эстонской ССР.

[20] *Моисей* (предположительно XIII в. до н. э.) — согласно библейским преданиям, предводитель израильских племен, выведший израильтян из Египта; *Амалик* — вождь древнего племени, занимавшего территорию между Палестиной и Египтом, — оказал израильтянам сильное сопротивление; Ярослав Мудрый отомстил Святополку за убийство Бориса и Глеба, разбив его войско на реке Альте, на том месте, где был убит Борис.

[21] Битва на Чудском озере произошла 5 апреля 1242 г.

[22] *море Понтийское* — Черное море; *море Варяжское* — Балтийское море.

[23] Имеется в виду Батый — хан Золотой Орды.

[24] *моавитяне* — библейский народ, враждебный иудеям; здесь: монголо-татары.

[25] Речь идет о вызове Александра Ярославича в Золотую Орду в 1246 г.

[26] В 1262 г. Александр Невский в Золотой Орде добился для русских освобождения от участия в войнах на стороне монголо-татар.

[27] *Юрьев Немецкий* — ныне г. Тарту.

[28] *Новгород Нижний* — ныне г. Горький.

[29] *принять ангельский образ* — постричься в монахи; *схима* — обет о соблюдении особо строгих правил аскетического поведения.

[30] 14 ноября 1263 г.

[31] *иконом* — управляющий хозяйством.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА ОБЪЕДИНЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ И ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (конец XIV — начало XVI в.)

«ЗАДОНЩИНА»

8 сентября 1380 г. объединенное русское войско под предводительством московского князя Дмитрия Ивановича разбило на поле Куликовом монголо-татарские полчища Мамая. «Задонщина» («Слово Софония Рязанца о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его Владимире Андреевиче»), созданная в конце XIV или начале XV в., — одно из крупнейших произведений, повествующих об этом событии.

Автором «Задонщины», как удалось установить, был Софоний, брянский боярин, ставший позднее священником в Рязани. Для создания этого произведения Софоний использовал следующие источники: летописную повесть, устные народные предания о Куликовской битве и «Слово о полку Игореве», особенно сильно повлиявшее на художественный строй «Задонщины». «Задонщина» проникнута радостным чувством освобождения, любви к Родине, пафосом победы.

В Хрестоматии «Задонщина» дается в переводе В. Ф. Ржиги (см.: *Повести* о Куликовской битве. М., 1959).

Сойдемся, братья и друзья, сыновья русские, составим слово к слову и возвеличим землю Русскую, бросим печаль на восточную страну, в Симов жребий [1], провозгласим над поганым Мамаем победу[2], а великому князю Дмитрию Ивановичу [3] воздадим похвалу и брату его, князю Владимиру Андреевичу [4], и скажем так: «Лучше вѐдь нам, братья, начать поведать иными словами о похвальных о нынешних повестях, о походе князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, правнука святого великого князя Владимира Киевского, — начать поведать по делам и по былям».

Но устремимся мыслью над землями, и вспомним первых лет времена, и похвалим вещего Бояна, искусного гусляра в Киеве. Тот Боян возлагал искусные свои персты на живые струны и пел князьям русским славы: первую — великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

И я восхвалю песнями и под гусли буйными словами и этого великого князя Дмитрия Ивановича, и брата его, князя Владимира Андреевича, правнука тех князей: было ведь мужество их и желание за землю Русскую и за веру христианскую.

А от Калкской битвы до Мамаева побоища 160 [5] лет.

Это князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, испытав ум свой крепостью, поострили сердца свои мужеством, и наполнились ратного духа, и устроили у себя храб-

рые полки в Русской земле, и вспомнили прадеда своего, князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синие небеса, посмотри на сильный город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу: буря ли занесет соколов из земли Залесской[6] в поле Половецкое.

На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу. Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, стоят мужи-новгородцы у святой Софии, приговаривая: «Уже нам, братья, на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть».

Тогда как орлы слетелись со всей северной страны. Это не орлы слетелись — съехались все князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, говоря им так: «Господин князь великий, уж поганые татары на поля наши наступают, а отчину нашу у нас отнимают, стоят между Доном и Днепром, на реке на Мече[7]. И мы, господин, пойдем за быструю реку Дон, соберем диво для земель, повесть для старых, память для молодых, а храбрых своих испытаем, а в реку Дон кровь прольем за землю Русскую, за веру христианскую».

И сказал им князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского. Не в обиде мы были по рождению ни соколу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю».

О соловей, летняя птица, что бы тебе, соловей, воспеть земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея да брата его Дмитрия Ольгердовичей[8], да Дмитрия Волынского[9]. Они ведь сыновья храбрые, кречеты в ратное время, известные полководцы, под трубами и под шлемами взлелеянные, концом копья вскормленные в Литовской земле.

И сказал Андрей Ольгердович брату своему Дмитрию: «Сами мы — два брата, сыновья Ольгердовы, внуки Гедиминовы[10], правнуки Скольдимеровы[11]. Соберем братию милую, панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на борзых своих коней, посмотрим на быстрый Дон, попьем, брат, шлемом своим воды из быстрого Дона, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, копья немецкие о байданы[12] басурманские».

И сказал ему Дмитрий: «Не пощадим жизни своей за землю Русскую, за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича. Уже ведь, брат, стук стучит, гром гремит в каменном городе Москве. Это тебе, брат, не стук стучит, не гром гремит — стучит сильная рать великого князя, гремят удальцы русские золочеными доспехами, красными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои готовы, раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле, посмотрим свои полки».

Уже ведь поднялись сильные ветры с моря на устья Дона и Днепра, пригнали большие тучи на Русскую землю; из них вы-

ступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве[13] меж Доном и Днепром, пасть трупу человечью на поле Куликовом, пролиться крови на речке Непрядве.

Уже ведь заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хиновя[14] в Русскую землю. И прибежали серые волки от устьев Дона и Днепра; став, воют на реке на Мече, хотят наступать на Русскую землю.

Тогда гуси загоготали на речке на Мече, лебеди крыльями заплескали. Это не гуси загоготали, не лебеди крыльями заплескали, но поганый Мамай на Русскую землю пришел и воинов своих привел.

А уже беды их погнали: птицы крылатые под облаками летают, вороны часто грают, а галки своею речью говорят, орлы клегчут, а волки грозно воют, а лисицы на кости лают. Русская земля, это с тобой так, словно ты за Соломоном-царем[15] побывала.

А уже соколы и кречеты, белозерские ястребы рвались с золотых колодок из каменного города Москвы; взлетели они под синие небеса, загремели золочеными колоколами на быстром Дону, хотят ударить на многие стада гусиные и лебединые, а богатыри русские, удальцы хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая. Тогда князь великий вступил в золотое стремя, взяв свой меч в правую руку свою. Солнце ему ясно на востоке сияет, путь ему показывает, а Борис и Глеб молитву воздают за сродников.

Что шумит, что гремит рано перед зарями? Князь Владимир Андреевич полки устанавливает, и перебирает, и ведет к Дону великому. И говорил он брату своему: «Князь Дмитрий, не ослабляй, князь великий, татарам. Уже ведь поганые на поля вступают, отнимают отчину нашу».

Сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, сами мы два брата, воеводы у нас поставлены, дружина нам известна, имеем под собой борзых коней, а на себе золоченые доспехи, шлемы черкасские, щиты московские, сулицы[16] немецкие, копья фряжские[17], мечи булатные; дороги нам известны, перевозы приготовлены. Но еще сильно хотят они головы свои положить за веру христианскую. Развеваются хоругви, ищут себе чести и славного имени».

Уже те соколы и кречеты, белозерские ястребы скоро за Дон перелетели и ударились о многие стада гусиные и лебединые. Это перевезлись и наехали сыновья русские на сильную рать татарскую, ударились копьями гибельными о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом, на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля насеяны, а кровью полито. Сильные полки сходились вместе, протоптали холмы и луга, возмутили реки и озера. Кликнуло диво в Русской земле, велит послушать разным землям, ударила слава к Железным воротам[18], к Риму и к Кафе[19] по морю, и к Тырнову[20], и отту-

да к Царьграду на похвалу: Русь великая одолела Мамая на поле Куликовом.

Тогда сильные тучи сходились вместе, а из них часто сияли молнии, громы гремели великие. Это сходились русские сыновья с погаными татарами за свою обиду, а у них сияют доспехи золоченые. Гремели князья русские мечами о шлемы хиновские.

Не туры рычат на поле Куликовом, побежденные у Дона великого застонали побитые князья русские, и воеводы великого князя, и князья белозерские, побитые погаными татарами: Федор Семенович, Тимофей Волуевич, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Андрей Серкизович, Михайло Иванович[21] и иной много дружины. А другие лежат побитые у Дона на берегу.

Чернеца Пересвета, брянского боярина, на место суда[22] привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам убитыми быть, чем полоненными быть погаными».

Так Пересвет поскакивает на борзом коне и золочеными доспехами посвечивает. И сказал: «Хорошо бы, брат, в то время старому помолодеть, а молодому чести добыть, удалым плеч испытать».

И говорил брат его Ослябя-чернец[23]: «Брат Пересвет, уже вижу на теле твоем раны, уже голове твоей лететь на траву ковыль, а сыну моему Якову на ковыли зеленой лежать на поле Куликовом за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

В то время по Рязанской земле около Дона ни ратаи, ни пастухи не кличут, но только часто вороны каркают, кукушки кукуют на трупы человеческие. Страшно ведь и жалостно было тогда видеть: трава кровью была полита, а деревья с печалью к земле приклонились.

Запели птицы жалобные песни, все заплакали княгини, и боярыни, и воеводские жены об убитых. Микулина жена Марья рано плакала у Москвы-города на стенах, приговаривая: «Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты горы каменные, течешь в землю Половецкую, принеси волнами моего государя ко мне, Микулу Васильевича».

Жена Тимофея Волуевича Федосья так плакала, приговаривая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, уже ведь не вижу своего государя Тимофея Волуевича в живых».

И Андреева жена Марья, да Михайлова жена Аксинья рано плакали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве». Донеслись к нам от быстрого Дона жгучие вести и принесли великую беду. Пересели русские удальцы с борзых коней на место суда на поле Куликовом. Уже диво кличет под саблями татарскими, а тем русским богатырям быть под ранами.

Тут щуры[24] рано запели жалобные песни у Коломны на городских стенах в воскресенье, в день Акима и Анны. Это не щуры рано запели жалобные песни — все расплакались жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем ты у нас мужей наших угнала волнами в землю Половецкую?» Приговаривая: «Можешь ли, господин князь великий, веслами Днепр запрудить, Дон шлемами вычерпать, а Мечу трупами татарскими запру-

дить? Замкни, князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили, а нас в слезы не вгоняли по своим государям. Уже ведь мужей наших бои истомили».

Вот крикнул князь Владимир Андреевич с правой руки на поганого Мамая со своим князем Волынским с 70 тысячами. Ловко скакал он в бою с погаными, золотым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. И восхваляет он брата своего, князя Дмитрия Ивановича: «Брат, князь Дмитрий Иванович, ты в злое, тяжелое время железная оборона. Не уставай, князь великий, со своими великими полками, не потакай лихим крамольникам: уже поганые на поля наши наступают, а храбрую дружину у нас расстреляли, а среди трупа человеческого борзый конь не может скакнуть, в крови по колена бредут. Уже ведь, брат мой, жалко видеть кровь христианскую. Не уставай, князь великий Дмитрий Иванович со своими боярами».

Сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья бояре, воеводы, дети боярские, это, братья, ваши московские сладкие меды и высокие места. Тут-то добудете себе места и женам своим. Тут-то старому помолодеть, а молодому чести добыть».

Сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Господи, боже мой, на тебя уповаю, да не постыжусь в век и не посмеются враги мои надо мной». И помолившись богу, и святой богородице, и всем святым, он прослезился горько и утер слезы.

И тогда словно соколы отлетели на быстрый Дон. Это не соколы полетели за быстрый Дон — скачет князь великий со своими полками за Дон со всею силою. И сказал: «Брат, князь Владимир, тут предстоит выпить медовые чары поведеные[25]. Наступаем, брат, со своими сильными полками на рать поганых»

Тогда князь великий на поля наступает. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские, поганые покрыли руками головы свои. Тогда поганые быстро вспять отступили. Стяги ревут: «Отступили от великого князя, поганые бегут». Русские сыновья поля широким кликом огородили, золочеными шлемами осветили. Уже встал тур на оборону.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его Владимир Андреевич полки поганых вспять повернули и начали их бить искусно, уныние у них вызывая. Князи их с коней упали. Трупами татарскими поля насеяли, и кровью потекли реки. Тут-то поганые скоро разлучились, врозь побежав непроторенными дорогами в Лукоморье, скрежеща зубами своими, раздирая лица свои и приговаривая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, детей своих не видать, жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, целовать нам зеленую мураву, а на Русь ратью не ходить, а дани нам с русских князей не спрашивать».

Уже ведь застонала земля Татарская, бедами и горем покрылась. Приуныло у царей их желание и похвальба на Русскую землю ходить, веселие их поникло. Уже русские сыновья разграбили татарские узорные ткани, доспехи, коней, волов, верблюдов, вино,

сахар; дорогие узорные ткани, камки[26], насычи[27] везут женам своим. Уже русские жены стали играть татарским золотом. Уже ведь по Русской земле распространилось веселие и отвага, и вознеслась слава русская над позором поганых. Уже брошено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земле текут. Стреляй, князь великий, со своею храброю дружиной в поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали и головы свои склонили под мечи русские. Трубы их не трубят, приуныли голоса их.

И отскочил Мамай серым волком от своей дружины, и прибежал к городу Кафе. И говорили ему фряги: «Затем ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю. Эта была орда Залесская во времена первые. А тебе не быть на месте Батыя-царя. У Батыя-царя было 400 тысяч воинов, опустошил он всю Русскую землю и пленил от востока до запада. И ты пришел, царь Мамай, на Русскую землю с большими силами, с девятью ордами, с 70 князьями. А теперь бежишь сам-девят в Лукоморье. Не с кем тебе зиму зимовать в поле. Должно быть, тебя князья русские сильно потчевали: ни князей с тобой нет, ни воевод. Должно быть, сильно упились они на поле Куликовом, на траве ковыле. Беги, поганый Мамай, и от нас по Залесью».

Для нас земля Русская подобна милому младенцу у матери своей: его мать ласкает, а рать лозою наказывает, а добрые дела милуют его. И помиловал господь бог, человеколюбимец, князей русских: великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве.

Остановился князь великий со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами на костях. «Страшно ведь, брат, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, как стоги сена, а Дон-река три дня кровью текла. Считайте, братья, скольких воевод нет, скольких молодых людей нет». И говорит Михаил Андреевич, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович, нет тут у нас 40 бояринов больших московских, да 12 князей белозерских, да 20 бояринов коломенских, да 40 бояр серпуховских, да 30 панов литовских, да 40 бояринов переяславских, да 25 бояринов костромских, да 35 бояринов владимирских, да 50 бояринов суздальских, да 70 бояринов рязанских, да 40 бояринов муромских, да 30 бояринов ростовских, да 23 бояринов дмитровских, да 60 бояринов можайских, да 60 бояринов звенигородских, да 15 бояринов углецких, а погибло у нас всей дружины 250 тысяч». И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество.

И князь великий Дмитрий Иванович говорит: «Братья и бояре, князья молодые, вам, братья, место суда между Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве, положили вы головы за Русскую землю и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем». «Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, в свою Залесскую землю и сядем, брат, на своем

княжении. Чести мы, брат, добыли и славного имени. Богу нашему слава!»

[1] *Симов жребий* — по библейской легенде, Ной разделил землю между тремя сыновьями: Симу достались восточные земли, Иафету — северные и западные, Хаму — южные; *жребий* — здесь: часть.

[2] *Мамай* (убит в 1380 г.) — золотоордынский военачальник, правивший от имени золотоордынских ханов.

[3] *Дмитрий Иванович* (1350—1389) — великий князь московский с 1359 г. и великий князь владимирский с 1362 г., прозванный Донским за победу в 1380 г. над монголо-татарами на поле Куликовом.

[4] *Владимир Андреевич* — Владимир Андреевич Храбрый (1353—1410), князь серпуховско-боровский, двоюродный брат Дмитрия Донского.

[5] По-видимому, имеется в виду 160 лет от битвы на Калке в 1223 г. до времени создания «Задонщины» Софонием.

[6] *земля Залесская* — так называлось Владимиро-Суздальское княжество, а позже и Московское.

[7] *Меча* — река Красивая Меча, приток Дона.

[8] *Андрей и Дмитрий Ольгердовичи* — сыновья Ольгерда Гедиминовича (1345—1377), великого князя литовского, находились на службе у великого князя московского.

[9] *Дмитрий Волынский* — Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, сын литовского князя на Волыни, был воеводой у Дмитрия Донского.

[10] *Гедимин* (?—1341) — основатель Литовского великого княжества.

[11] *Скольдимер* — возможно, имеется в виду Скирмунт, по преданию, отец Гедимина.

[12] *байдана* — род кольчуги.

[13] *Непрядва* — приток Дона, ограничивает с севера Куликово поле, которое находится в верховьях Дона, в пределах современной Тульской области.

[14] *хиновя* — здесь: монголо-татары.

[15] *...за Соломоном-царем* — видимо, ошибка писца, перепутавшего «за шеломянем» (холмами) «Слова о полку Игореве» с именем Соломона.

[16] *сулица* — короткое метательное копье.

[17] *фряжский* — итальянский.

[18] *Железные ворота* — мнения ученых расходятся: одни считают, что это теснина в среднем течении Дуная (название сохраняется); другие называют так город Дербент, носивший в древности название Железные ворота (Темир-Капы), поскольку эта крепость закрывала узкий проход между Каспийским морем и горами Кавказа.

[19] *Кафа* — важнейший центр торговли Запада с Востоком в XIV—XV вв., основан генуэзцами в Крыму; ныне г. Феодосия.

[20] *Тырново* — в XII—XIV вв. столица Второго Болгарского царства, ныне г. Велико-Тырново в Болгарии.

[21] Воеводы, участвовавшие в битве на Куликовом поле.

[22] *Пересвет* — монах Троице-Сергиева монастыря, посланный на битву игуменом Сергием Радонежским; *на место суда* — т. е. на место смерти (Пересвет был убит на Куликовом поле).

[23] *Ослябя* — монах Троице-Сергиева монастыря.

[24] *щур* — певчая птица.

[25] *чара поведеная* — чаша, которую на пирах передавали друг другу по старшинству.

[26] *камка* — шелковая узорная ткань.

[27] *насычи* — слово, до сих пор не получившее объяснения.

«ЖИТИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО», НАПИСАННОЕ ЕПИФАНИЕМ ПРЕМУДРЫМ

Епифаний (ум. 1420) — видный писатель и один из образованнейших людей своего времени — был монахом Троице-Сергиева монастыря, в котором провел 30 лет. Епифаний — знаток житийной и исторической литературы, оригинальной и переводной, а также живописи. Современники прозвали его Премудрым.

В «Житии Стефана Пермского» («Месяца апреля в 26-й день слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом, сочиненное преподобным священноиноком отцом нашим Епифанием»), написанном, по-видимому, вскоре после смерти Стефана (1396), рассказывается о епископе-просветителе, обратившем в христианство население Пермской земли, создателе азбуки для языка коми. «Житие» — новый этап в развитии русской литературы конца XIV — начала XV в., в частности в развитии житийного жанра. Под пером Епифания меняется композиция жития, биографическая часть сильно сокращается. Житие превращается в пространный и цветистый панегирик святому. Эти особенности композиции произведения, а также приподнятость стиля, велеречие, широкое употребление, а порой и нагнетание синонимов характеризуют новую литературную манеру, возникшую под влиянием литературных произведений, созданных в южнославянских странах. Вместе с тем, появление риторическо-панегирического стиля связано с формированием новой идеологии складывающегося централизованного Русского государства, с укреплением авторитета великого князя московского.

В Хрестоматии отрывки из «Жития Стефана Пермского» даются в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

НАЧАЛО ЕГО ЖИЗНИ

Преподобный отец наш Стефан был родом русский, от народа славянского стороны северной, называемой Двинская, из города Устюга; сын родителей именитых: некоего христолюбца и верного христианина, по имени Симеон, клирика [1] большой соборной церкви святой Богородицы, что на Устюге, и матери, также христианки, по имени Мария. И еще ребенком был отдан учиться грамоте; не прошло и года, как он научился грамоте и мог читать в церкви каноны [2] и стал чтецом в соборной церкви. Многих сверстников превзошел хорошей памятью, успехами в учении, остротою ума и живостью соображения. И был он отроком очень разумным, преуспевавшим в духовном и физическом развитии и благости. К играющим детям не присоединялся; не внимал и не подходил к тем, кто занят пустым и бесполезным времяпровождением и гонится за пустяками; избегал всех детских привычек, забав и игр, но только упражнялся в славословии, усердствовал в грамоте, предавался изучению всяких книг,— и так благодаря острому уму и божьему дарованию за малое время многое изучил. Всей книжной мудрости и силе научился в городе Устюге. Когда вырос в девстве, чистоте и целомудрии и многие книги Ветхого и Нового завета изучил, то увидел, что жизнь в этом мире коротка, как цветение трав, и быстро проходит мимо, как речная быстрина, по словам апостола: «Мимо проходит слава мира сего, как цветение трав — засохла трава и цвет ее опал; слово же господа пребудет в веках». И другой апостол сказал: «Все мы явимся на суд Христов»; и в святых евангелиях господь говорит: «Кто оставит отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, дома и имущество ради меня, тому воздастся сторицею

и он наследует жизнь вечную. Кто же не откажется от всего вышеназванного, тот не может быть моим учеником». И много такого и иного подобного этому, об этом говорящего, заключено в Святом писании. И во имя любви к богу оставил отчий дом и все имущество и, попросту говоря, этот отрок, украшенный всеми добродетелями, выросший в страхе божьем и страхом божьим вдохновленный, будучи молодым, в отроческом возрасте, постригся в чернецы при епископе ростовском Парфении в городе Ростове, в монастыре святого Григория Богослова, называемом в Затворе[3], близ епископии, так как книг там было ему для чтения достаточно. Пострижен был неким старцем, священником, по имени Максим-игумен, по прозвищу Калина, им был посвящен в монашеский чин и хорошо потрудился в монашеской жизни, совершая подвиги во имя добродетели: постом и молитвою, чистотой и смирением, воздержанием и трезвостью, терпением и беззлобием, послушанием и любовью, больше же всего вниманием к божественному писанию; много и часто читал святые книги и черпал оттуда всякую добродетель, плоды спасения приумножая. День и ночь изучал закон господень и был как плодоносящее дерево, посаженное около источников, напояемое разумом божественных писаний, откуда произрастает гроздь добродетели и процветает благоволение, которые дадут плоды в свое время. ⟨...⟩

И так за многие свои добродетели он был поставлен в дьяконы князем Арсением и епископом ростовским. Потом, после смерти митрополита Алексия[4], повелением наместника его, по имени Михаил, прозвищу Митяй, был поставлен Герасимом, коломенским епископом, в священники. Сам изучил пермский язык и новую пермскую письменность создал, сочинил для нужд пермского народа азбуку, не известную ранее, в которой была потребность, и книги русские перевел на пермский язык и переписал. Желая еще бóльших знаний, изучил греческий язык и греческие книги и хорошо знал их, постоянно имел их у себя. И умел говорить и писать на трех языках: русском, греческом и пермском, чтобы осуществлялись на его примере слова, некогда сказанные: «Новые народы заговорят»[5] и еще: «Другим народам дай возможность говорить». И сильно увлекла его мысль — идти в Пермскую землю[6] и просветить ее: из-за этого и язык пермский принялся изучать, ради этого и письмо пермское создал, так как очень хотел идти в Пермь и просвещать некрещенных людей, обращать язычников в веру христианскую, приводить их к Христу. Не только задумал, но и совершил давно задуманное. Слышал преподобный о Пермской земле, что есть в ней идолослужители, что властвуют там силы дьявольские. В Пермской земле люди всегда приносили жертвы безгласным кумирам, бесам молились, волхвованием одержимые, верили в бесование, в чарование и колдовство. И об этом очень сокрушался раб божий, очень печалился об их заблуждении и возгорелся душой, потому что люди, сотворенные и возвеличенные богом, оказались порабощены дьяволом. И скорбел, желая вырвать их из рук вражьих. ⟨...⟩

О ПЕРМСКОЙ АЗБУКЕ

Многие годы греческие философы собирали и составляли греческое письмо и сложили его трудами многих в течение длительного времени. Пермское же письмо сложил один чернец, один составил, один сочинил, один калугер[7], один монах, один инок — Стефан, вечно чтимый епископ, один сразу, а не в течение многих лет, как греки, но один инок, один-единственный, уединяясь, у одного только бога прося помощи, единого бога на помощь призывая, одному богу молясь и говоря: «Боже и господин, наставник в премудрости, источник разума, непросвещенных учитель и заступник нищих, укрепи и вразуми сердце мое и скажи мне слово, отчее слово, чтобы я прославил тебя в веках». И так один инок, единому богу помолясь, азбуку сложил, и письмо создал, и книги перевел за короткий срок, потому что бог ему помогал; а те многие философы — в течение многих лет создавали, семь философов едва азбуку сложили, а семьдесят мужей-мудрецов, переведя с еврейского языка на греческий, книги истолковали. 〈...〉

ПЛАЧ ПЕРМСКИХ ЛЮДЕЙ

Они же, когда услышали о смерти его, заплакали в сердечной печали, вопияли со слезами, жалостно сетовали, говоря: «Горе, горе нам, братия, что остались без доброго господина и учителя! Горе, горе нам, что лишились доброго пастыря и правителя! Что ушел от нас тот, кто много доброго нам сделал, что остались без доброго очистителя душ наших и покровителя тел наших, остались без доброго заступника и ходатая, того, кто был нашим ходатаем перед богом и людьми. 〈...〉 Куда скрылась доброта твоя, куда ты ушел от нас или куда делся, уйдя от нас, одинокими нас оставив; пастух наш добрый, оставил стадо свое блуждать и скитаться в горах, быть пленниками гор и добычей хищных волков! Кому поручил стадо свое, попечение о пастве! Кто так же, как ты, позаботится о нас, овцах заблудших; не можем быть без тебя, ведь без тебя пребывали в скорби и разброде, были, как овцы без пастуха, пребывали в безутешной печали! Утишит ли кто печаль, охватившую нас, к кому прибегнем, к кому обратим взор, услышим ли где твои услаждающие слова, насладимся ли твоей душеполезной беседой, увидим ли после тебя такого господина и учителя или не увидим? Если увидим, то благословен бог, если же не увидим, то зачем нас оставил, зачем отверг нас? Или прогневался на овец твоего пастбища? Затем мы отпустили тебя в Москву, чтобы ты там скончался? За что нам эта обида от Москвы; это ли правосудие ее, имеющей у себя митрополитов, святителей, а у нас был один епископ, и того она себе взяла, и ныне у нас нет даже гробницы епископа! Один был у нас епископ, наш законодатель, законоположник, он же креститель, и апостол, и проповедник, и благовестник, и исповедник, святитель, учитель, очиститель, покровитель, исправитель, исцелитель, архиерей, глава стражи, пастырь, настав-

ник, проповедник, отец, епископ. Москва же, имея многих архиереев, излишествует. У нас же был только один, но и того, единственного, не удостоились и оказались в скудости, в недостатке и сетуем, что обнищали совсем, что мы смирились, что обеднели очень, лишились разума и потому просим для себя руководителя и поводыря... Как не горевать, ведь не в своем приходе скончался; хорошо нам было бы, если бы гробница с твоими мощами была у нас, в нашем краю, в твоей епископии, нежели в Москве, не в твоем уделе. Потому что не так почтут тебя москвичи, как мы, не так прославят, ибо знаем мы тех, кто и прозвища тебе давал, некоторые и храпом [8] тебя называли, не понимая силы и благодати божьей, бывшей в тебе и с тобою. Мы бы тебе должную честь воздали, потому что мы должники твои, твои ученики, твои истинные дети, так как с тобой бога познали, тления избежали, с тобою от соблазнов бесовских избавились и крещения удостоились. Поэтому воинству положено нам почтить тебя как достойного хвалы. Хоть и говорится, что достоин труженик вознаграждения, да как сможем по достоинству восхвалить тебя или как тебя прославим за то, что совершил дело, равное апостольскому. Восхваляет Римская земля апостолов Петра и Павла, чтит и прославляет Азия Иоанна Богослова, Египет — Марка-евангелиста, Антиохия — Луку-евангелиста [9], Греция — Андрея-апостола. Русская земля прославляет великого князя Владимира, крестившего ее. Москва же прославляет и чтит Петра-митрополита [10] как нового чудотворца. Ростовская же земля — Леонтия, своего епископа [11]. Тебя же, епископ Стефан, Пермская земля восхваляет и чтит как апостола, как учителя, как вождя, как наставника, как повелителя, как проповедника, потому что с тобою мы избежали тьмы, с тобою свет познали. Потому и чтим тебя как труженика на ниве христовой, что тернии идолослужения вырвал из Пермской земли, что, как плугом, вспахал ее проповедью, засеял борозды сердечные словами учения книжного, как семенами; из них вырастают колосья добродетели, их же сыновья пермские радостно жнут серпом веры, вяжут снопы душеполезные и, как сушилом, сушат их воздержанием, как цепами, молотят их терпением и собирают пшеницу в житницах душевных, и так едят пищу неоскудевающую; съедят нищие, насытятся — и восхвалят господа, благодаря его; живы будут сердца их во веки веков.

ПЛАЧ И ПОХВАЛА ПИШУЩЕГО ИНОКА

Я же, отец и господин епископ, хочу принести хвалу тебе, хоть и умершему, сердцем ли, словом ли, или мысленно, потому что порой, когда ты еще был жив, досаждал тебе, теперь же хвалю; когда-то спорил с тобой по разным поводам: о каком-нибудь слове, о каком-нибудь стихе или о строке, но, вспоминая теперь твое долготерпение, многоразумие и благопокорение, сам себя срамлю и осуждаю, сам рыдаю и плачу. Увы мне! Когда скончался ты и многочисленная братия обступила твой одр, увы, не было меня там, не удостоился последнего целования и прощения. Увы мне, не было

меня там, какое препятствие отделило меня от твоего лица, и я сказал: удален от лица твоего, но смогу ли посмотреть на тебя когда-нибудь? Уж не смогу увидеть тебя здесь, если сейчас не вижу, потому что ты уже умер, как было уже сказано, я же, увы мне, остался на злые дни. Уже пролегла между нами межа великая, уже разверзлась между нами пропасть глубокая: ты, как тот добрый нищий Лазарь, покоишься ныне в лоне Авраама[12]. Я же, окаянный, как тот богач, горю в пламени... Увы мне, как закончу мою жизнь, как переплыву это великое пространное море, широкое, печальное, мутное, беспокойное, волнующееся; как проведу душевную мою ладью меж волнами свирепыми, как избегну треволнений страстей, погружаясь в глубину зол, утопая в бездне греховной? Увы мне, мятущемуся среди пучины житейского моря, как постигну тишину умиления, как дойду к пристанищу покаяния? Как хороший кормчий, отче, как правитель, как наставник, выведи меня из глубин страстей, молюсь, поспособствуй и помоги моему сиротству, помолись об мне богу, отче,— тебе дана благодать.

Как назову тебя, епископ, как тебя поименую, как скажу о тебе, что о тебе скажу, что о тебе провозглашу, как похвалю, как почту, как возвеличу, как изложу и как похвалу тебе сплету? Тем ли, что назову тебя пророком? Предсказания пророков истолковал и сделал их ясными, среди неверующих и невежественных людей сам был пророком. Апостолом ли тебя назову? Апостольское дело ты совершил, просвещая и трудясь, как подобает апостолам, идя по их стопам. Законодателем ли тебя провозглашу и законоположником? Людям, не имеющим закона, закон установил и дал веру. Крестителем ли тебя назову? Крестил многих людей, приходящих к тебе для крещения. Проповедником ли тебя провозглашу? Как глашатай на торгу кричит, так и ты среди народа громогласно проповедовал слово божье. Евангелистом ли тебя назову, благовестником? Возвестил миру святое евангелие Христово и дело благовестника совершил. Святителем ли тебя назову? Священников ставя в своей земле, над священниками был наивысшим архиереем, старшим святителем. Учителем ли тебя назову? Как учитель учил заблуждавшийся народ, неверующих и невежественных людей обратил в веру. Как еще тебя назову? Страстотерпцем ли или мучеником, так как, подобно мученикам, добровольно отдал себя в руки людям свирепым, быстрым на расправу и, как овца среди волков, решился на страдания, терпение и мучение... Что о тебе провозглашу? Пастухом ли тебя назову, потому что пас Христово стадо овец христианским словом на злаке разума, жезлом словес на пастбище твоего учения, и ныне, будучи пастухом своей паствы, сам пасешься на сокрытых злаках[13]. Как тебя назову, о епископ! Заступником ли тебя назову, так как оказал милость людям озлобленным, помог Пермской земле, напоил ее, напитал обильно, просветил словом книжным, словами учения твоего, людей Пермской земли посетил и святым крещением ее просветил. Врачом ли тебя назову? Исцелил людей, уязвленных дьявольским идолослужением, уврачевал болящих телом и душой, скорбных духом. Как назову тебя,

епископ? Отцом ли, наставником ли пермяков: святым евангелием пермяков породил и православной вере научил, сынами дня, детьми света их явил, святым крещением их просветил, крещением сыновья родились и ныне рождаются. Как тебя еще назову? Проповедником ли нареку, потому что открыто проповедовал бога перед неверующими, ибо сам спаситель говорил: «Кто открыто признает меня перед людьми, того и я признаю перед отцом моим небесным». Воистину хорошо, что ты послушался голоса Христова, поведал о нем людям в Пермской земле и Христос, сын божий, признает тебя перед своим отцом небесным, перед ангелами, и архангелами, и перед всеми небесными силами, где и лики святых, и собор преподобных, где отцы, праотцы, патриархи, пророки, апостолы, евангелисты, благовестники, праведники, исповедники, мученики, святители, учители, священномученики, преподобномученики, святые отцы, преподобные и богоносные, постники, пустынники, где лики избранных и души праведных и, проще сказать, где чины всех святых, от века богу угодивших. ‹...›

Доброе дело ты совершил, епископ, и поэтому достоин похвалы; тебя бог похвалил, бог-отец, бог-сын, бог — святой дух, которого ты славословил, проповедовал и прославлял. И бог тебя прославил, подавая награду за твои труды. Ибо бог прославляет своих угодников, служащих ему верно, и тебя прославил бог, похвалили ангелы, почтили люди, возвеличили пермяки, иноплеменники покорились, иноязычники устыдились, поганые были посрамлены, кумиры сокрушены, бесы исчезли, идолы были попраны.

Да и я, многогрешный и неразумный, следя за словами похвалы тебе, слово плетущий и слово плодящий и надеящийся словом почтить тебя, собирал слова для похвалы, приобретая и приплетая, снова говорю, как еще назову тебя: водитель заблудившихся, спаситель погибших, наставник обольщенных, руководитель умов ослепленных, очиститель оскверненных, объединитель разобщенных, страж воинов, утешитель печальных, кормитель алчущих, податель просящим, наставник неразумных, помощник обиженным, молитвенник теплый, ходатай верный, спаситель неверующих, проклинатель бесов, разрушитель кумиров, сокрушитель идолов, богу служитель, мудрости хранитель и философии любитель, источник целомудрия и правды, истолкователь книг и создатель пермского письма. Много имен у тебя, епископ, много имен заслужил, многих даров удостоился, многой благодатью обладаешь. Да как еще назову тебя? Какие еще требуются имена? Разве не достаточно для похвалы прочих имен твоих? Если я взялся неумело восславить и похвалить в словах тебя и должен был словами послужить тебе, я, окаянный, невежественный, несчастный, многогрешный среди людей и недостойный среди иноков, то как похвалю тебя,— не знаю, что скажу, не понимаю, чем прославлю, недоумеваю... Но до каких пор буду много еще говорить, до каких пор не прекращу похвальных слов, до каких пор буду продолжать порученное мне славословие? Хоть бы и не раз захотел прекратить беседу, любовь к нему, однако, влечет меня к похвале и плетению словес. Захотелось мне, худ-

шему из всех, отверженному, написать о преподобном отце нашем Стефане, бывшем епископом в Перми. Я — младший среди братии моей, худший среди людей, последний среди христиан, невежественный и недостойный среди иноков. Следует уже окончить слово, но раньше об одном молю всех, кто вникает в написанное, разгибая листы, читает, слушает, вникает и рассуждает: господа мои, не укорите меня окаянного, не кляните меня грешного, молю человеколюбие ваше ради любви к господу. Читая эти неискусно написанные слова, вознесите за меня молитвы ваши к богу, потому что, восхваляя жизнь святых отцов, сам, увы мне, пребываю в лености. Горе мне, говорящему, но не делающему, поучающему, но не воспринимающему; увы мне, оказавшемуся бесплодной смоковницей — листы только одни имею, листы только книжные переворачиваю, листами только книжными написанными хвалюсь, а плода добродетели не имею, напрасно только живу на земле и поэтому боюсь проклятия с наказанием, боюсь сказанного: вот уже топор лежит у корня дерева; всякое дерево, не приносящее доброго плода, срублено бывает и брошено в огонь. Боюсь господа, сказавшего: «Всякую ветвь, не приносящую мне плода, берут, бросают в огонь, и сгорает». Боюсь апостола, говорящего: «Не те правы будут, кто слушает закон, но те, кто делает по нему». Поэтому кротко молю вас, с умилением припадаю, со смиренномудрием умоляю: не презирайте меня, окаянного, если где-нибудь я написал слово обидное, неукрашенное, нескладное и неискусное. Мне же кажется, что нет ни одного нужного слова, красивого и складного, но полно плохих и неискусных. Если что-то и недостаточно хорошо написано, то, если возможно, пусть кто-либо более искушенный и мудрый ради господа составит его и хорошо исправит, неукрашенное украсит, нескладное выправит, неискусное сделает искусным и несовершенное завершит... И просто молю вас всех от мала до велика: помолитесь обо мне, чтобы, заканчивая слово вашими молитвами, мог сказать: слава тебе, господи, сотворившему все, слава тебе, свершителю, слава давшему нам Стефана и опять его взявшему, слава вразумившему его и умудрившему, слава укрепившему и наставившему его, слава посетившему и просветившему Пермскую землю, слава спасающему род человеческий, слава хотящему всех людей спасти — к разуму истинному привести; слава давшему мне жизнь, чтобы это написать. Слава богу за всех. Слава отцу, и сыну, и святому духу. Ныне, и присно [14], и во веки веков. Аминь.

[1] *клирик* — церковнослужитель.

[2] *канон* — церковное песнопение в похвалу святого.

[3] В монастыре Григорьевский затвор с церковью Григория Богослова.

[4] *Алексий* (ум. 1378) — русский митрополит с 1354 г., своей деятельностью способствовал возвышению Москвы.

[5] Приводя цитату из Библии, Епифаний говорит, что народ, принявший православие, сможет совершать богослужение на родном языке.

[6] *Пермская земля* — древнее название земель к западу от Урала по берегам Камы, Вычегды, Печоры, населенных народом коми.

[7] *калугер* — монах, отшельник.

[8] *храп* — нахал.

[9] *Петр, Павел, Иоанн Богослов* — апостолы; *Марк* — ученик Петра; *Лука* — ученик Павла; ему приписывают авторство Евангелия от Луки, написанного, как полагают, в Антиохии, центре раннего христианства.

[10] Петр (ум. 1326) — русский митрополит, поддерживал московских князей в их борьбе за возвышение Москвы, перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву.

[11] *Леонтий* — ростовский епископ (вторая половина XII в.).

[12] *Лазарь* — согласно евангельской легенде, бедняк, униженный богачом и попавший после смерти в рай; *лоно Авраама* — иносказательно — рай.

[13] *сокрытые злаки* — иносказательно — рай.

[14] *присно* — вечно.

«ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Тверской купец Афанасий Никитин в 1466 г. направился по торговым делам в Персию. В дороге, недалеко от Астрахани, он и его товарищи были ограблены монголо-татарами. Добравшись до Каспийского моря вместе с шемахинским послом, который ехал от Ивана III, Афанасий через Дербент и Баку попадает в Персию, а затем отправляется в Индию. В 1472 г., возвращаясь на родину, Афанасий Никитин скончался близ Смоленска. «Тетради» его с путевыми записями были доставлены в Москву и вошли в летопись под 1475 г.

«Хожение» (путешествие) Афанасия Никитина — первые в нашей литературе путевые очерки светского характера, далекие от религиозной морализации. Они давали читателю реальное представление об Индии XV в., стране, известной на Руси того времени только по легендам.

В Хрестоматии отрывки из «Хожения за три моря» даются в переводе Н. С. Чаева (см.: *Хожение* за три моря Афанасия Никитина. М., 1958).

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного, Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хожение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское, второе море Индийское — море Индостанское[1], третье море Черное — море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса Златоверхого[2], с его милостью, от великого князя Михаила Борисовича[3], и от владыки Геннадия Тверского, и от Бориса Захарьича[4] на низ Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы и святых мучеников Бориса и Глеба[5] Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру[6] с другой грамотой великого князя (Тверского), и отпустил меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо[7] в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин[8] тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова[9] посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было 90. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекзан.

И въехали мы в Бузань-реку[10]. И тут нам повстречались три поганых татарина и сообщили ложные вести: будто в Бузани стережет купцов хан Касим и с ним 3000 татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке[11] и по куску полотна, чтобы

они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слыхали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне[12], застрелили у нас человека, а мы у них двух. Судно наше малое остановилось на езу[13], они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести. <...>

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужи и жены — все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку.

А князь их — фата на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини ходят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчики же и девочки ходят голыми до семи лет, и срам у них не покрыт. ⟨...⟩

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю, дошел же до Джунира[14] благодаря богу здоровым,— стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с троицына дня[15], а зимовали мы в Джунире, жили два месяца; в течение четырех месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное... В Индийской земле кони не родятся; здесь родятся волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят,— все делают.

Город Джунир находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя. В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, и кушания для них варят господарыни; они же гостям и постель стелют, и спят с ними. ⟨...⟩

И в том Джунире хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не басурманин, а русский, то сказал: «И жеребца отдам, и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Мухаммедову, если же не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму, и тысячу золотых на твоей голове возьму». И учинил мне срок — четыре дня, на спасов день[16], в пост святой богородицы. И господь смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не повелел мне погибнуть в Джунире с нечестивыми.

В канун спасова дня приехал хорасанец[17] ходжа Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали; он же и жеребца моего у него взял. Таково господне чудо на спасов день. Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, признав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули псы-басурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для басурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлины. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры[18], не христиане и не басурмане; молятся они каменным болванам, а Христа не знают. ⟨...⟩

Князья в Индийской земле — все хорасанцы, и все бояре — тоже. А индостанцы — все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю[19], одевают их в булатные доспехи и делают на них городки[20]; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками и стрелами.

Есть у них одно место — гробница шейха Алаеддина в Алянде, где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать, и торгуют там 10 дней. От Бадира 12 ковов[21]. А приводят коней, до 20 тысяч продают, и всякий другой товар свозят. В Индостанской земле это лучший торг; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина, на русский праздник покрова святой богородицы[22]. Есть на том Алянде и птица филин, она летает ночью и кричит: «Гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны[23] ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в каменьях. Обезьяны же живут в лесу, и у них есть князь обезьянский, ходит со своей ратью[24]. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая и язык у них есть свой; детей они родят много, но, которые родятся ни в отца и ни в мать, тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому рукоделию, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат подражать лицедеям[25].

Весна здесь наступила с покрова святой богородицы; весною же, через две недели после покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину. Весна длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца. В Бидаре же находится престол басурманского Индостана. Город этот велик, и людей в нем много. Сул-

тан у них молод, всего 20 лет, а управляют князья и бояре-хорасанцы, воюют также все хорасанцы.

Есть у них хорасанец Меликтучар-боярин — так у него рати 200 тысяч, а у Мелик-хана — 100 тысяч, а у Харатхана — 20 тысяч. А у многих же панов рати по 10 тысяч. С султаном рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золоченые доспехи. Да перед султаном идет 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100...

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по 100 сторожей да по 100 писцов — кафиров: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет, чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником, и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре, а издержал на него 68 футунов[26], кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи длиною в две сажени. А в Бидар пришел в филиппово заговенье[27] из Кулунгира, а жеребца своего продал на рождество. И пробыл я в Бидаре до великого заговенья[28]. Тут познакомился со многими индийцами и объявил им, что я христианин, а не басурманин, и имя мое Афанасий, по-басурмански же ходжа Исуф Хорасани. Они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах, жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама, а Буты, говорят, это и есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84, и все веруют в Бута[29]. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл четыре месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату — их Иерусалим, а по-басурмански Мекка, где их главное идольное капище (бутхана[30]). Также ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы пять дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней Бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны, четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане, на Бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбривают на себе все волосы;

бреют также бороды и головы. После идут к бутхане... Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде, в левой же руке у него копье; а на нем ничего нет, только зад у него обвязан ширинкою, облик обезьяний. А другие Буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, на Бута также сыплют цветы.

Индийцы [31] совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же они два раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты [32] не пьют. С басурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. Едят рис да кичири [33] с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукой, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу [34] и варят себе кашу. А от басурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же басурманин посмотрел на еду, и индиец уже не ест. А когда едят, то некоторые накрываются платком, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, подымают высоко обе руки, кладут их на темя да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — это их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые омывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток; также на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж, имя сыну дает отец, а дочери — мать. ⟨...⟩

Из Парвата же приехал я в Бидар за 15 дней до басурманского бо́льшого праздника. ⟨...⟩

О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи́ впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли четыре великих заговенья и четыре великих дня [35], я же, грешный, не знаю, когда великий день или заговенье, не знаю, когда рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы [36]. А книг у меня нет: когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. Первый великий день встретил я в Каине [37], другой великий день — в Чепакуре, в Мазандеранской земле [38], третий день — в Ормузе [39], а четвертый великий день — в Бидаре, в Индии, вместе с басурманами. И тут я много плакал по вере христианской.

Басурманин же Мелик много понуждал меня обратиться в веру басурманскую. Я же ему сказал: «Господин! Ты совершаешь молитву — и я также совершаю; ты пять молитв читаешь — я три молитвы читаю; я — чужеземец, а ты — здешний». Он же мне ска-

зал: «Поистине, хотя ты и представляешься не басурманином, но и христианства не знаешь». И впал я тогда во многие размышления и сказал себе: «Горе мне, окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого уже не знаю, уж сам пойду. Господи боже, вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, находящегося в скорби. Господи, призри и помилуй меня, потому что я твое создание; не отврати меня, господи, от пути истинного и настави меня, господи, на путь твой правый, потому что ничего добродетельного в нужде той не сотворил я тебе, господь мой, потому что дни свои прожил все во зле. Господь мой, бог покровитель, бог всевышний, бог милосердный, бог милостивый. Хвала богу! Уже прошли четыре великих дня в басурманской земле, а христианства я не оставил; а далее бог знает, что будет. Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи, боже мой!..»

[1] *Дербентское, Хвалынское море* — Каспийское море; *Индийское, Индостанское море* — Индийский океан.

[2] *Спас Златоверхий* — кафедральный собор в Твери.

[3] *Михаил Борисович* (1453 — ок. 1505) — великий князь тверской.

[4] *Борис Захарьич* — тверской воевода.

[5] В Калязине был Троицкий монастырь, основанный Макарием в 1459 г.; в этом монастыре находилась церковь, построенная во имя Бориса и Глеба.

[6] *Александр* — Александр Васильевич, наместник великого князя московского в Костроме.

[7] *Плесо* — г. Плес на Волге.

[8] *Василий Папин* — посол Ивана III к ширваншаху в Шемахе.

[9] *ширваншах* — Фаррух Ясар (1462—1500), правитель Ширванского царства.

[10] *Бузань-река* — один из рукавов Волги в ее низовье.

[11] *однорядка* — верхняя длинная и широкая одежда без воротника, изготавливалась из шерсти, надевалась на зипун или кафтан.

[12] *Бугун* — мель в устье Волги.

[13] *ез* — заграждение на реке для ловли рыбы.

[14] *Джунир* — город к востоку от Бомбея.

[15] *троицын день* — православный праздник (на 50-й день после пасхи).

[16] *спасов день* — преображение, православный праздник (6 августа по ст. ст.).

[17] *хорасанец* — житель Хорасана, северо-восточной области Персии (Ирана); здесь: мусульманин неиндийского происхождения.

[18] *кафир* — так мусульмане называли людей другой веры; Афанасий Никитин так называл индусов.

[19] *кентарь* — мера веса, различная для разных местностей, от 50 кг и выше.

[20] *городок* — сооружение на спине слона, в котором помещается от 4 до 12 воинов.

[21] *ков* — расстояние, равное 10 верстам.

[22] *покров* — православный праздник (1 октября по ст. ст.).

[23] *мамоны* — здесь: испорченное слово *манул* — дикая кошка.

[24] Здесь смешаны впечатления действительности и легенды о царе обезьян (индийский эпос «Рамаяна»).

[25] *лицедей* — актер.

[26] *футун* — индийская монета, в различных местах имеет разную ценность.

[27] *филиппово заговенье* — день накануне филиппова поста (с 14 ноября по 24 декабря по ст. ст.).

[28] *великое заговенье* — день накануне великого поста.

[29] *Бут* — Будда.

[30] *бутхана* — буддийский храм.

[31] *индийцы* — здесь: брамины.

[32] *сыта* — медовый напиток.

[33] *кичири* — индийское блюдо из риса с маслом и приправами.

[34] *горнец* — горшок.
[35] *великий день* — пасха.
[36] *среда и пятница* — по православному календарю, постные дни.
[37] *Каин* — местонахождение не установлено.
[38] *Мазандеран* — историческая область на севере Ирана.
[39] *Ормуз* — Хормуз, город на берегу Персидского залива.

«СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ»

«Сказание о князьях Владимирских» — памятник публицистической литературы конца XV или начала XVI в. Он возник в период объединения и укрепления Руси как централизованного государства. Идейное содержание «Сказания» тесно связано с распространявшейся в официальных московских кругах идеей «Москва — третий Рим». В «Сказании» говорится, что московские великие князья ведут свое происхождение от Августа-кесаря, что они являются наследниками Византийской империи. «Сказание» утверждало авторитет и право московских князей на царское достоинство в их борьбе с удельными князьями. Особенно популярным «Сказание» было в царствование Ивана Грозного, который первым среди великих князей московских в 1547 г. венчался на царство.

В Хрестоматии «Сказание о князьях Владимирских» дается с небольшими сокращениями в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

Некий новгородский воевода, именем Гостомысл, умирая, созвал новгородских владетелей и сказал им: «О мужи новгородские, даю совет вам, пошлите в Прусскую землю мудрого человека и призовите правителя себе из знатных тамошних родов». Пошли они в Прусскую землю и нашли там некоего князя, именем Рюрик, из рода римского царя Августа, и упросили его посланцы от всех новгородцев идти к ним княжить. Князь Рюрик пришел в Новгород вместе с двумя братьями, одному имя Трувор, другому — Синеус, а третий был его племянником, по имени Олег. И с того времени назван был Новгород Великим. И начал князь Рюрик первым в нем княжить в 6375 (867) [1] году. От великого князя Рюрика в четвертом колене был великий князь Владимир, который просветил Русскую землю святым крещением в 6496 (988) году.

Откуда пошло поставление великих князей русских и как начали венчаться на великое княжение святыми бармами [2] и царским венцом? В 6622 (1114) году стал великим князем киевским Владимир Всеволодович Мономах, правнук великого князя Владимира, просветившего Русскую землю, от которого он четвертое колено. Мономахом [3] прозван был по такой причине.

Когда сел он в Киеве на великое княжение, начал держать совет со своими князьями, с боярами и с вельможами, говоря так: «Когда я был еще мал, [слышал] от царствовавших прежде меня и державших скипетр великой России о том, что князь великий Олег ходил к Царьграду и взял с него большую дань для всех своих воинов. И потом великий князь Всеслав [4] Игоревич ходил и взял с Константинополя еще большую дань. А мы, божьей милостью наместники своих прародителей и отца своего, великого князя Всеволода Ярославича, удостоены богом быть наследниками того же жребия, и ныне же прошу совета у вас, моих советчиков, князей, бояр и воевод, и у всего над нами христолюбивого воинства. И да превознесется вашей храбростью имя святой и живоначаль-

ной троицы по божьей воле и нашему повелению! Какой совет мне дадите?» Отвечали великому князю Владимиру Всеволодовичу князья, бояре и воеводы: «Написано ведь, что сердце царево в руке божьей, а мы все, рабы твои, под твоей властью». Великий же князь Владимир собирал самых искусных, разумных и рассудительных воевод, поставил их чиноначальниками, сотниками, пятидесятниками и, собрав многочисленное войско, направил его на Фракию, область Царьграда, и теснил многих, и возвратился с большим богатством восвояси в здравии.

Был тогда в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах, воевавший в то время с персами и латинянами. И собирает мудрейший царь совет, и направляет своих послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу: митрополита эфесского Неофита из Азии и с ним двух епископов, митулинского и мелетинского, и стратига[5] антиохийского, владыку иерусалимского Евстафия и других благородных. Со своей же царственной шеи снимает Константин Мономах крест из животворящего древа, на котором распят был Христос, снимает со своей головы царский венец и ставит его на золотое блюдо, повелевает принести чашу сердоликовую, с которой пировал римский царь Август[6], посылает и ожерелье, называемое святые бармы, которое носил на своих плечах, и цепь, кованную из аравийского золота, и много других царских даров. Дал их митрополиту Неофиту, епископам и своим благородным послам и направил к великому князю Владимиру Всеволодовичу со словами: «Прями от нас, боголюбивый и благоверный князь, эти честные дары на славу и честь, на венчание твоего вольного и самодержавного царствования и твоего рода. Наши послы будут молить тебя о том, о чем просим мы во имя твоего благородства: о мире и о дружбе, чтобы божии храмы не опустошались и все православие пребывало в покое под властью нашего царства и твоего вольного самодержавия, великой России. И да назовешься ты боговенчанным царем, венчанный этим царским венцом рукою святейшего митрополита Неофита и епископами».

И с тех пор великий князь Владимир Всеволодович называется Мономах, царь великой России. И с той поры во все времена пребывал великий князь Владимир с царем Константином в мире и дружбе. С тех пор и доныне великие князья Владимирские венчаются на великое княжение российское тем царским венцом, который прислал греческий царь Константин Мономах.

[1] В «Повести временных лет» призвание новгородцами Рюрика помещено под 6370 (862) г.

[2] *бармы* — драгоценное оплечье, знак княжеского и царского достоинства; надевалось русскими князьями при торжественных выходах, затем царями при венчании на царство.

[3] Мать Владимира Мономаха, великого князя киевского, происходила из греческого императорского рода Мономахов.

[4] По-видимому, имеется в виду князь Святослав Игоревич.

[5] *стратиг* (греч.) — стратег; здесь: начальник или смотритель.

[6] *Август* (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император, после победы над флотом Марка Антония (30 до н. э.) стал фактически единовластным правителем Римского государства.

«ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ»

«Повесть о Петре и Февронии» была создана на основе устных народных преданий о летающем змее-оборотне и мудрой деве. Ведущая тема этого поэтического произведения — тема любви. В этой повести впервые в истории русской литературы в центре повествования — образ простой крестьянской девушки, наделенной большой нравственной силой, мужеством, мудростью и одерживающей верх над феодальными предрассудками князя и чванством бояр.

Ряд исследователей называют автором «Повести» выдающегося писателя и публициста XVI в. Ермолая Еразма (см.: *Повесть* о Петре и Февронии/Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 95—118; *История* русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 267—271).

В рукописных сборниках «Повесть» обычно называется житием, но, в сущности, она далека от агиографического жанра. Стиль ее чужд многословия, риторики; диалоги, динамика развития сюжета, загадки придают произведению живой, занимательный характер, говорят о связи его с народным творчеством.

В Хрестоматии «Повесть о Петре и Февронии» дается в переводе Б. А. Ларина (см.: *Русские* повести XV—XVI вв. М., 1958).

Есть в Русской земле город, называемый Муром. Рассказали мне, что правил им когда-то добрый князь, по имени Павел. Ненавидя всякое добро в роде человеческом, дьявол наслал в терем княгини Павловой летучего змея — обольщать ее на блуд. Когда находило на нее это наваждение, она видела его таким, каков он есть, а всем, кто входил в это время к княгине, представлялось, что это князь сидит со своею женою. Прошло немало времени, и жена князя Павла не утаила, рассказала мужу все, что было с нею, потому что змей тот уже насиловал ее.

Князь задумался, что сделать со змеем, и не мог придумать. Потом сказал жене:

— Сколько ни думаю, не могу придумать, как мне справиться с этим нечистым духом. Я той смерти не знаю, какую ему можно учинить. Вот как мы сделаем. Когда будет он с тобою говорить, спроси-ка ты хитро и лукаво его самого об этом: не знает ли этот оборотень-змей, от чего ему смерть суждена. Если ты это узнаешь и нам поведаешь, то не только избавишься от его гнусного дыхания и осквернения, о котором мерзко и говорить, но и в будущей жизни умилостивишь к себе неподкупного судию — Христа!

Княгиня обрадовалась словам своего мужа и подумала: «Хорошо, когда б это сбылось».

Вот прилетел к ней оборотень-змей, она заговорила с ним о том, о другом льстиво и лукаво, храня в памяти своей добрый умысел, и, когда он расхвастался, спросила смиренно и почтительно, восхваляя его:

— Ты ведь все знаешь, наверное, и то знаешь, какова и от чего суждена тебе кончина?

И тут великий обманщик сам был обманут лестью красивой женщины,— и сам не заметил, как выдал свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча от Агрикова [1] меча!

Княгиня, услышав эту загадку, твердо запомнила ее; когда змей улетел, пересказала мужу, как он ей ответил. Князь выслушал и задумался, что это значит: «Смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча?»

Был у него родной брат, князь по имени Петр. Призвал он его в ближайшие дни и рассказал о змее и его загадке. Князь Петр, услышав, что змей назвал его именем того, кто с ним покончит, мужественно решился одолеть его. Но смущала его мысль, что ничего не знает об Агрикове мече.

Он любил молиться в малолюдных церквах. Пришел он как-то один в загородную церковь Воздвижения, что в женском монастыре. Тут подошел к нему подросток, служка церковный, и сказал:

— Князь! Хочешь, покажу тебе Агриков меч?

Тотчас вспомнил князь о своем решении и поспешил за служкой:

— Где он, дай взгляну!

Служка повел его в алтарь и показал щель в алтарной стене между кирпичами: в глубине щели лежал меч. Доблестный князь Петр достал этот меч и вернулся в княжий двор. Рассказал он брату, что теперь он уже готов, и с того дня ждал удобного времени — убить летучего змея.

Он каждый день приходил спросить о здравии брата своего и заходил потом к снохе по тому же чину.

Раз побывал он у брата и сразу от него пошел на княгинину половину. Вошел и видит: сидит с княгинею брат, князь Павел. Вышел он от нее и повстречал одного из свиты князя:

— Скажи мне, что за чудо такое: вышел я от брата к снохе моей, оставил его в своей светлице и нигде не задержался, а вхоу к княгине — он там сидит; изумился я: как же он раньше меня успел туда?

Приближенный князя отвечает:

— Не может этого быть, господин мой! Никуда не отлучался князь Павел из покоев своих, когда ты ушел от него!

Тогда князь Петр понял, что это колдовство лукавого змея. Пошел опять к старшему брату и спрашивает:

— Когда ты вернулся сюда? Я от тебя вот только что ходил в покои княгини твоей, нигде ни на минуту не задерживался и, когда вошел туда, увидел тебя рядом с нею. Я был изумлен, как ты мог оказаться там раньше меня. Оттуда сразу же пошел я сюда, а ты опять, не понимаю как, опередил меня и раньше меня здесь оказался.

Тот же говорит:

— Никуда я из горницы своей не выходил, когда ты ушел к княгине, и сам у нее не был.

Тогда князь Петр объяснил:

— Это чары лукавого змея: он передо мною принимает твой образ, чтобы я не подумал убить его, почитая тебя, своего брата. Теперь уж ты отсюда никуда не выходи, а я пойду туда биться со змеем, и если бог поможет, так и убью лукавого змея.

Взял он заветный Агриков меч и пошел в покои своей снохи, опять увидел возле нее змея в образе брата, но теперь он был уже твердо уверен, что это не брат, а оборотень-змей, и поразил его

мечом. В тот же миг змей принял свой настоящий вид, забился в предсмертных судорогах и издох. Но струи крови чудовища обрызгали тело князя Петра, и от этой поганой крови он покрылся струпьями, потом язвами и тяжело заболел. Он призывал всех врачей своего княжества, чтобы исцелили его, но ни один не мог его вылечить.

Прослышал он, что в Рязанской земле много лекарей, и велел отвезти себя туда, потому что болезнь его очень усилилась и он не мог уже сидеть на коне. Привезли его в Рязанскую землю, и разослал он свою дружину во все концы искать лекарей.

Один из его дружинников завернул в деревню Ласково. Подъехал он к воротам какого-то дома,— никого не видно; взошел на крыльцо,— словно никто и не слышит; открыл дверь и глазам не верит: сидит за ткацким станком девушка, одна в доме, а перед нею скачет-играет заяц.

И молвит девушка:

— Плохо, когда двор без ушей, а дом без глаз!

Молодой дружинник не понял ее слов и говорит:

— Где же хозяин этого дома?

Девушка отвечает:

— Отец и мать пошли взаймы плакать, а брат ушел сквозь ноги смерти в глаза глядеть.

Юноша опять не понял, о чем она говорит, удивился и тому, что увидел, и тому, что услышал:

— Ну скажи ты, что за чудеса! Вошел я к тебе,— вижу: работаешь за станком, а перед тобой заяц пляшет. Заговорила ты,— и странных речей твоих я никак не пойму. Сперва ты сказала: «Плохо, когда двор без ушей, а дом без глаз!» Про отца и мать своих сказала: «Пошли взаймы плакать», а про брата: «Сквозь ноги смерти в глаза глядеть»,— и ни единого слова я тут не понял.

Улыбнулась девушка и сказала:

— Ну чего уж тут не понять! Подъехал ты ко двору и в дом вошел, а я сижу неприбранная, гостя не встречаю. Был бы пес во дворе, почуял бы тебя издали, лаял бы: вот и были бы у двора уши. А кабы в доме моем было дитя, увидело бы тебя, как ты через двор шел, и мне бы сказало: вот был бы и дом с глазами. Отец и мать пошли на похороны и там плачут, а когда помрут, другие над ними плакать будут: значит, сейчас они свои слезы взаймы проливают. Сказала я, что брат мой (как и отец) — бортник[2], в лесу они собирают по деревьям мед диких пчел. Вот и сейчас брат ушел бортничать, залезет на дерево как можно повыше и вниз поглядывает, как бы не сорваться: ведь кто сорвался, тому конец! Потому я и сказала: «Сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

— Вижу, мудрая ты девица,— говорит юноша,— а как же звать тебя?

— Зовут меня Феврония.

— А я из дружины муромского князя Петра. Тяжело болеет наш князь — весь в язвах. Он своей рукой убил оборотня, змея летучего, и где обрызгала его кровь змеиная, там и струпья явились. Искал он лекаря в своем княжестве, многие его лечили — никто не вылечил. Приказал сюда себя привезти: говорят, здесь много искусных целителей. Да не знаем мы, как их звать и где они живут, вот и ходим, спрашиваем о них!

Феврония подумала и говорит:

— Только тот может князя твоего вылечить, кто себе его потребует.

Дружинник спрашивает:

— Как это говоришь, кто себе потребует князя моего? Для того, кто его вылечит, князь Петр не пожалеет никаких богатств. Ты скажи мне имя его, кто он и где живет.

— Приведи князя твоего сюда. Если он добросердечен и не высокомерен, то будет здоров! — ответила Феврония.

Вернулся дружинник к князю и все ему подробно рассказал, что видел и слышал. Князь Петр приказал отвезти его к этой мудрой девушке.

Привезли его к дому Февронии. Князь послал к ней слугу своего спросить:

— Скажи, девушка, кто это хочет меня вылечить? Пусть исцелит меня от язв — и получит богатую мзду.

А она прямо и говорит:

— Я сама буду лечить князя, но богатств от него никаких не требую. Скажи ему от меня так: если не буду его супругой, не надо мне и лечить его.

Вернулся слуга и доложил князю все, что сказала девушка. Князь Петр не принял всерьез ее слов, он подумал:

«Как это мне, князю, жениться на дочери бортника?» И послал к ней сказать:

— В чем же тайна врачевства твоего, начинай лечить. А если вылечишь, возьму тебя в жены!

Посланный передал ей слова князя, она взяла небольшую плошку, зачерпнула из дежи[3] хлебной закваски, дунула на нее и говорит:

— Истопите вашему князю баню, а после бани пусть мажет по всему телу свои язвы и струпья, но один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!

И принесли князю эту мазь. И велел он истопить баню, но, прежде чем довериться ее снадобью, решил князь испытать ее мудрость хитрыми задачами. Запомнились ему ее мудрые речи, которые передал первый его слуга. Послал ей малый пучок льну и велел передать:

«Коли хочет эта девушка супругой моей стать, пусть покажет нам мудрость свою. Если она и вправду мудрая, пусть из этого льна сделает мне рубаху, портки и полотенце за то время, пока я буду в бане париться».

Слуга принес ей пучок льну и передал княжий наказ. Она велела слуге:

— Заберись-ка на эту печь, сними с грядки[4] сухое поленце, принеси сюда!

Слуга послушно достал ей полено. Отмерила она одну пядь и говорит:

— Отсеки этот кусок от поленца.

Он отрубил. Тогда она говорит:

— Возьми эту чурочку, отнеси князю своему и скажи от меня: «За то время, пока я пучок льну очешу, пусть князь из этой чурочки сделает мне ткацкий стан и все снаряды, чтобы выткать полотно ему на белье».

Слуга отнес князю чурочку и пересказал речи девушки. Князь посмеялся и послал его назад:

— Иди, скажи девушке, что нельзя из такой малой чурки в такое малое время столько изделий приготовить!

Слуга передал слова князя. Феврония только того и ждала.

— Ну, спроси тогда его, разве можно из такого пучочка льну взрослому мужчине за то время, пока он в бане попарится, выделать и рубашку, и портки, и полотенце?

Слуга пошел и передал ответ князю. Выслушал князь и подивился: ловко ответила.

После этого сделал он, как велела девушка: помылся в бане и помазал вся язвы и струпья ее мазью, а один струп оставил непомазанным. Вышел из бани — и болезни не чувствует, а наутро глядит — все тело чисто и здорово, только один струп остался, что он не помазал, как велела девушка. Изумился он быстрому исцелению. Однако не захотел взять ее в жены из-за низкого ее рода и послал ей богатые дары. Она даров не приняла.

Уехал князь Петр в свою отчину, в город Муром, совсем здоровым. Но оставался на теле у него один струп, оттого что не помазал его целебной мазью, как наказывала девушка. Вот от этого-то струпа и пошли по всему телу новые струпья и язвы с того самого дня, как уехал он от Февронии. И опять тяжело заболел князь, как и в первый раз.

Пришлось вернуться к девушке за испытанным лечением. Добрались до ее дому, и как ни стыдно князю было, послал к ней опять просить исцеления.

Она, нимало не гневаясь, говорит:

— Если станет князь моим супругом, то будет совсем исцелен.

Тут уж он твердое слово дал, что возьмет ее в жены.

Она, как и прежде, дала ему закваски и велела выполнить то же самое лечение. Князь совсем вылечился и женился на ней. Таким-то чином стала Феврония княгиней.

Приехали они в отчину князя, в город Муром, и жили благочестиво, блюдя божии заповеди.

Когда же умер в скором времени князь Павел, стал князь Петр самодержавным правителем в своем городе.

Бояре муромские не любили Февронию, поддавшись наущению жен своих, а те ее ненавидели за низкий род. Но славилась она в народе добрыми делами своими.

Раз пришел один ближний боярин[5] к князю Петру, чтоб поссорить его с женой, и сказал:

— Ведь она из-за стола княжеского каждый раз не по чину выходит. Перед тем как встать, всегда собирает она со скатерти крошки, как голодная!

Захотел князь Петр проверить это и приказал раз накрыть ей стол рядом с собой. Когда обед подошел к концу, она, как с детства привыкла, смахнула крошки в горсть. Князь взял ее за руку, велел раскрыть кулачок и видит: на ладони у нее благоуханная смирна и фимиам. С того дня он больше уже ее не испытывал.

Прошло еще время, и пришли к нему бояре, гневные и мятежные:

— Мы хотим, князь Петр, праведно тебе служить, как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы Феврония была княгиней над нашими женами. Если хочешь остаться у нас на княжом столе, возьми другую княгиню, а Феврония, получив изрядное богатство, пусть идет от нас, куда хочет!

Князь Петр всегда был спокойного нрава, и без гнева и ярости ответил им:

— Скажите-ка сами об этом княгине Февронии, послушаем, что она вам на это скажет!

Мятежные бояре, потеряв всякий стыд, устроили пиршество, и, когда хорошо выпили, развязались у них языки, и начали они о княгине говорить нелепо и поносно, как псы лаялись, отрицали ее чудесный дар исцеления, которым бог наградил ее не только при жизни, но и по смерти. Под конец пира собрались они возле князя с княгинею и говорят:

— Госпожа княгиня Феврония! От всего города и от боярства говорим тебе: дай нам то, о чем мы тебя попросим!

Она ответила:

— Возьмите, чего просите!

Тогда бояре в один голос закричали:

— Мы все хотим, чтоб князь Петр был владыкой над нами, а наши жены не хотят, чтоб ты правила ими. Возьми богатства, сколько хочешь, и уезжай, куда тебе угодно!

Она им и говорит:

— Я обещала вам, что получите то, чего просите! А теперь обещайте вы дать мне то, чего я у вас попрошу.

Бояре же недогадливые обрадовались, думая, что легко от нее откупятся, и поклялись:

— Что ни попросишь, сразу же беспрекословно отдадим тебе!

Княгиня и говорит:

— Ничего мне от вас не надо, только супруга моего, князя Петра.

Подумали бояре и говорят:

— Если князь Петр сам того захочет, ни слова перечить не будем!

Злобные их души озарились дьявольской мыслью, что вместо князя Петра, если он уйдет с Февронией, можно поставить другого самодержца, и каждый из них втайне надеялся стать этим самодержцем.

Князь Петр не мог нарушить заповедь божию ради самодержавства. Ведь сказано: «Кто прогонит жену, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам станет прелюбодеем». Поэтому князь Петр решил отказаться от княжества.

Бояре приготовили им большие суда, потому что под Муромом протекает река Ока, и уплыли князь Петр с супругою своею на этих судах.

Среди приближенных был с ними на судне один человек со своей женой. Соблазняемый бесом, этот человек не мог наглядеться на княгиню Февронию, и смущали его дурные помыслы. Она угадала его мысли и говорит как-то ему:

— Зачерпни-ка воды с этой стороны судна и испей ее!

Он сделал это.

— Теперь зачерпни с другой стороны и испей!

Испил он опять.

— Ну как? Одинакова на вкус или одна слаще другой?

— Вода как вода, и с той стороны и с этой!

— И женское естество одинаково. Почему же, забывая свою жену, ты о чужой помышляешь?

И понял боярин, что она читает чужие мысли, не посмел больше предаваться грешным помыслам.

Плыли они весь день до вечера, и пришла пора причалить к берегу на ночлег. Вышел князь Петр на берег, ходит по берегу и размышляет:

«Что теперь с нами будет, не напрасно ли я сам лишил себя самодержавства?»

Прозорливая же Феврония, угадывая его мысли, говорит ему:

— Не печалься, князь, милостивый бог и жизни наши строит, он не оставит нас в унижении!

Тут же на берегу слуги готовили княжеский ужин. Срубили несколько деревьев, и повар повесил на двух суковатых рассошках свои котлы. После ужина проходила княгиня Феврония по берегу мимо этих рассошек, благословила их и говорит:

— Пусть вырастут из них наутро деревья с ветками и листвой!

Так и сбылось. Встали утром, а на месте рассошек — большие деревья шумят листвой. И только хотели люди собирать шатры и утварь, чтобы переносить их на суда, прискакало посольство из города Мурома челом бить князю:

— Господин наш князь! Мы пришли к тебе от всего народа, не оставь нас, сирот твоих, вернись в свою вотчину. Мятежные вельможи муромские друг друга перебили, каждый хотел стать самодержцем, и все от меча погибли. А остальные вельможи и весь

народ молят тебя: «Князь, господин наш, прости, что прогневали мы тебя! Говорили тебе лихие бояре, что не хотят, чтоб княгиня Феврония правила женами нашими, но теперь нет уж их, все мы однодушно тебя с Февронией хотим, и любим, и молим: не покидайте рабов своих!»

И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам божиим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и приняли монашество. Князя Петра назвали в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией.

Перед самой кончиной княгиня Феврония вышивала покров с ликами святых на престольную чашу для собора.

Приняв иночество, князь Петр, названный теперь Давидом, послал сказать ей: «О сестра Евфросиния! Близка моя кончина, но жду тебя, чтобы вместе покинуть этот мир».

Она ответила: «Подожди, господин мой, сейчас дошью покров для святой церкви».

И во второй раз прислал князь сказать: «Недолго могу ждать тебя!»

И в третий раз послал: «Отхожу из этого мира, не могу больше ждать!»

Княгиня-инокиня в это время вышивала последний покров, уже вышила лик святого и руку, а одежды его еще не вышила и, услышав зов супруга своего, воткнула иглу, замотала вокруг нее нитку и послала сказать князю Петру — в иночестве Давиду,— что и она готова.

В пятницу, 20 июня, отдали они оба душу богу.

После их кончины церковнослужители решили положить тело князя Петра в соборной церкви пречистой Богородицы в Муроме, а тело княгини Февронии — в загородном женском монастыре, в церкви Воздвижения животворящего креста, так как нельзя, дескать, мужа и жену положить в одном гробе, раз они стали иноками. Сделали для них отдельные гробницы и похоронили святого Петра в городском соборе, а святую Февронию — в другой гробнице, в загородной Воздвиженской церкви. А ту двойную каменную гробницу, что они велели сделать себе еще при жизни, оставили пустою в том же городском соборе.

Но на другой день утром увидели, что отдельные их гробницы пусты, а святые тела князя и княгини покоятся в той общей гроб-

нице, которую они велели сделать для себя перед смертью. И те же неразумные люди, что пытались при жизни разлучить их, нарушили их покой после смерти: они снова перенесли святые тела в особые гробницы. И на третье утро увидели опять тела князя и княгини в общей гробнице. После этого больше уже не смели трогать их святые тела, и так и остались они в соборной церкви Рождества пресвятой богородицы, где сами велели себя похоронить.

Мощи их даровал бог городу Мурому во спасение: всякий, кто с верою приходит к гробнице с их мощами, получает исцеление.

[1] *Агрик* (Агрика) — сказочный богатырь, владевший мечом-кладенцом.
[2] *бортник* — человек, собиравший в лесу мед диких пчел.
[3] *дёжа* — кадка, в которой квасят и месят тесто.
[4] *грядка* — здесь: уступ на печке.
[5] *ближний боярин* — особо доверенное лицо в окружении князя.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (XVI—XVII вв.)

«СКАЗАНИЕ О МАГМЕТЕ-САЛТАНЕ» ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА

«Сказание о Магмете-салтане» было написано около 1547 г. крупнейшим публицистом времени царствования Ивана IV Грозного — Иваном Пересветовым. В «Сказании» речь идет о событиях XV в.: о правлении последнего византийского императора Константина и о государственной деятельности турецкого султана Магомета II. Но, по существу, произведение Пересветова связано с современной ему действительностью, с теми проблемами, которые волновали Русское государство в XVI в.

Пересветов, выступая апологетом сильной единоличной государственной власти, сторонником политического и экономического выдвижения служилого дворянства (в противовес боярству), дает в своем произведении программу действий для молодого царя, предвосхитив в значительной мере те реформы, которые провел Иван Грозный позднее. Под пером Пересветова историческая повесть приобретает публицистическую заостренность.

В Хрестоматии отрывки из «Сказания о Магмете-салтане» даются в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

Турецкий царь Магмет-салтан[1] сам был философ мудрый, начитанный в турецких книгах, а когда греческие книги прочитал и перевел слово в слово на турецкий язык, то еще больше мудрости прибавилось у него.

И сказал он так своим сеидам, пашам, муллам и обызам[2]: «Очень мудро написано о благоверном царе Константине[3] в книгах философов: родился источник воинской мудрости, перед мечом которого все под солнцем трепещет. После смерти отца своего остался на царстве трех лет от роду. И греки из-за своего лихоимства и нечистых поборов богатели на слезах и крови людской, и справедливый суд нарушали, и за взятки осуждали невинных. Царевы вельможи до совершеннолетия царя богатели от несправедливых своих поборов. Когда же царь вырос и начал постигать великую мудрость воинскую, присущую его царскому достоинству, то вельможи его, видя, что царь становится опытнее и мудрее, сказали так: „Наша жизнь при нем будет беспокойной, а наше богатство на веселье другим достанется“». И сказал Магмет-салтан турецкий так своим мудрым философам: «Видите, как они, богатые и лживые, опутали царя коварством, хитростью и кознями, дьявольским соблазном, мудрость и счастье его уменьшили и меч его, который возвышался над всеми его врагами, унизили своею коварной враждой и опутали ересью». И еще сказал фило-

софам Магмет-салтан турецкий: «Видите, не любит бог коварства, дерзости и лени, противится им и гневом неутолимым казнит за это; бог выдал нам великого царя — источник мудрости воинской из-за дерзости и коварства греков; козни их и лукавство, которыми они опутали мудрого царя и укротили воинственность его, бога прогневили. И я говорю вам, мудрым философам: «Берегите меня во всем, чтобы нам бога ничем не прогневить».

В 6961 (1453) году повелел царь все доходы со своего царства собирать к себе в казну и ни в одном городе никому из своих вельмож не дал наместничества, чтобы не соблазнялись несправедливым судом, а наделил их жалованьем из своей казны по достоинству каждого; установил суд во всем царстве, доходы от суда велел собирать себе в казну для того, чтобы судьи не имели бы соблазна и не судили несправедливо. И приказал судьям: «Не дружите с неправдою, держитесь истины, как бог любит». Послал по городам своих судей, верных пашей, кадиев, шубашей, аминов[4] и велел им судить по правде, сказав так: «Братия моя любимая и верная, судите справедливо». Вскоре проверил царь судей, как судят; и донесли царю о их лихоимстве и о том, что судят по посулам. Царь не стал ставить им это в вину, а только велел с живых кожу содрать, сказав: «Если обрастут опять кожей, то простится им их вина». А кожи их велел выделать, бумагой набить и в судах железными гвоздями прибить и написать на кожах: «Без такой грозы правду в царстве ввести невозможно. Правду ввести царю в царстве своем — это значит и любимца своего не пощадить, если он виноват. Как конь под царем без узды, так царство без грозы». И еще сказал царь: «Нельзя царю царство без грозы держать. Царь Константин дал вельможам своим волю и делал все по их желанию. Они радовались этому и несправедливо судили обоих: правого и виновного, по христианскому обычаю, приводили к крестному целованию. А они оба неправы: один от драки отпирается, говоря: „Не бил его и не грабил", а другой к побоям еще и грабеж прибавит, и оба крест целуют, богу изменяют, и сами навеки погибнут, в сердцах своих правды не держат и бога гневают, и за это им вечная мука уготована. Из-за тех несправедливых судей, не считавших грехом лгать при крестном целовании, греки впали в ересь и бога прогневили».

Царь Магмет понял по великой мудрости, что такой суд — великий грех — бога гневит. И привел одного по жребию к крестному целованию, направив в это время огненную стрелу в сердце, а самострел — в горло, и велел так стоять до тех пор, пока духовник не проговорит десяти заповедей из Евангелия: не лги, не укради, не лжесвидетельствуй, чти отца и матерь, люби ближнего, как самого себя, и прочее. Так установил царь у греков крестное целование по жребию: если огненная стрела не убьет его, самострел не выстрелит, а он крест поцелует, то возьмет то, из-за чего суд был: «Жребий — суд божий»,— сказал. А туркам велел пить шербет[5], преклонившись через острый меч, наставленный на горло. И муллам своим велел быть при этом и наставлять их по своей

вере турецкой, как делают греки. Если наведенный меч не опустится и горла не перережет, а судимый речь свою договорит до конца, то возьмет то, из-за чего был суд; это и есть божий суд.

И поединком судил без крестного целования: нагие лезут в темницу бритвами резаться; а бритву им одну положат в тайном месте, и кто найдет, тот прав и возьмет свое, из-за чего был суд, это тоже — божий суд, а виновного волен из темницы выпустить, а волен и зарезать. Царь Магмет поступил мудро: правду в царстве своем ввел и великие и грозные знамения людям дал, чтобы они не слабели ни в чем и бога не гневили. Эту мудрость царь позаимствовал из греческих книг, там были примеры того, какими греки должны были быть. Магмет в своем царстве ввел справедливый суд, а ложь вывел и сказал при этом: «Больше всего бог любит правду,— нельзя царю царство без грозы держать. Царь Константин дал волю своим вельможам, они веселились, нечестным путем богатели, а земля и царство плакали от них и в бедах купались. За это прогневался бог на царя Константина, и на его вельмож, и на все Греческое царство, потому что они правды гнушались, забыли, что бог больше всего любит правду. Но на то ли вы меня толкаете, чтобы бога прогневил и вместе с вами бы погиб?» Послал во все города справедливых судей, пригрозив им своею грозою царскою, и дал книги судебные, по которым они должны были обвинять и оправдывать. В каждом городе установил бесплатный суд в судебных палатах. Послал во все города, по всему царству своих вельмож: пашу, шубаша, амина, т. е. судей царевых, в каждый город. Воинов своих велел судить бесплатно с особой строгостью, казнить беспощадно, чтобы зло не множилось; судьям назначил жалованье из царской казны для того, чтобы не было искушения судить несправедливо. Воинов судят те паши, под которыми эти воины в полку; паша знает свое войско и вершит суд, опасаясь царевой грозы, справедливо, бесплатно и без взяток; и суд свершается скоро. Царь поступил мудро: стал больше заботиться о войске и тем обрадовал его. Каждый год наделял воинов царским жалованьем из своей казны по достоинству каждого, а казна его бесчисленна, так как за его большую справедливость наполняется с божьей помощью со всего царства: и из городов, и из волостей, из вотчин, из поместий — все доходы велел собирать в свою казну. Сборщиков же, которые ее собирают, наделил своим царским жалованьем; и после сборщиков проверяют: по царскому ли установлению собирают. Для того чтобы царство его не оскудело, войско с коней не сходит и оружия из рук не выпускает. Тешит царь сердца воинов своих жалованьем, алафою[6] и речью царской. И сказал войску: «Не печальтесь, братья, из-за службы: мы на земле без службы не можем быть; если хоть немного царь ошибется и смягчится, то царство его оскудеет и другому царю достанется. Как земное по-небесному, так и на небе по-земному: божии ангелы и все силы небесные ни на один час пламенного оружия из рук не выпускают, хранят и стерегут всякий час род человеческий от Адама и доныне;

и те небесные силы службой не тяготятся». Так турецкий царь воодушевил свое войско, и все воины похвалили его речь и сказали: «Бог любит воинство, мы исполняем божью волю; а кого из нас в сраженье убьют, тот свои грехи кровью смывает, и души их бог под свое покровительство примет, такими святыми воинами наполняются небесные высоты». Турецкий царь каждый день держит при себе 40 тысяч янычар[7], искусных стрелков, владеющих огнестрельным оружием, платит им жалованье и алафу каждый день. Держит их около себя потому, чтобы недруг в его земле не явился и не совершил бы измены и тем самым не впал бы в грех. Этот безумный царя уничтожит, возгордится и сам захочет царем стать, но это ему не удастся, и тогда сам навеки погибнет от греха своего, а царство без царя не будет; поэтому царь бережет янычар, они у него верные люди и, любя царя, верно ему служат за его жалованье. Мудрый царь тешит сердца воинов, войском он силен и славен. Пашам же и вельможам повелел против недругов впереди становиться, в первых рядах, для того чтобы бились жестоко против недруга, а молодые люди, не столь крепкие, не боялись бы и, глядя на них, тоже были храбрыми в бою против врага. У него же, у турецкого царя, было мудро заведено — играть с противником в смертную игру[8]. По приказу его, «кто не хочет честно умереть в смертной игре с противником за мое великое царское жалованье, как храбрые юноши умирают, играя в смертную игру, тот здесь умрет от моей царской опалы, и бесчестье будет ему и детям его».

Установлений Магмета-салтана последующие цари до сих пор придерживаются. Разрешил вольно служить в царстве своем и у своих вельмож, сказав так: «Один бог над нами, а мы рабы его; фараон, царь египетский, поработил израильтян, и бог на него разгневался своим неутолимым гневом и затопил их морем». Велел Магмет принести книги с кабальными записями и сжечь их. И пленникам установил срок, до каких пор кому работать — семь лет отработать, самое большое девять лет. Если кто пленника дорого купит, и после девяти лет будет его держать, и пленник на него пожалуется, то на того человека падет царская опала и смертная казнь. Не делай того, чего бог не любит, бойся бога, чтобы его не разгневать ничем, и помни заповедь царя. А эту мудрость выписал царь Магмет из христианских книг: каким подобает быть христианскому царю и божию волю творить. И так сказал Магмет-салтан: «Если в царстве люди порабощены, они не храбры и в бою с врагами не смелы; порабощенный человек срама не боится и чести себе не добывает, силен он или слаб, он рассуждает так: „Все равно я холоп и иного имени мне не будет“».

А в царстве Константина при царе Константине у вельмож его лучшие люди были порабощены и против врагов накрепко не стояли; вельможи на конях и в красивых доспехах, а полки их против врага жестокого боя не выдерживали, и с поля убегали, и в других полках царевых сеяли страх, и увлекали их за собой.

И поняв это, царь дал им волю и взял в полк к себе, и стали храбрыми, лучшими людьми те, которые у царевых вельмож были в неволе. А как только стали они свободными по царскому указанию, каждый из них начал против врага крепко сражаться, полки врагов разбивать, играть в смертную игру и честь себе добывать. И сказал царь: «По воле божьей сделал это, так бог любит» — в полк к себе храбрых молодцов прибавил. У турецкого царя по 300 тысяч храбрецов, знающих воинское дело, выступает против врага, и все они сердцем веселы и спокойно идут воевать, так как у них царского жалованья и алафы довольно. В день у них бывает три торга: утром, в полдень и вечером. И на все цена установлена, сколько за что дать. Покупают все на вес. А назначен торговать на тех торгах купец, который ходит вместе с войском по городам со всем тем, что кому нужно купить; а воин возьмет, заплатив цену по царскому указу. Если кто даром возьмет, не заплатит указанную цену, то ему смертная казнь; и лучшего не пощадят. А если купец обманет, не столько даст, сколько вес показывает, или цену возьмет бо́льшую, чем это определено царским уставом, то ему тоже смертная казнь за то, что нарушает царское установление.

А кто у царя против врага крепко стоит, играет в смертную игру, вражеские полки разбивает и верно служит, то, хотя он и не знатного рода, царь его возвеличивает и звание ему высокое дает, жалованья ему много прибавляет и тем тешит сердца воинов своих. А у нынешнего турецкого царя Арнаут-паша прежде был пленником из Арнаутской земли[9], но умел против врага крепко стоять и полки их разбивать; и Короман-паша был пленником из Короманской земли[10] — оба возвышены и прославлены за их большую мудрость, за то, что умеют царю служить и против врага крепко стоять. И хотя неизвестно, какого отца они дети, но за их ум царь дал им большое звание, чтобы и другие так же верно ему служили. И сказал царь всему своему войску, простым воинам и военачальникам: «Братья, все мы дети Адамовы; кто мне верно служит и против врага насмерть стоит, тот у меня лучшим будет». Царь говорил так своему войску, чтобы каждый честь себе добывал и славное имя, говорил, не только награждая жалованьем своим, но и грозя: «Кто не хочет умереть славной смертью, играя с врагом в смертную игру, тот умрет от моей опалы, будет казнен смертной казнью, и будет бесчестье ему и его детям». Если царь сам не пойдет против врага, но пошлет вместо себя мудрого пашу, то всем другим пашам велит его слушаться и почитать, как самого себя. Все воины в его войске распределены по десятникам, сотским и тысяцким, чтобы не было в войске воровства, разбоя, игры в кости и пьянства. Если что найдут — коня, или аргамака[11], или полотно, или еще что-нибудь,— то они не судят, чье, а отправляют к шатру большого паши; тот, у кого что пропало, найдет это там, у шатра, заплатив за находку по цареву установлению, сколько положено. А если случится в войске воровство или разбой или если нашедший что

не отнесет к шатру, то на таких лихих людей, воров и разбойников, учрежден царский сыск, который ведут десятники, сотские и тысяцкие; а если десятник спрячет лихого человека в своем десятке, то тот десятник вместе с лихим человеком будет казнен смертной казнью. А для вора и разбойника у турецкого царя тюрьмы нет: на третий день его казнят смертной казнью, чтобы зло не множилось; в тюрьме находятся лишь опальные люди до царского расследования. По городам у него на лихих людей — воров, разбойников и клеветников — назначены те же десятники, сотские, тысяцкие; и где они найдут лихого человека — вора, разбойника или клеветника, — тут же его и казнят смертной казнью; а если десятник утаит лихого человека в своем десятке, то потом обыщут с помощью всей сотни и ему тоже — смертная казнь.

У царя Константина вельможи судили в палате воров, разбойников и клеветников и собирали богатство лихоимством; этим бога разгневали, потому что богатели от несправедливого суда на слезах и крови ни в чем не повинных христиан и на клевете разбойников. Кто богат, тот у них и виноват; честные люди погибали напрасно, принимали мученическую смерть. Нечестно наживались, воров и разбойников за выкуп отпуская, этим соблазнялись, но бога тем же прогневили.

Магмет, выписав из христианских книг мудрость о справедливом суде, сказал так: «Зачем ради малого соблазнились нечестным богатством, путь в царство небесное потеряли и бога прогневили? Если бог мстит до девятого колена тому, кто нашел кучу золота, нечестно нажитого, то как ответ держать перед богом тому, кто нечестно богател сам?» И написал для себя Магмет-салтан: «Таким должен был быть христианский царь — во всем правды держаться и за веру христианскую крепко стоять». И много размышлял над этим, и хотел сам с радостью сердечной принять веру христианскую; нет другой такой веры у бога, как вера христианская: если пойдет кто неверных в христианство обращать и если войско его при этом побьют, то над ним воля божья, будут последними мучениками божьими, так как пострадали за веру, как и первые мученики, души их в царстве небесном приняли от господа бога нетленный венец.

А греки во всем утратили твердость и справедливость потеряли, бога разгневали неутолимым гневом и веру христианскую отдали неверным на поругание. И ныне же, от взятия Магметом Константинополя и до наших дней, греки хвалятся царством благоверного царя русского. А иного вольного христианского царства греческого закона — нет, и надеются на бога и на царство благоверного царя русского. Хвалятся им, государем вольным, царем, когда доктора латинской веры[12] спорят с греками: «На вас, на греков, господь бог разгневался неутолимым гневом так же, как на евреев, и отдал вас турецкому царю за вашу гордость и несправедливость. Видите, как бог гневается на гордость и неправду, а в правде — красота веры». Они же возражают и хвалятся: «Есть

у нас царство вольное и царь вольный, благоверный государь, великий князь всея Руси Иван Васильевич; и в том царстве велико божие милосердие, знамения божии, новые святые чудотворцы, и милость божия от них, как от первых святых, угодивших богу». Латинянин же возразил им в споре: «Это правда: случилось бывать в том царстве и узнать о вере христианской; там истинные христиане, милость божия велика в той стране, как о том говорите, и святые чудотворцы по божьему милосердию — истинные великие чудотворцы, и большая от них благодать и исцеление тем, кто с верою приходит. Если бы к той истинной вере христианской да справедливость турецкую, то с ними бы ангелы беседовали. А к той бы справедливости турецкой да веру христианскую — так с ними бы тоже беседовали ангелы».

[1] Имеется в виду турецкий султан Магомет II, под предводительством которого в 1453 г. был взят Константинополь.

[2] *сеид* — вельможа; *паша* — почетный титул гражданских и военных сановников; *мулла* — служитель религиозного культа в исламе; *обыз* — духовное лицо, знаток Корана.

[3] *Константин* — последний император Византии Константин XI Палеолог, убитый турками в 1453 г. при взятии Константинополя.

[4] *кади* — судья; *шубаш* — судья по уголовным делам; *амин* — надзиратель, пристав.

[5] *шербет* — сладкий напиток.

[6] *алафа* — здесь: по-видимому, съестные припасы.

[7] *янычары* — турецкая регулярная пехота, занимавшая привилегированное положение.

[8] Видимо, имеются в виду поединки.

[9] *Арнаутская земля* — турецкое название Албании.

[10] *Короманская земля* — Кармания, малоазийская провинция Турции.

[11] *аргамак* — порода быстрых и легких верховых лошадей.

[12] Имеются в виду католики.

ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО С КНЯЗЕМ АНДРЕЕМ КУРБСКИМ

К числу произведений, в которых затрагиваются важнейшие вопросы политической жизни Руси XVI в., относится переписка Ивана Грозного с князем Курбским. В 1564 г. Курбский, опасаясь гнева царя за поражение русских войск под Невелем, бежал в Польско-Литовское государство. В период с 1564 по 1579 г. он направил Ивану Грозному несколько эпистолий (посланий), в которых защищал права и привилегии боярства. Послания Курбского отличаются краткостью, четкой и стройной композицией, ораторской напряженностью.

Ивану Грозному принадлежат два послания Курбскому: первое написано в 1564 г. в ответ на послание Курбского, второе — в 1577 г., в год, отмеченный особыми успехами русских войск в Ливонии. В своих посланиях Иван Грозный развивает и обосновывает идею неограниченной самодержавной власти. Послания Ивана Грозного разнохарактерны по стилю: они то торжественны и скорбны, то ироничны и раздражительны; в связи с этим меняется и их язык, «проходя всю гамму — от парадной славянщины до московского просторечия» (см.: *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М., 1937. С. 374).

В Хрестоматии послания Ивана Грозного даются в переводе Я. С. Лурье (см.: *Послания* Ивана Грозного. М. — Л., 1951), а послания Курбского — в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО, НАПИСАННОЕ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ИЗ-ЗА ПРЕЛЮТОГО ЕГО ГОНЕНИЯ

Царю пресветлому, в православии богом прославленному, ныне же из-за грехов наших против бога и православия обратившемуся. Умный поймет, что совесть у него прокаженная и что такого не сыщешь и среди безбожных народов. Не позволял я себе говорить об этом; из-за изгнания горького из земли твоей и из-за многих горестей теперь постараюсь кратко сказать тебе.

За что, о царь, сильных во Израиле побил и воевод[1], богом данных тебе, различным смертям предал? За что победоносную и святую кровь их в церквах божьих, во владыческих торжествах пролил и их мученическою кровью обагрил церковные пороги? И на доброжелателей твоих, душу за тебя полагающих, неслыханные мучения, и гонения, и смерть замыслил и, обвинив без вины православных в измене, чародействе и в ином неподобном, тщетно пытался белое за черное и сладкое за горькое выдать! В чем провинились перед тобою, о царь, чем прогневали тебя, христианский заступник? Не могущественные ли царства[2] разорили и мужественных и храбрых, тех, у кого предки наши в рабстве были, во всем тебе подвластными сделали? Не их ли усилиями неприступные немецкие города[3] были даны тебе богом?

То ли нам, бедным, воздал, всячески губя нас? Или думаешь, что ты бессмертен, царь? Или скверной ересью увлечен так, что не хочешь уже предстать перед неподкупным судьей, богоначальным Иисусом, который будет судить мир по правде, и являешься прегордым мучителем и истязаешь людей, не доказав их вины? Он есть — Христос мой, сидящий на престоле херувимском по правую руку от вышнего судии,— судья между мною и тобою.

Какого только зла и гонения от тебя не претерпел! Каких бед, напастей не навлек на меня, каких поклепов не возвел на меня! Не могу перечислить по порядку всех моих бед, исходивших от тебя, из-за множества их и еще потому, что душа моя была объята горестью. Но в конце концов скажу все: всего лишился и из страны бежал, напрасно принужденный тобою. Не умилостивил тебя, не умолил многослезным рыданием, не исходатайствовал у тебя никакой милости архиерейским чинам. И воздал ты мне злом за добро и за любовь мою — непримиримой ненавистью. Кровь моя, как вода, пролитая за тебя, вопиет к господу моему. Бог свидетель, что совесть свою обличителем и свидетелем себе поставил, искал и мысленно передумал все и не знаю, не нашел, чем пред тобой согрешил. Впереди войска твоего не один раз ходил и никакого бесчестья тебе не приносил, но радостные победы с помощью ангела-заступника во славу тебе добывал и никогда войска твои спиной к чужим не поворачивал, но лишь победы преславные добывал во славу тебе. И это не год, не два, а много лет трудился с терпением, в поте лица и всегда отечество мое защищал; родительницу мою и жену мою мало видел, всегда в

походах против врагов твоих в дальних городах, терпя нужду и болезни — тому господь мой, Иисус Христос, свидетель. Изранен во многих битвах с врагами, и тело мое изъязвлено многими ранами. Но тебе, о царь, все это ни во что, непримиримую ярость и жгучую ненависть, как печь пышущую, являешь нам.

Хотел перечислить по порядку все ратные мои дела, которые совершил во славу тебя силой Христа моего, но потому не сказал о них, что бог лучше знает о них, нежели человек: он воздаст за все, и не только за это, но даже за чашу студеной воды[4], и знаю, что ты и сам о них знаешь. К тому же пусть будет известно тебе, о царь: уже не увидишь, думаю, в мире лица моего до дня преславного явления Христа. И не думай, что буду молчать об этом: до конца дней своих буду непрестанно взывать к вечной троице, в которую верую, буду призывать на помощь против тебя херувимского владыки мать, надежду мою и заступницу, владычицу богородицу и всех святых, избранных богом, и государя моего праотца, Федора Ростиславича[5], тело которого в течение многих лет пребывает нетленно и благоуханно, и исходит от его гроба аромат святого духа, струи исцеления и чудес — об этом, царь, хорошо знаешь.

Не думай, царь, не представляй мысленно, что мы, убитые, заточенные и изгнанные тобою без вины, уже погибли. Не радуйся этому, мнимой силой хвалясь: убитые тобою, стоя у престола господня, просят отмщения; заточенные же и несправедливо изгнанные в другие края, взываем мы к богу день и ночь. Злом похваляешься в гордости своей в этой временной и быстротекущей жизни, замышляя на христиан мучительные кары, надругаясь даже над иночеством[6] и попирая его, согласуешь это со льстецами и прихлебателями, согласными с тобой во всем боярами, губителями души твоей и тела, которые толкают тебя на распутство, и действуешь против своих детей хуже Кроновых[7] жрецов. Послание это, слезами омытое, велю положить с собою в гроб, идя на суд с тобою бога моего Иисуса Христа. Аминь. Писано в Вольмере[8], граде государя моего, короля Августа Сигизмунда, который помогает мне, кроме бога; милостью его государевой, надеюсь, буду обласкан и утешен в моих скорбях.

Читал в Священном писании, что будет пущен губитель на род человеческий, богоборный антихрист, зачатый в блуде: ныне же видел сановника, всем известного, рожденного в блудодеянии, шепчущего ложь на ухо царю и льющего кровь христианскую, как воду, и погубившего уже сильных и благородных в Израиле,— пособника антихриста[9]. Не годится, о царь, таким потакать! В законе господнем сказано: «Моавитянин, и аммонитянин[10], и выродок до десятого колена в церковь не входят».

ЦАРЕВО ГОСУДАРЕВО ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО РОССИЙСКОЕ ЦАРСТВО ОБ ИЗМЕНЕ КЛЯТВОПРЕСТУПНИКОВ — КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО С ТОВАРИЩАМИ

Бог наш троица, всегда бывший и ныне сущий, отец, и сын, и святой дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, которым цари царствуют и властители пишут правду; богом нашим Иисусом Христом дана была единородного слова божия победоносная непобедимая хоругвь [11] — крест честной первому во благочестии царю Константину [12] и всем православным царям и оберегателям православных. И после того, как исполнилась воля провидения и божественные слуги божьего слова, как орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия дошла и до Российского царства. По божьему изволению начало самодержавия истинно православного Российского царства — от великого царя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и от великого царя Владимира Мономаха, который получил от греков достойнейшую честь [13], и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Димитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами [татарами], вплоть до мстителя за несправедливости деда нашего, великого князя Ивана [14], и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего, великого государя Василия, и до нас, смиренных скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим бога за премногую милость к нам, что не допустил он деснице нашей обагриться единоплеменной кровью, ибо мы не отняли ни у кого царства, но по божию изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и божиим повелением воцарились и взяли все родительским благословением, а не похитили чужое. Да будет известно повеление этой истинно православной христианской самодержавной власти, владеющей многими землями, и да примет наш христианский смиренный ответ бывший истинно православный христианин и наш боярин, советник и воевода, ныне же отступник честного и животворящего креста господня, и губитель христиан, и служитель врагов христианства [15], отступивших от поклонения божественным иконам, и пренебрегших всеми божественными священными повелениями, и разоривших святые храмы, осквернивших и низвергнувших священные сосуды и образа, как Исавр, Навозоименный [Копроним] и Армянин [16], вступивший с ними в союз князь Андрей Михайлович Курбский, изменнически пожелавший быть Ярославским князем [17].

Зачем ты, о князь, отверг свою единородную душу, если ты мнишь себя благочестивым? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть все равно похитит тебя...

Ты же ради тела погубил душу, презрел вечную славу ради ми-

мотекущей и, на человека разъярившись, на бога восстал. Пойми, бедный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». Это ли твое благочестие, что ты погубил себя не во имя бога, а из себялюбия? Могут и там [18] понять твое злодейство те, кто поумнее: ты бежал не от смерти, а желая мимотекущей славы и богатства. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестен, зачем ты убоялся мученической смерти, которая не есть смерть, но приобретение? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоялся смертного приговора из-за лжи и клеветы твоих друзей, слуг сатаны, то это показывает только ваши всегдашние изменнические умыслы! Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: «Всякая душа до повинуется властям; нет власти не от бога; тот, кто противится власти, противится божьему повелению»? Смотри и разумей: кто противится власти — противится богу; а кто противится богу, тот называется отступником, а это — наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола,— кто противится такой власти, тем более противится богу! Тот же апостол Павел, слова которого ты презрел, говорит в другом месте: «Рабы! Слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Вот воля господня — пострадать, делая добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и приобрести мученический венец?

Но ради временной славы, себялюбия и сладостей мира сего ты попрал все свое душевное благочестие и христианскую веру; ты уподобился семени, попавшему на камень и выросшему, но из-за солнечного зноя, то есть из-за одного ложного слова, соблазнился, и отпал, и не сотворил плода...

Как же ты не устыдился раба своего Васьки Шибанова [19]? Он ведь и у порога смерти сохранил свое благочестие и, стоя перед царем и перед всем народом, не отрекся от присяги тебе, восхваляя тебя и стремясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков — ибо по божьему изволению бог отдал их души во власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили нам до смерти и завещали своим детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушил присягу на кресте, присоединился к врагам христианства и к тому же еще, не сознавая собственного злодейства, обращаешься к нам с нелепыми и тупоумными речами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить со своим господином так, как поступил он.

Писание твое принято и прочитано внимательно. Змеиный яд у тебя под языком и поэтому, хоть письмо твое и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни, как сказал пророк: «Уста

их мягче елея, но в них — стрелы». Так ли обучен ты, христианин, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от бога данному, как делаешь ты, изрыгая бесовский яд?

Что ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься! Чему подобен твой совет, смердящий гнуснее кала?..

А когда ты писал: за что я перебил сильных во Израиле и данных богом воевод различным смертям предал и их святую и победоносную кровь в церквах божьих пролил, обагрил церковные пороги кровью мучеников и придумал неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброжелателей, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и других неподобающих поступках, то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины, когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали и неизвестно, кто еще сильнейший во Израиле: потому что Российская земля держится божьим милосердием, милостью пречистой богородицы, молитвами всех святых, благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами[20]. Мы не предавали своих воевод различным смертям,— с божьей помощью мы имеем у себя много воевод и кроме вас, изменников. Мы же вольны награждать своих холопов, вольны и казнить.

Кровью же никакой мы церковных порогов не обагряли, мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренне, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отвернувшегося), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают (подобно зеркалу) порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; те же, которые, как я сказал, оказывают противодействие, приемлют казнь по своей вине. А как в других странах карают злодеев, сам увидишь: там не по-здешнему! Это вы утвердили дьявольский обычай любить изменников; а в других странах изменников не любят: казнят их и тем усиливаются.

Мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумываем, если же ты говоришь об изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят. <...>

Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я страдал из-за вас от юности до последнего времени. <...>

Когда же божьей судьбой родительница наша, благочестивая царица Елена, переселилась из земного царства в небесное, остались мы с покойным братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал; осталась нам надежда только на бога, пречистую богородицу, на всех святых и на родительское благословение. Было мне в это время восемь лет, подданные наши достигли осуществле-

ния своих желаний — получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца, перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них! Казну матери перенесли в Большую казну и при этом неистово пихали ее ногами и кололи палками [концами трости], а остальное разделили между собой. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Тем временем князья Василий и Иван Шуйские самовольно заняли при мне первые места и стали вместо царя, тех же, кто больше всех изменяли нашему отцу и матери, выпустили из заточения и привлекли на свою сторону. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея Ивановича, и его сторонники, собравшись, подобно иудейскому сонмищу[21], на этом дворе захватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при нашем отце и при нас, и, опозорив его, убили; князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; подняли руку и на церковь: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение, и так осуществили свои желания и сами стали царствовать. Нас же с покойным братом Георгием начали воспитывать, как иностранцев или как нищих. Какой только нужды не натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Помню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Все расхитили коварным образом,— говорили, будто детям боярским на жалованье[22], а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; бесчисленную казну нашего деда и отца забрали себе и наковали себе из нее золотых и серебряных сосудов и надписали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние; но известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая [полушерстяная] зеленая на куницах, да еще на ветхих,— так если бы это было их наследственное имущество, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. Что же касается казны наших дядей, то ее всю захватили. Потом напали на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили их имения. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами устраивали неправды и беспорядки, от всех брали безмерную мзду, а за мзду все только и делали...

Хороша ли такая верная служба? Поистине вся вселенная будет смеяться над такою верностью? Что и говорить о притеснениях, со-

вершенных ими в то время? Со времени кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же мы достигли 15 лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи всегда раздражают бога, то случился за наши грехи по божьему гневу в Москве пожар, и наши изменники — бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала и таким образом спалила Москву, и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись сонмищем иудейским, с криками захватил в церкви Дмитрия Солунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского; оттуда его выволокли и бесчеловечно убили в Успенском соборе напротив митрополичьего места, залив церковный помост кровью, и, вытащив его тело через церковные двери, положили его на торжище[23], как осужденного преступника. Это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники убедили народ убить и нас за то, что мы будто бы прятали у себя мать князя Юрия Глинского, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Такие измышления, право, достойны смеха! Чего ради нам самим в своем царстве быть поджигателем? Из родительского имущества у нас сгорели такие вещи, каких во всей вселенной не найдешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег! Во всем видна ваша собачья измена! Разве же можно кропить на такую высоту, как колокольня Ивана Великого? Это явное безумие! В этом ли состоит достойная служба наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи сборища, убивают наших добрых бояр, да еще наших родственников? Этим ли душу за нас полагают, что всегда жаждут отправить нас на тот свет? Нам велят свято чтить закон, а сами нам в этом не следуют! Чего же ты, собака, хвастаешься военной храбростью и хвалишь за нее других собак и изменников?..

А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая от рук иноплеменников ради нас, вопиет на нас к богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнял свой долг перед отечеством; ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Вот о нас можно так сказать: насколько сильнее вопиет к богу наша кровь, пролитая из-за вас; не кровавый поток из ран, но пот, пролитый мною при многих непосильных трудах и ненужных отягчениях, совершенных по вашей вине! Также взамен крови я пролил немало и слез из-за вашей злобы и притеснений, немало вздыхал, и стенал,

и испытал из-за этих оскорблений, ибо вы не возлюбили меня и не поскорбели вместе со мной о нашей царице[24] и детях. <...>

А что ты мало видел свою родительницу, мало встречался с женой, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальних городах, терпя болезни и раны от варварских рук, и поныне страдаешь от многих ран, то ведь это все происходило тогда, когда господствовали вы с попом и Алексеем[25]. Если это вам не нравилось, зачем вы так поступали? Зачем, сделав это своей властью, возлагаете на нас вину? А если бы и мы это приказали, то тут нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, ты бы не считал своих прежних бранных подвигов, а стремился бы к новым, потому ты и считаешь свои бранные подвиги, что оказался беглецом, не вынесшим бранных подвигов и захотевшим покоя. Разве же мы презрели твои небольшие ратные подвиги, если мы забывали заведомые твои измены и противодействия и ты был среди наших вернейших слуг по славе, чести и богатству? Если бы не было этих подвигов, то какого наказания ты заслужил бы за свое злодейство! Если бы не наше милосердие к тебе, если бы, как ты писал в своем дьявольском письме, ты подвергся гонению, тебе не удалось бы убежать к нашему недругу. Твои бранные дела нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей. Не надейтесь запугать нас страшилищами, которыми пугают детей: если это не удалось вам прежде, не думайте, что сделаете это теперь. Как сказано в притчах: «Не покушайся на то, чего взять не можешь».

Ты пишешь, что ждешь воздаяния от бога, — поистине, время справедливо воздает за всякие дела — добрые и злые, но только следует каждому человеку рассудить: кто какого воздаяния заслуживает за свои дела? Пишешь, что мы не увидим твоего лица до дня Страшного суда,— видно, ты дорого ценишь свое лицо. Но кому же нужно такое эфиопское лицо видеть?.. А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит, ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как делают по обычаю даже невежды, поэтому над тобой не должно будет совершать и последнего отпевания. Город Владимир [Вольмер, Валмиеру], находящийся в нашей отчине, Ливонской земле, ты называешь городом нашего недруга, короля Сигизмунда. Этим ты доводишь свою собачью измену до конца. А что ты надеешься получить от него многие пожалования — это правильно, ибо вы не захотели жить под властью бога и данных богом государей, а захотели самовольства; поэтому ты по своему дьявольскому умыслу и искал себе такого государя, который ничем сам не управляет, но хуже последнего раба — от всех принимает повеления...

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072 году от создания мира, в 5-й день июля [5 июля 1564 г.].

КРАТКИЙ ОТВЕТ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО НА ВЕСЬМА ПРОСТРАННОЕ ПОСЛАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО

Широковещательное и многошумящее твое письмо получил, и размыслил, и понял, что оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами отрыгано, что не только царю, столь великому и во всей вселенной прославляемому, но и простому и убогому воину не прилично; а больше всего из Священного писания нахватано с яростью и лютостью не строками и не отдельными стихами, как обычно [поступают] знающие и умеющие, если им случается писать, в кратких словах большой смысл заключая, но сверх меры, с избытком, крикливо целыми книгами и паремиями целыми и посланиями[26]. <...> Тут же о постелях, о телогреях и другие бесчисленные воистину глупых баб сказки; и так варварски, что не только ученым и знающим мужам, но и необразованным и детям удивительно и смеху достойно, особенно в чужой земле, где есть люди, не только в грамматике и риторике, но и в диалектических и философских учениях искусные.

И еще к тому же мне, человеку, совсем смирившемуся в изгнании, оскорбленному многим и несправедливо изгнанному, хоть и многогрешному, но добросердечному и язык не неискусный имеющему, так крикливо до суда божия угрожать! И вместо утешения в скорбях многих пребывающему, будто забыв и отступившись от пророка, который говорит: «Не оскорбляй мужа, в беде находящегося, довольно с него и так»,— твое величество мне, не виновному в своих скитаниях, вместо утешения угрозами оказываешь милость. И так заглазно кусать меня, мужа неповинного, с юных лет бывшего твоим верным слугой! Не верю, чтобы это было богу угодно.

И уже не понимаю, чего от нас хочешь. Уже не только единоплеменных князей из рода великого Владимира различными смертями уморил — движимого и недвижимого имущества их, которого еще твой дед и отец не разграбили, последних рубах, скажу с дерзновением твоему прегордому царскому величеству, не оставил [как положено] по евангельскому слову.

Хотел на каждое слово твое, царь, ответить и мог бы, хотя бы выборочно: <...> и научен по мере сил моих языку отцов церкви, и в старости моей здесь приучился к нему, но удержал руку с пером, потому что — как и в прежнем послании написал тебе — оставил все это на суд божий; подумал и рассудил: лучше помолчать здесь, а сказать там, перед престолом Христа моего, [сказать] дерзновенно вместе со всеми избиенными и изгнанными тобою; как и Соломон говорит: «Встанут праведники перед лицом мучителей» тогда, когда Христос придет судить, и выговорят дерзновенно мучителям и обидчикам, и сам знаешь, не будет лицеприятства на суде том, но правда и ложь каждого человека будет открыта: вместо свидетелей совесть каждого вопиять и свидетельствовать будет.

К тому же еще: не подобает мужам благородным ругаться, как

холопам, особенно постыдно христианам изрыгать из уст своих слова бранные и язвительные, как много раз говорил и раньше. Лучше, решил, возложить надежды мои на всемогущего бога, в трех лицах славимого и почитаемого, ибо свидетель он моей душе — не чувствую себя перед тобою виновным ни в чем. А ради этого подождем немного, потому что верю, что близко, на самом пороге надежды нашей христианской, пришествие господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа. Аминь.

ТАКАЯ ГРАМОТА ПОСЛАНА ГОСУДАРЕМ ТАКЖЕ ИЗ ВЛАДИМИРА [ВОЛЬМЕРА] К КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ С КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ ПОЛУБЕНСКИМ

<...> Писал ты, что я растлен умом хуже язычника. Я же ставлю тебя самого судьею между мной и тобой: вы ли растлены разумом или я, который хотел над вами господствовать, а когда вы не захотели быть под моею властью, разгневался на вас? Или растлены вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня устранили от власти: на словах я был государь, а на деле нисколько не властвовал. Сколько напастей я от вас испытал, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Чем и кого я оскорбил? ⟨...⟩ А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают всякие украшения и желают им здоровья, а моим шлют проклятия и желают им смерти [27]. Много такого было. Сколько мне было от вас бед — не исписать.

А с женою моей зачем вы меня разлучили [28]? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв [29]. А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюдал чистоты,— так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира [30] посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его благодаря войне и кровопролитию? По божьему изволению, с рождения был я предназначен к царству; как меня отец благословил на государство, уже и вспомнить не могу: на государском престоле вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? <...> Так и вы мнили, что вся Русская земля под ногами вашими, но по божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и навострил свое перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», а нынче вас нет; кто же нынче занимает сильнейшие германские крепости? <...> Не ждут бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста [31]! А где

случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был. Много всяких людей отпущено: спроси их — узнаешь.

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальние города как бы в наказание посылали; так теперь мы, не пожалев своих седин, и дальше твоих дальних городов, слова богу, прошли, и ногами коней наших переступили все ваши дороги — из Литвы и в Литву, и пешком ходили, и воду во всех тех местах пили,— теперь уже Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, место покоя твоего, привел нас бог: настигли тебя, и ты еще дальше поехал.

Итак, мы написали тебе лишь некоторое из многого. Рассуди сам, как и что ты наделал, за что божье провидение обратило на нас свою милость, рассуди, что ты натворил. Взгляни внутрь себя и сам себе раскрой содеянное тобой! Видит бог, что написали мы это тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал.

Писано в нашей отчине, Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7076 году (1577 г.), на 43-й год нашего правления, на 31-й год нашего Российского царства, 25-й Казанского, 24-й Астраханского.

[1] Имеются в виду единомышленники Курбского, бояре, казненные Иваном Грозным.

[2] Имеется в виду завоевание в 1552 г. Казанского ханства и присоединение к Русскому государству Астрахани в 1556 г.

[3] Речь идет о Нарве, Нейшлосе, Дерпте (Тарту) и других городах, взятых русскими войсками во время Ливонской войны.

[4] Имеется в виду евангельский текст о самаритянке, подавшей напиться Христу.

[5] *Федор Ростиславич* — князь смоленский и ярославский, предок Курбского, в конце XIII в. канонизирован церковью.

[6] Имеется в виду насильственное пострижение в монахи противников Ивана Грозного.

[7] *Крон* — в греческой мифологии отец Зевса, кровожадный титан, пожиравший своих детей.

[8] *Вольмер* — в 1564 г. в числе других городов центральной и южной Ливонии находился под властью польского короля, ныне г. Валмиера.

[9] Имеется в виду, по-видимому, Малюта Скуратов, один из приближенных к Ивану Грозному опричников, отличавшийся особой жестокостью.

[10] *моавитяне и аммонитяне* — племена, с которыми в древности враждовали иудеи.

[11] *хоругвь* — знамя; здесь: знак царского достоинства.

[12] *Константин* — Константин Великий, римский император (IV в.), первый сделавший христианскую церковь опорой своей власти.

[13] См. «Сказание о князьях Владимирских».

[14] *князь Иван* — Иван III Васильевич (1440—1505).

[15] *Врагами христианства* названы польско-литовские магнаты и военачальники, которых во времена Ивана Грозного неоднократно обвиняли в разграблении православных церквей.

[16] Имеются в виду Исавр (717—741), Константин I Копроним (*Навозоименный*) (741—775), Лев I Армянин (813—820) — византийские императоры-иконоборцы.

[17] Ярославским владыкой (*князем*) Курбский называл себя в связи с тем, что происходил из рода ярославских князей (от Ивана Васильевича Ярославского, который был потомком князей смоленских).

[18] Имеются в виду польско-литовские правители.

[19] *Василий Шибанов* — слуга Курбского, обнаруживший на допросе у Ивана Грозного храбрость и вассальную преданность Курбскому.

[20] *ипат* (греч.) — вельможа; *стратиг* (греч.) — военачальник.

[21] *сонмище* — здесь: сход, сборище.

[22] *дети боярские* — в XVI в. мелкопоместные дворяне, находившиеся на государевой службе.

[23] *торжище* — торговая площадь.

[24] Речь идет о царице Анастасии, первой жене Ивана Грозного.

[25] *поп* — Сильвестр, священник московского Благовещенского собора в Кремле, исполнявший обязанности царского духовника; *Алексей* — Алексей Федорович Адашев, окольничий; в конце 40-х — в 50-х годах они имели большое влияние на царя, при их участии был подготовлен и проведен ряд государственных реформ.

[26] Речь идет об опущенных в данном издании обширных цитатах из Священного писания, которые приводит Иван Грозный в своем послании.

[27] *Курлятев* — Курлятев-Оболенский, друг Курбского; в 1563 г. он вместе с двумя дочерьми был насильно пострижен в монахи и потом задушен в монастыре. Дочери Ивана Грозного от Анастасии умерли в раннем детстве.

[28] Намек на отравление Анастасии боярами.

[29] *Кроновы жертвы* — см. примеч. 7; здесь: казни бояр Иваном Грозным как месть за смерть жены.

[30] *Владимир* — князь Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат Ивана Грозного, казнен вместе с семьей в 1569 г.; отец Владимира — князь Андрей — был четвертым сыном Ивана III.

[31] Речь идет о добровольной сдаче многих ливонских городов во время похода Ивана Грозного на Ливонию в 1577 г.

«НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ...»

«Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском...» относится к группе памятников, возникших в период «смутного времени». Написана она была в декабре 1610 или в январе 1611 г. и дошла до нас в единственном списке XVII в. «Новая повесть» — произведение русской демократической литературы. Автор ее выступает против предательства бояр, называя их землесъедцами и кривителями. Автор повести, по-видимому, человек среднего сословия, стремится пробудить в народе чувство национального достоинства, он призывает сограждан выступить против польских интервентов. Идейное содержание повести определило и ее оригинальную форму, не укладывающуюся в рамки традиционных жанров. «Новая повесть» — подметное письмо, являющееся непосредственным откликом на события текущего дня. Повесть проникнута искренностью и убежденностью патриота, страдающего при виде бедствий, постигших его родину.

В Хрестоматии отрывки из «Новой повести о преславном Российском царстве...» даются в переводе Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой (см.: *Русская повесть XVII века*. М., 1954).

Преименитого великого государства, матери городов Российского царства православным христианам, всякого звания людям, которые еще души свои от бога не отвратили, и от православной веры не отступили, и ложною верою не прельстились, держатся благочестия, не примкнули к противникам своим, не уклонились в их веру отпадшую, а еще хотят за православную веру стоять, не щадя крови.

Бога ради, государи мои, не будьте к себе нерадивы, моля всемилостивого бога и пречистую его матерь, заступницу нашу и молитвенницу, помощницу всего рода нашего христианского, моля великих чудотворцев, кои у нас знамениты в Троицком монастыре, и всех святых! Вооружимся на общих супостатов наших и врагов и постоим сообща и стойко за православную веру, за святые божии

церкви, за свои души, за отечество свое и за достояние, что господь нам дал. Изберем славную смерть: если и случится нам умереть, то лучше по смерти обрести царство небесное и вечное, нежели здесь бесчестную, позорную и горькую жизнь под рукою врагов своих.

Последуем и подивимся великому нашему городу Смоленску[1], что противостоит Западу. Как в нем наши же братья, православные христиане, обороняются, терпят всякие великие невзгоды и лишения, но крепко стоят за православную веру, за святые божии церкви, за свои души и за всех нас, и общему нашему врагу и супостату, королю, не покорятся они и не сдадутся! Сами знаете ведь, с какого времени осаждены они! Терпят они всяческие великие лишения, но не поступятся и малым, не прельстятся никакими вражескими обещаниями, соблазнами, тем, что обещает им сам король, наш супостат! И все противостоят единодушно, непреклонно и стойко умом и душою своею ложным и обманчивым обещаниям врагов. Душ своих они не погубят, не хотят погибнуть навеки, а готовы лучше славно умереть, нежели жить в горе и бесчестии. И какое же мужество они показали, какую славу и похвалу снискали себе во всем нашем Российском государстве! Да и не только по всей нашей преславной земле, но и в иных государствах — Литовском, Польском и во многих других. Чаем, что и до самого Рима, а может быть и далее, распространилась о них слава и хвала, как и у нас. Да и самого короля, лютого врага, супостата нашего, удивили подвиги их и в ужас повергли, и всех пособников его, таких же, как он, безбожников, и тех, которые с ним там, под городом, стоят и хотят тот город, словно злые волки, похитить, и тех, которые у нас здесь, в великом нашем городе, живут, гнетут наши сердца и, подобно лютым львам, всякий день хотят поглотить нас. <...>

Чаем, что и малые дети, услышав о том, подивятся той их, граждан смоленских, храбрости, крепости, величию духовному и непреклонной воле. Если бог до конца так укреплять будет их, как и ныне, и выдержат они свою столь крепкую оборону и великое тяжкое терпение свое за православную веру, за святые божии церкви, за себя и за всех нас и отсидятся там и этим своим сопротивлением все царство наше сохранят в борьбе с лютым нашим супостатом до тех пор, пока сам господь неизреченным своим провидением невидимо не подаст великую милость свою всему нашему великому государству, пока не избавит он всех нас от столь непереносимых несчастий, не изымет нас из-под рук наших врагов, словно агнцев из уст волчьих,— тогда кто сможет выразить словами их доблесть и стойкость? <...>

Но подобает нам подражать и удивляться также и посланцам ото всей нашей великой России — вначале посланцам от соревнователя и сопрестольника их святейшеств вселенских патриархов, от первенца и главы церковного всея Руси, пастыря нашего и учителя, отцов духовных отца и святителя, истинного защитника и твердого поборника веры христианской; а затем — посланным от самих благородных и великих земли нашей начальников и правителей,

ныне же, можно сказать, и воли ее исказителей (но не о том теперь слово наше, что впредь увидите); также и посланным от всех людей всякого чина под тот город Смоленск к королю, нашему врагу и супостату, ради добрейшего дела, для мирного совещания и заключения лучшего договора [2]. <...>

Злой же супостат король в злонравии своем ничего того не хотел и в уме своем не помышлял о том, чтобы было так, как нам годилось. С давних ведь лет замышляют против нашего великого государства все те окаянные безбожники, что были и прежде того из его же братии, в той же проклятой земле и той же веры. Все они о том думали, как бы им великое государство наше похитить, веру христианскую искоренить и свои богомерзкие дела совершить. Но не пришло на то им время, пока не дошло дело до нынешнего короля, нашего врага и супостата. Он же свыше всяких мер возрадовался злокозненным сердцем своим и напрягся всем телом своим. Подобно тому, кто хочет приобрести большое богатство, ничего не упустив из него, и весьма сердцем своим радуется тому, хотя еще по некиим обстоятельствам и не имеет его целиком в руках своих,— подобно тому и он, окаянный король,— хотя и не дано то ему искони от бога, не его то достояние, не его отечество,— хочет великим государством нашим овладеть, а в нем бесчисленные богатства захватить. И радуется и кипит злым своим сердцем. Полагать можно, что и на месте он мало сидит и мало спит от такой большой своей радости, но из-за непокорности и стойкости крепкого нашего города еще не видит полностью в руках у себя все наше великое Российское государство. <...>

И опять же надеялся на то окаянный, что по божьему изволению царский корень у нас перевелся [3], восприняв вместо тленного и мимолетного царства — небесное и вечное, что земля наша без них, государей, овдовела и за великие прегрешения наши в великую скорбь повергнута, а горше всего, что разделилась она, и многие из-за гордости своей и ненависти не захотели из рода христианского царя избрать и ему служить, но пожелали среди иноверных и безбожников царя сыскать и тому служить. И вот упомянутые выше его доброхоты, а наши злодеи, о именах коих еще нет здесь речи, растлились умами своими и пожелали обманам мира сего рабствовать, и в великой славе быть, и сана почетного достигнуть не по своему достоинству. И ради того от бога они отпали, и от православной веры отстали, и к нему, супостату нашему королю, всей душой пристали, и потому окаянные души их пали и пропали. Хотят они его, злодея, в нашем великом государстве посадить и ему служить. И почти полностью они уже Российское царство ему, врагу, передали. Ежели бы могли, то в одночасье привлекли бы его, врага, сюда. И во всем бы с ним свершили волю свою над нами. Но всемилостивый владыка еще милостью своею нас, грешных, осеняет, умысел их и заговор разбивает и тем крепким нашим городом, под которым он, злодей, стоит, пути ему закрывает и к нам идти воспрещает. Если же за великие грехи наши, по причине гнева божия и по его, злодея нашего, злому умышлению, с помощью

каких-либо мер возьмет он тот наш город, крепко стоящий, тогда дойдет он и до царствующего града, и до всех других мест достигнет, и нас себе покорит. И вновь те его доброхоты, а наши злодеи, все на пользу ему чинят, и во всем добра ему хотят, и великое Российское царство хотят отдать ему целиком, ради своей мимолетной славы и величия. Потому-то он, окаянный, и не хочет так сделать, как нам угодно, и, уж конечно, мечтает в уме своем, что овладел нашим великим государством. Бесовским своим воинством наполнил он всю нашу землю и, наконец, стал уверен в победе. И наших посланцев тех он держит, всяческими лишениями, голодом и жаждою морит и пленом томит. <...>

Еще более подивимся на пастыря нашего и учителя, великого святителя и отцов духовных отца, имя коего ведомо всем,— что стоит непоколебимо, как столп, посреди нашей великой земли, посреди нашего великого государства[4]. Он православную веру защищает и всех тех волков, явившихся на пагубу душ наших, увещевает и стоит один против их всех. Подобно мужу-исполину, что без оружия и воинского ополчения, только Священное писание, как палицу, держа в своих руках, выходит против огромных агарянских полчищ и побивает всех, так и он, государь, вместо оружия только словом божиим всем нашим соперникам заграждает уста и посрамляет их, отсылая от себя ни с чем. И нас всех укрепляет он и учит страха и угроз их не бояться, от бога душами своими не отступаться, а стоять крепко и единодушно за данную нам от Христа веру и за свои души, как стоят те граждане в осажденном городе и посланцы наши под тем же городом.

О, не до конца еще великий милосердный бог прогневался на христианский род! О чудо удивительное и воистину великих слез достойное, как мать городов в Российском государстве всеми стенами своими, многими головами и душами покорилась и предалась врагам и губителям, отдалась на их волю, кроме того нашего великого, крепкого и непоколебимого столпа, разумного и твердого алмаза! А с ним и еще многие православные христиане, которые хотят стоять и умереть за православную веру! <...>

Скажу вам истину, а не ложь: супостаты, которые у нас ныне вместе с нашими единоверцами-изменниками, с новыми богоотступниками и кровопролителями, разорителями веры христианской, вместе с первенцами сатаны, с братьями предателя Христа Иуды, все — и начальники их, и подручные, их пособники и единомышленники,— недостойны по своим злым делам именоваться прямым своим именем; надлежит волками душегубными назвать их. Хотят нас вконец погубить, под меч свой склонить, а наших жен и детей в рабов и холопов обратить; хотят имущество наше разграбить и, что тяжелее всего и печальнее, хотят святую непорочную нашу веру искоренить, а свою, отпадшую от православия, насадить; хотят они сами жить в нашем достоянии. Сами видите, что они над нами ныне чинят. Всегда на глазах наших всем нам несут смерть, надругаются над нами и творят насилие, посекают нас мечами своими, и дома наши у нас отнимают, и поносят нас. Скрежещут, как волки, зуба-

ми своими, угрожая нам смертью. И не только над нами творят поругание и смеются, но и над самим образом создателя и богородицы. И руками касаются их, и стреляют в изображение бога и пречистой его матери, как о том ныне свидетельствуют злодейские руки, пригвожденные к стене под образом божьей матери, всем им, окаянным, в устрашение и трепет [5]. <...>

Ныне же послали во все города, по которым стоят такие же губители, и велят им прибыть сюда к нам; а наших людей воинского чина, которые живут у нас здесь, всех высылают прочь [6]. Замышляют они сделать так, чтобы их, врагов, было много, а нас мало; чтоб не могли мы противостоять им; чтобы вконец овладеть нами и покорить себе. Так не смотрите же на то, православные христиане, и не давайте веры тому, что они ныне перед вами творят лицемерно, когда сами своих людей наказывают. Обманывают нас, уверяя и прельщая нас тем, что не отцу быть у нас, а сыну [7]. А сам тот злодей, отец сына, тоже вводит нас в обман и прельщает, подобно сатане, когда, словно бесов, присылает своих послов с известием, будто хочет нам дать своего сына, согласно умыслу приверженных к нему изменников нашего великого государства и отступников от нашей веры. <...>

Он же [8], великий столп, твердый алмаз и крепкий воин Христов, не имеет ни тула [9], ни меча, ни шлема, ни копья, ни воинов вооруженных, ибо не дано ему и не положено от творца все то держать при себе; нет вокруг него и крепко огражденных стен. Но словом божиим опоясался он, словно надежным оружием, словно умелыми воинами окружил себя, словно крепкими стенами оградил себя. «Не бойтесь,— сказал,— поражающих тело, ибо души не могут коснуться они». <...>

Смело и во всеуслышание должно сказать: если бы таких великих, прочных и непоколебимых столпов было немало у нас, никогда бы в нынешнее безвременье от волков душегубных, от врагов своих и чужих святая и непорочная вера наша не упала, но лишь более бы процветала, и великое бы наше море, не колеблясь и не волнуясь, стояло. А ныне один-единственный он стоит, всех поддерживая и врагам сурово грозя, и некому поддержать его ни словом, ни делом. Кроме бога, пречистой его матери и великих чудотворцев, не имеет никого себе пособников. И те, кто были сынами его и богомольцами, тот же сан носящие, славой обманчивой мира сего прельстились, а сказать попросту — подавились, на сторону врагов склонились и творят их волю. А сами наши землеправители, как уже прежде я сказал, земли губители, те и подавно от него отстали, ум свой крайнему безумию во власть дали, к врагам тем пристали, к ногам их низко припали и свое господское рождение променяли на низкое рабское услужение, покорились и поклоняются неведомо кому, как известно вам. Смотрят в руки ему, что им даст, и в уста ему, что им укажет, словно нищие перед богачом проклятым. (Вскоре и мы вам объявим его проклятое богом и людьми имя [10]; теперь же далее поведем нашу речь.) Так-то наши благородные умом оплошали, душами своими пали и пропали навеки, ежели не обра-

тятся вновь от зла и худа на добро. Горше же всего они то совершили, что всех нас выдали. И не только выдали, но вместе с ними, нашими врагами, вооружились на нас и хотят всех погубить, веру же христианскую искоренить. Ежели и есть из чиновных и их боярских родов избранные, готовые сердцем радеть за веру христианскую и за всех нас, то не могут они ничего сделать и не смеют стать против врагов, ибо крепко враги овладели ими: многих кратковременным богатством и славою прельстили, а иных закормили, везде доносителей и доброжелателей своих поставили и понасажали. Только у нас теперь и есть богу и пречистой его матери стена и щит, что он, государь, великий святитель и стойкий заступник. <...>

А вы, православные, не помогаете ему, государю, ни в чем! Одно говорите устами своими, а на деле бог весть чего еще ждать от вас. Опять прошу вас со слезами и сокрушенным сердцем: не оставьте забот о себе и обо всех нас! Мужайтесь и вооружайтесь! Держите между собой совет, как бы от врагов своих избавиться! Время, время пришло! Время в деле показать подвиг и на страдание идти смело! Бог наставит вас и подаст вам помощь! Прибегнем же к богу, пречистой его матери, к великим чудотворцам и всем святым, припадем к ним с теплою верою, с умильным сердцем, с горячими слезами: да подадут нам милость свою! Опояшемся оружием телесным и духовным, то есть молитвою, постом и всякими добрыми делами! Станем храбро за православную веру, за все великое государство и за православных христиан и не предадим пастыря нашего и учителя, крепкого поборника веры православной и преславного нашего господа, что за всех нас храбро стоит и супостата удерживает. <...>

Что стали? Что оплошали? Чего ожидаете и врагов на себя напускаете? Зачем даете зловредному корню в земле укрепиться и, подобно ядовитой горькой полыни, вновь расплодиться?.. Сами вы видите, какое гонение на православную веру и какие притеснения всем православным христианам от наших врагов и губителей! Многим смерть и погибель, иным — раны жестокие, иным — ограбление, бесчестие жен и насилование. И товары у нас покупают они не по цене, но отнимают насильно или не настоящую цену дают: если и платят серебро, то с мечом стоят над головою всякого православного христианина, что торговлей занимается, и смертью ему угрожают. Наш же брат, православный христианин, видя сиротство свое и беззащитность, а их, врагов, великую силу, не смеет иногда и рта раскрыть из боязни смерти — даром от имущества своего отступается и только слезами обливается. <...>

Это ли вам не свидетельство? Это ли не повеление? То ли не указание для вас? Не подтверждение письменное? Ох и увы! Горе, горе лютое! Куда пойдем, куда побежим? Как не заплакать, как не зарыдать? Как не вздохнуть из глубины сердца? Как не бить себя в грудь? Как только сами себя не презираем и не пренебрегаем собою, видя за великие и бесчисленные грехи наши от создателя всех и творца крайнее умаление нас, а им, врагам, чужим и своим, попущение и всяческое от них нам надругательство и мучительст-

во? Хотя и плачем и рыдаем, хотя и бьем себя в грудь и из глубины сердца вздыхаем и сильно досаждаем ему, а подвига не совершаем, заботы о себе не имеем, к богу не прибегаем и не умоляем его. И ничего мы над врагами не измышляем, а все пускаем на произвол и сами в своей земле и вере укореняем злое семя!

Опять скажу: увы! За бесчисленные наши грехи как только не смиряет нас господь, и каких наказаний не посылает, и кому только нами владеть не повелевает? Сами видите, кто тот человек [11]. Не человек он, а неведомо кто: ни царского рода, ни боярского чина, ни из иных избранных ратных людей. Сказывают: из смердов [12] он. Его, окаянного и проклятого, по делам злым его недостойно называть именем Стратилата [13], но именем Пилата [14] следует назвать. Не именем преподобного, но именем неподобного. Не именем страстотерпца, но именем землеедца. Не именем святителя, но именем мучителя и гонителя, разорителя и губителя веры христианской. И прозвище его известное не следует также по имени святого давать, но по названию нужного отверстия — Афедроновым [15] именовать его. И вот он-то столь славным государством владеет, словно великое море колеблет: что хочет, то и творит, и никто ему того не возбранит. А сами наши землевластители и правители, ныне же, как уже сказал я, земли губители и воли ее исказители, те словно ослепли и онемели, прямо сказать — не смеет ни один врагу тому ничего воспретить и великому государству ни в чем пособить. Иные из них молчат, ничего не говорят и во всем его волю творят, ибо вместе с ним, врагом, всех нас погубить хотят. И полки большие, всяких чинов люди за тем врагом вослед идут и милостей, и приказов от него ждут. Не только простые и неименитые люди, но и дети боярские и дворянские, и сами благородные и достойные дворяне, так что иному он, враг креста Христова и всех православных христиан, и в подметки не годится. <...>

А если царство наше не выстоит перед ними, погибнет, кто тогда не восплачется, кто не возрыдает, кто не вздохнет? Не только люди нашей православной веры, из рода христианского, но, полагают, и из иноверцев, да и из тех же врагов всякий, кто хоть немного мягок и жалостлив сердцем, и тот, если не заплачет, то вздохнет и скажет: как же столь великая и преславная земля оказалась в разорении, такое великое царство — в запустении, а столь богатая царская ризница — в разграблении!

А вы, православные, богом почтенные, умилитесь душою, содрогнитесь сердцем, видя над собой столь непереносимые бедствия и несчастия, видя смерть свою всегда перед глазами своими и поругание веры нашей православной! Не отдавайте сами себя в руки врагам своим. Призвав в помощь себе бога, пречистую его матерь, великих чудотворцев и всех святых, дерзайте на врагов своих. <...>

А письму этому и всему, что пишу вам и сказываю в нем, верьте без всякого сомнения. <...>

Кто же письмо это возьмет и прочтет, пусть его не таит, а передаст, прочитавши и уразумев, братьям своим, православным

христианам, для сведения. Пусть не будет скрыто оно от тех, кто за православную веру умереть хочет. Тем же, кто были и ранее нашими же братьями, православными христианами, а ныне в душе своей от христианства отвратилися и во врагов наших обратилися, с врагами соединилися и против нас с ними вместе вооружилися, желая нас вконец погубить, тем о письме ничего не говорите и читать его не давайте. Будь же на вас, доброжелателях Российского царства, милость и помощь божия, а также и от пречистой богородицы, от великих чудотворцев, что в троице у нас славятся, и от всех святых. Аминь!

[1] В 1608 г. Смоленск был осажден войсками польского короля Сигизмунда.

[2] Имеется в виду русское посольство, прибывшее к Сигизмунду под Смоленск в октябре 1610 г.

[3] Имеется в виду прекращение династии Рюриковичей после смерти царя Федора Иоанновича.

[4] Имеется в виду Гермоген, русский патриарх в 1606—1612 гг.

[5] Поляк Блинский стрелял в икону, за что был приговорен к отсечению рук и сожжению.

[6] Имеется в виду, что поляки отправили из Москвы часть стрельцов в Можайск, часть — в Новгород.

[7] Не королю Сигизмунду быть на русском престоле, а сыну его, королевичу Владиславу.

[8] См. примеч. 4.

[9] *тул* — колчан для стрел.

[10] Речь идет о Федоре Андронове, предавшемся полякам и находившемся на службе у польского короля Сигизмунда.

[11] Речь идет о Федоре Андронове.

[12] *смерд* — крестьянин; з д е с ь: человек низкого происхождения.

[13] *стратилат* (греч.) — полководец.

[14] *Пилат* — римский наместник в Иудее в 26—36 гг., приговоривший, по преданию, Христа к распятию.

[15] *афедрон* (греч.) — задний проход.

ИЗ «ЛЕТОПИСНОЙ КНИГИ», ПРИПИСЫВАЕМОЙ И. М. КАТЫРЕВУ-РОСТОВСКОМУ

«Летописная книга», созданная в 1626 г., — одно из лучших произведений, посвященных периоду «смутного времени». Историко-литературное значение произведения определяется тем, что в нем чувствуется стремление автора внести элементы нового в стиль исторического повествования. Литературное новаторство автора выразилось в принципиально новом изображении человеческого характера. В портретной галерее особ царского рода, помещенной в конце книги, впервые в истории древней литературы дана психологическая характеристика исторических деятелей конца XVI — начала XVII в.

В Хрестоматии отрывки из «Летописной книги» даются в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

ОПИСАНИЕ КРАТКОЕ ЦАРЕЙ МОСКОВСКИХ, ИХ ВНЕШНОСТИ И НРАВА

Царь Иван был некрасив, глаза у него были серые, нос длинный и крючком; ростом был высок, сухощав, плечи имел высокие, грудь широкую, мышцы крепкие. Человек удивительного ума, изучивший хорошо книжную науку, красноречивый, в сражениях смел и за

отечество свое мог постоять. К подданным своим, от бога ему данным, был очень жесток и в пролитии крови и убийстве решителен и неумолим. Множество народа от мала и до велика в царствование свое погубил и многие города попленил [1], многих людей святительского чина заточил и смертью жестокою погубил. И много другое сотворил над подданными своими, жен и девиц осквернил. Этот же царь Иван много и хорошего делал, воинов очень любил и все требующееся им от казны своей щедро раздавал. Таков был царь Иван.

Царь же Федор ростом был мал, был постник, смиренен, о духовных делах больше заботился, проводил время в молитвах и нищим просимое раздавал. О мирских делах совсем не заботился — только думал о душевном спасении. С младенческих лет и до конца жизни таким пребывал, за эти благочестивые дела бог его царство миром оградил, и врагов его смирил, и время спокойное ниспослал. Таков был царь Федор.

Царь же Борис красотой цвел и внешностью своей многих людей превзошел; роста был среднего; муж удивительный, редкостного ума, сладкоречивый, был благоверен и нищелюбив, распорядителен, о государстве своем много заботился и много хорошего по себе оставил. Один лишь имел недостаток, отлучивший его от бога: к врачам был сердечно расположен, а также неукротимо властолюбив; дерзал на убийство предшествовавших ему царей [2], от этого и возмездие воспринял.

Царевич Федор, сын царя Бориса, отрок дивный, цвел благолепием, как цветок прекрасный в поле, богом украшенный, как лилия, цветущая в долине; глаза у него были большие, черные, лицо же — белое, молочной белизной блистало; роста был среднего, телом дороден. Отцом своим был воспитан в любви к книгам, в ответах находчив и сладкоречив; пустое и непристойное слово никогда с уст его не сходило; к вере и книжному учению с усердием прилежал.

Царевна же Ксения, дочь царя Бориса, была девица дивного разума, яркой красоты: бела лицом и румяна, губы у нее алые, очи, большие, черные, светом сияли. Когда же, жалуясь, плакала, тогда особым светом светились ее глаза. Брови сходились на переносице, телом была дородна и как молоко бела; ростом ни высокая, ни низкая, волосы черные и длинные, как трубы, по плечам лежали. Из всех женщин была благочиннейшая, в писании книжном начитана, отличалась благоречием, воистину во всех делах искусна, пение любила, особенно духовные песнопения.

Расстрига [3] же ростом был мал, широк в груди, мышцами крепок; внешность же у него была не царственная, препростое имел обличье и все тело смуглое. Однако же был остроумен и в науке книжной сведущ, дерзок и многоречив, любил конные состязания, с врагами сражался смело, будучи сильным и храбрым; воинов очень любил.

Царь Василий [4] был маленького роста, некрасивый, подслеповатый; в книжном учении сведущ, рассудителен и разумен; скуп очень и неотзывчив; единственно к тем благоволил, кто нашептывал ему

ложное на людей, он же их слушал с удовольствием и радостью; любил гадать у волхвов, а о воинах своих не радел.

[1] По-видимому, имеются в виду карательные экспедиции Ивана Грозного в Новгород и Псков.

[2] Речь идет о приписываемом Борису Годунову убийстве царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного.

[3] *расстрига* — духовное лицо, лишенное сана; здесь: Лжедмитрий I.

[4] *Василий* — Василий Иванович Шуйский, политический деятель конца XVI — начала XVII в. и царь в 1606—1610 гг.; происходил из старого рода суздальских князей; был одним из самых хитрых, ловких и аморальных политиков Руси того времени.

«ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ»

«Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» связана с историческими событиями, происходившими на юге Руси в середине XVII в. В 1637 г. донские казаки без ведома царя Михаила, воспользовавшись тем, что турецкий султан Мурад был занят войной с Персией, захватили крепость Азов. В 1641 г. султан Ибрагим I решил овладеть Азовом; крепость была осаждена турецкой армией, но взять ее туркам не удалось. Несмотря на победу, положение казаков было тяжелым. Именно в это время и была написана повесть, имевшая целью вызвать сочувствие в Москве и убедить царя Михаила присоединить Азов к русским владениям.

«Повесть» написана в форме казачьего войскового донесения, в ней использованы типичные формулы официальной переписки. Деловой язык сочетается с несколько архаичным для XVII в. традиционным стилем воинской повести. Необходимо отметить связь повести с устным народным творчеством.

В Хрестоматии отрывки из «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» даются в переводе Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой (см.: *Русская* повесть XVII века. М., 1954).

В 7150 [1] году, октября в 28-й день приехали к государю царю и великому князю всея Руси Михаилу Феодоровичу на Москву с Дона, из Азова-города донские казаки: атаман казачий Наум Васильев [2] да есаул Федор Иванов [3]. А с ними казаков 24 человека, которые сидели в Азове-городе от турок в осаде. И сидению своему осадному привезли они описание. А в том описании пишется: в прошлом, пишут, 7149 [4] году, июня в 24-й день прислал султан Ибрагим, турецкий царь, против нас, казаков, четырех пашей своих с двумя полковниками, Капитоном да Мустафой, да из ближайших советников своих при дворе слугу своего Ибрагима-евнуха над теми пашами вместо него, царя, надсматривать за делами их и действиями, как они, паши его и полковники, станут действовать под Азовом-городом. А с теми пашами прислал он против нас обильную рать басурманскую, им собранную, совокупив против нас из подданных своих от 12 земель воинских людей, из своих постоянных войск. По переписи боевых людей — 200 тысяч, кроме поморян и кафинцев, черных мужиков [5], которые по сю сторону моря собраны повсюду из Крымской и Ногайской орды [6] на наше погребение. Чтобы им живыми нас погрести, чтоб засыпать им нас горою высокою, как погребают они людей персидских. И чтобы всем им через ту погибель нашу получить славу вечную, и нам от того была бы укоризна

вечная. А тех черных мужиков собраны против нас многие тысячи, и нет им ни числа, ни счета. Да к ним же после пришел крымский царь, да брат его народым [7] царевич Крым-Гирей со всею своею ордою крымскою и ногайскою. Крымских и ногайских князей, и мурз, и татар по переписи, кроме охочих людей, было 40 тысяч. Да еще с тем царем пришло горских князей и черкесов из Кабарды 10 тысяч. Да были еще у тех пашей наемные люди, два немецких полковника, а с ними солдат 6000. И еще были с теми же пашами для всяческого против нас измышления многие немецкие люди, ведающие взятие городов и всякие воинские хитрости по подкопам и приступам и снаряжению ядер, огнем начиняемых,— из многих государств: из греческих земель, из Венеции великой, шведские и французские петардщики [8]. Тяжелых орудий было с пашами под Азовом 129 пушек. Ядра были у них великие — в пуд, и в полтора, и в два пуда. Да из малых орудий было у них всего 674 пушки и тюфяка [9], кроме пушек огнеметных, а этих было 32. А все орудия были у них цепями прикованы из страха, как бы мы, вылазку совершив, их не взяли. И были с пашами турецкими против нас люди из разных земель, что под властью его, султана: во-первых, турки; во-вторых, крымцы; в-третьих, греки; в-четвертых, сербы; в-пятых, арапы; в-шестых, мадьяры; в-седьмых, буданы [10]; в-восьмых, босняки [11]; в-девятых, арнауты [12]; в-десятых, волохи [13]; в-одиннадцатых, молдаване; в-двенадцатых, черкесы; в-тринадцатых, немцы. А всего с пашами и с крымским царем было по спискам их набранных ратных людей, кроме выдумщиков-немцев, черных мужиков и охочих людей,— 256 тысяч человек. И собирался на нас и думал за морем турецкий царь ровно четыре года. А на пятый год он пашей своих к нам под Азов прислал.

Июня в 24-й день еще до полудня пришли к нам паши его и крымский царь, и обступили нас турецкие силы великие. Наши чистые поля ордою ногайскою все усеяны. Где была у нас прежде степь чистая, там в одночасье стали перед нами их люди многие, что непроходимые великие леса темные. От той силы турецкой и от скакания конского земля у нас под Азовом погнулась и из Дона-реки вода на берег волны выплеснула, оставила берега свои, как в половодье. Начали турки по полям у нас ставить шатры свои турецкие, и палатки многие, и наметы [14] высокие, словно горы страшные забелелись вокруг. Началась тогда у них в полках игра долгая в трубы многие, великие, поднялся вопль великий, диковинный, звуки страшные, басурманские. После того началась в полках их стрельба из мушкетов [15] и пушек великая. Как есть страшная гроза небесная — и молнии, и гром страшный, будто с небес, от господа! От стрельбы той их огненной до небес поднялся огонь и дым. Все укрепления наши в городе потряслись от той огненной стрельбы, и солнце в тот день померкло и в кровь окрасилось. Как есть наступила тьма кромешная! Страшно, страшно нам стало от них в ту пору; с трепетом, с удивлением несказанным смотрели мы на тот их стройный подступ басурманский. Непостижимо было уму человеческому в нашем возрасте и слышать о столь великом и

страшном собранном войске, а не то чтобы видеть своими глазами! Совсем близко стали они от нас, меньше чем за полверсты от Азова-города. Их янычарские начальники ведут их строй под город к нам большими полками и отрядами по шеренгам. Множество знамен у них, янычар, больших, черных, диковинных. Набаты [16] у них гремят, и трубы трубят, и в барабаны бьют несказанно великие. 12 у тех янычар полковников. И подошли они совсем близко к городу. И, сойдясь, стали они кругом города по восемь рядов от Дона до самого моря, взявшись за руки. Фитили при мушкетах у всех янычар блестят, что свечи горят. А у каждого полковника в полку янычар по 12 тысяч. И все у них огненное, платье у полковников янычарских шито золотом, и сбруя у всех у них одинаково красная, словно заря занимается. Пищали [17] у них у всех длинные, турецкие, с пальниками. А на головах янычарских шишаки, словно звезды, светятся. Подобен строй их строю солдатскому. А в рядах с ними стоят и два немецких полковника с солдатами — в каждом полку по 6000 солдат.

В тот же день, как пришли турки к нам под город, к вечеру прислали к нам турецкие паши переводчиков своих басурманских, персидских и греческих. А с толмачами прислали с нами разговаривать старшего из янычарских пехотных полковников. Обратился к нам их полковник янычарский со словом от царя своего турецкого, от четырех пашей его и от царя крымского, стал говорить речью гладкою:

«О люди божии, слуги царя небесного, никем по пустыням не руководимые, никем не посланные! Как орлы парящие, без страха вы по воздуху летаете; как львы свирепые, по пустыням блуждая, рыкаете! Казачество донское и волжское свирепое! Соседи наши ближние! Нравом непостоянные, лукавые! Вы, пустынножителей лукавые убийцы, разбойники беспощадные! Несытые ваши очи! Неполное ваше чрево — и никогда не наполнится! Кому вы наносите обиды великие, страшные грубости? Наступили вы на десницу высокую царя турецкого! Не впрямь же вы еще на Руси богатыри святорусские? Куда сможете теперь бежать от руки его? Прогневали вы его величество султана Мурата, царя турецкого, убили вы у него слугу его верного, посла турецкого Фому Кантукузина [18], перебили вы всех армян и греков, что были с ним. А он послан был к государю вашему. Да вы же взяли у него, султана, любимую его царскую вотчину, славный и красный Азов-город. Напали вы на него, подобно как волки голодные. Не пощадили в нем из пола мужеского ни старого, ни малого и детей убили всех до единого. И тем снискали вы себе имя зверей лютых. Через тот разбой свой отделили вы государя царя турецкого от всей его орды крымской Азовом-городом. А та крымская орда — оборона его на все стороны. Второе: отняли вы у него пристань корабельную. Затворили вы тем Азовом-городом все море синее, не дали проходу по морю судам и кораблям ни в какое царство, в поморские города. Чего ж вы, совершив такую дерзость лютую, своего конца здесь дожидаетесь? Очистите нашу вотчину Азов-город за ночь, не мешкая! Что

есть у вас там вашего серебра и золота, то без страха понесите из Азова города вон с собою в городки свои казачьи, к своим товарищам. И при отходе вашем никак не тронем вас. Если только вы из Азова-города в эту ночь не выйдете, то не сможете остаться у нас назавтра живыми. Кто вас, злодеи и убийцы, сможет укрыть или заслонить от руки столь сильной царя восточного, турецкого и от столь великих, страшных и непобедимых сил его? Кто устоит перед ними? Нет никого на свете равного ему или подобного величием и силами! Одному повинуется он лишь богу небесному. Лишь он один — верный страж гроба божия [19]! По воле своей избрал бог его единого среди всех царей на свете. Так спасайте же ночью жизнь свою!.. На что же вы, воры глупые, надеетесь, коли и хлебных припасов с Руси никогда вам не присылают? А если б только захотели вы, казачество свирепое, служить войском государю царю вольному, его султанскому величеству, принесите вы ему, царю, свои головы разбойничьи повинные, поклянитесь ему службою вечною. Отпустит вам государь наш, турецкий царь, и паши его все ваши казачьи грубости прежние и нынешнее взятие азовское. Пожалует наш государь, турецкий царь, вас, казаков, честью великою. Обогатит вас, казаков, он, государь, многим несчетным богатством. Устроит вам, казакам, он, государь, у себя в Царьграде жизнь почетную. Навечно пожалует вам, всем казакам, платье с золотым шитьем, знаки богатырские из золота с царским клеймом своим. Все люди будут вам, казакам, в его государевом Царьграде кланяться. Пройдет тогда ваша слава казацкая вечная по всем странам, с востока и до запада. Станут вас называть вовеки все орды басурманские, и янычары, и персидский народ святорусскими богатырями за то, что не устрашились вы, казаки, с вашими силами малыми, всего с 7000, столь непобедимых сил царя турецкого, 300 тысяч ратников». <...>

ОТВЕТ НАШ КАЗАЧИЙ ИЗ АЗОВА-ГОРОДА ТОЛМАЧАМ И ПОЛКОВНИКУ ЯНЫЧАРСКОМУ

«Видим всех вас и до сей поры все ведаем о вас, все силы, все угрозы царя турецкого известны нам. Переведываемся мы с вами, турками, часто на море и за морем, на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас в гости к себе под Азов дни многие. И куда ваш Ибрагим, турецкий царь, весь свой ум девал? Иль не стало у него, царя, за морем серебра и золота, что прислал он к нам, казакам, ради кровавых казачьих зипунов наших четырех пашей своих, а с ними, сказывают, прислал еще на нас рать свою турецкую — 300 тысяч. А то мы и сами точно видим и знаем, что силы его здесь стоит 300 тысяч боевых людей, кроме черных мужиков. Да против нас же нанял он, ваш турецкий царь, из четырех чужих земель 6000 солдат да многих ученых подкопщиков и дал им за то деньги многие. И то вам, туркам, самим ведомо, что у нас по сю пору никто наших зипунов даром не захватывал. Пусть он, турецкий царь, нас возьмет теперь в Азове-городе

приступом; возьмет не своим царским величием и разумом, а теми великими турецкими силами да хитростями наемных людей немецких. Небольшая честь в том будет для имени царя турецкого, что возьмет нас, казаков, в Азове-городе. Не изведет он тем казачьего прозвища, не запустеет Дон головами нашими. На отмщение наше будут все с Дона молодцы. Пашам вашим от них за море бежать! А если избавит нас бог от его сильной руки, если отсидимся от вашей осады в Азове-городе, от великих сил, от трехсоттысячных, со своими силами малыми (всего нас, отборных казаков, в Азове с оружием сидит 7590),— посрамление будет ему, царю вашему, вечное и от его братии и от всех царей. <...>

Ведь мы взяли Азов у него, царя турецкого, не воровскою хитростью,— взяли его приступом, храбростью своей и разумом, чтобы посмотреть, что за люди его турецкие в крепостях от нас обороняются. Укрепились мы в нем силой малою, нарочно разделив силы надвое, испытаем теперь силы вашей турецкой, ума вашего и хитростей. Мы ведь все примериваемся к Иерусалиму и к Царьграду. Удастся взять нам у вас и Царьград. Ведь было там прежде царство христианское. Да еще вы, басурмане, нас пугаете, что не будет нам из Руси ни припасов, ни помощи, будто к вам, басурманам, из государства Московского про нас о том писано. А мы про то и сами без вас, собак, ведаем: какие мы на Руси, в государстве Московском, люди дорогие и к чему мы там надобны! Знаем мы государство Московское, великое, пространное и многолюдное. Сияет оно среди всех государств и орд — и басурманских, и еллинских, и персидских — подобно солнцу. Не почитают нас там, на Руси, и за пса смердящего. Бежали мы из того государства Московского, от рабства вечного, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да и поселились здесь, в пустынях необъятных. Живем, взирая на бога. Кому там о нас тужить, рады там все концу нашему! А запасов хлебных к нам из Руси никогда не бывало. Кормит нас, молодцев, небесный царь в степи своею милостью, зверем диким да морскою рыбою. Питаемся, словно птицы небесные: не сеем, не пашем, не сбираем в житницы. Так питаемся подле моря Синего. А серебро и золото за морем у вас находим. А жен себе красных, любых выбирючи, от вас же уводим.

А мы у вас взяли Азов-город по своей казачьей воле, а не по государеву повелению, ради казачьих зипунов своих и за ваши высокомерные лютые помыслы. <...> Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, силой немногою. А вы уж из наших казачьих рук добывайте его головами турецкими, многими тысячами. Кому-то из нас поможет бог? Потерять вам под Азовом своих турецких голов многие тысячи, а не взять вам его из рук наших казачьих до веку! Разве уж, отняв его у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодорович, всея Руси самодержец, вас, собак, им пожалует. Тогда уж по-прежнему ваш будет. На то его воля государева!»

Как от Азова-города полковники и толмачи вернулись к силам своим турецким, к пашам своим, начали в войсках у них трубить

в трубы многие великие. После той игры трубной стали в барабаны бить. Стали вороны и звери кричать жалостно.

Строили полки свои всю ночь до свету. А как был на дворе уже первый час дня, начали выступать из станов своих силы турецкие. Знамена и хоругви их зацвели по полю, словно цветы различные. От труб больших и барабанов их поднялись звуки неизъяснимые, страшные.

ПОДСТУП ИХ К НАШЕМУ ГОРОДУ

Пошли на приступ немецкие два полковника с солдатами. За ними пошла строевая пехота янычарская — 150 тысяч. Потом пошла на приступ к городу и вся прочая орда их пешая. Кликнули клич они смело и яростно.

Первый их приступ. Наклонили они все знамена свои к городу, в нашу сторону. Закрыли весь Азов-город наш знаменами. Стали башни и стены топорами рубить. Многие на стены в ту пору влезли по лестницам. И тогда началась у нас стрельба из осажденной крепости, а до тех пор молчали мы. От огня и дыма уже не видно стало друг друга. В обе стороны от стрельбы лишь огонь да гром стоял, поднимался огонь и дым до небес. Как будто началась гроза страшная, как бывает с небес гром страшный и молнии. Подкопы тайные, что у нас отведены были за город в ожидании их приступа, все не сдержали силы их невиданной, обрушились, не сдерживала земля силы их. В тех провалах побито у нас было турок многие тысячи. Приготовлено было у нас все по тем подкопам, набиты были они дробью и осколками. И было убито при том приступе в первый день под стеною города одних полковников янычарских шесть да два немецких полковника со всеми 6000 солдат их. В тот же день, сделавши вылазку, захватили мы большое знамя царя турецкого, с коим в первый раз шли они на приступ. Наступали на нас паши турецкие с большими силами в тот первый день до самой ночи, даже и на вечерней заре. Убито нами было у них в первый тот день, кроме шести полковников янычарских и двух немецких полковников, одних янычар 23 тысячи, помимо раненых.

На другой день на светлой заре опять прислали турки к нам своих толмачей — просить, чтобы дали мы им убрать от города тела убитых, что полегли у Азова под стеною города. А давали нам за каждую павшую голову янычарскую по золотому червонцу, а за голову полковника — по 100 талеров. И наше войско не пошло на то, не взяли у них за головы павшие серебра и золота. «Не продаем мы никогда трупов вражеских, но дорога нам слава вечная. Это вам от нас, из Азова-города, игрушка первая. Пока мы, молодцы, ружья свои только прочистили. Всем так вам, басурманам, от нас будет! Иным вас нечем потчевать. Дело наше осадное!» <...> Повели они за первой горой другую гору, еще больше того. В длину насыпали ее на три лучных выстрела, а в вышину — многим выше Азова-города, шириной она была — едва до половины камнем докинуться! На той горе поставили они уже все свои орудия и пе-

хоту всю привели свою турецкую, 150 тысяч, и орду ногайскую с коней всю спешили. И зачали с той горы из орудий бить они по Азову-городу день и ночь беспрестанно. От пушек их страшный гром стоял, огонь и дым курился от них до неба. 16 дней и 16 ночей не смолкали их орудия ни на единый час. В те дни и ночи от стрельбы их пушечной распались все наши азовские укрепления — и стены, и башни все, и церковь Предтеченская, и дома все разбили у нас до самого основания.

И орудия наши разбили все. Одна лишь у нас во всем Азове-городе церковь осталась наполовину — Николина. Потому и осталась, что стояла укрыто внизу, к морю, под гору. А мы от них сидели по ямам. Нам и выглянуть они из ям не давали. И мы в ту пору сделали себе покои просторные в земле под ними, под самым их валом, дворы потайные просторные. И из тех потайных дворов своих повели 28 подкопов под их таборы. И теми подкопами устроили мы себе помощь, облегчение великое. Выходили ночной порой на их пехоту янычарскую, и побили мы их множество. Теми своими ночными вылазками на их пехоту турецкую навели мы на них великий страх и урон большой причинили мы в людях им. И после того паши турецкие, глядя на те наши умелые подкопные в осаде действия, повели навстречу нам из своего табора семь своих подкопов. И хотели они теми подкопами попасть в наши ямы, дабы задавить нас своим множеством. А мы, милостью божией, устерегли все подкопы их, и разорвало тут их всех порохом, погребли мы тут их многие тысячи. И с той поры их подкопная мудрость миновалась вся. Постыли им уж те хитрости подкопные. А всего было от турок к нам под город Азов 24 подкопа и приступа всею их силою. Но после первого большого приступа таких жестоких и смелых больше уже не было. На ножах мы с ними резались в тот приступ. Зачали они метать в ямы наши ядра огненные и всякие немецкие осадные хитрости. И тем пуще приступов причинили они нам великое утеснение. Убивали они многих у нас тогда и опаливали. А после тех ядер огненных, что против нас они измыслили, оставив все свои хитрости, стали они нас одолевать и подступать к нам прямым боем со своей силою. Зачали они к нам на приступ посылать своих янычар во всякий день. По 10 тысяч наступают на нас целый день до ночи, а в ночь идут на смену им другие 10 тысяч. И те наступают на нас всю ночь до свету. Ни одного часа не дадут покоя нам. А бьются они посменно день и ночь, чтобы истомою совсем осилить нас. И от тех их ухищрений и злоумышления, от своих тяжких ран и от бессонницы, от лютой нужды всяческой и от смрадного запаха трупного стало нам невмочь, все изнемогали мы лютыми болезнями осадными. А дружины нашей совсем мало осталось; переменяться нам не с кем, ни одного часа отдохнуть нам не дадут. В ту пору уж совсем мы с жизни своей и в Азове-городе отчаялись, потеряли надежду на выручку от людей, только и ждали себе помощи от всевышнего бога. <...>

После того бою прошло три дня: опять стали нам кричать их толмачи, вызывать нас на разговор. А мы уже и речь не могли дер-

жать к ним, потому как язык наш от истомы нашей во рту не ворочался! И начали они на стрелах к нам ярлыки метать. А в них они пишут, просят у нас пустое место азовское. А дают нам за него выкупа на каждого десятого молодца по 300 талеров серебра чистого да по 200 талеров золота червонного. «А в том присягают вам паши и полковники душою царя турецкого, что ныне при отходе вашем ничем не тронем вас. Подите с серебром и с золотом в городки к своим товарищам, а нам лишь отдайте пустое место азовское».

А мы к ним обратно пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, в Азове и на Дону у нас и своего много. То нам, молодцам, нужно и дорого, чтоб была о нас слава вечная по всему свету. Не страшны нам ваши паши и силы турецкие! Сразу говорили мы вам, что дадим вам знать о себе, будет вам о нас памятно на веки вечные. Возвратясь за море, в края басурманские, будет что сказать вам своему царю турецкому глупому, каково приступать к казаку русскому. Сколько вы у нас разбили кирпича и камня в Азове-городе, столько уже взяли мы у вас голов ваших за разрушение азовское. На головах да на костях ваших сложим город Азов лучшего прежнего! И пройдет наша слава молодецкая по всему свету до века, как сложим города на ваших головах. Нашел здесь ваш турецкий царь себе позор и укоризну вечные. Станем брать с него дань во всякий год в шесть раз больше». После того уж стало нам легче от них, приступов больше уже не было. Сочли они, что под Азовом побиты были у них многие тысячи.

А во время своего сидения осадного держали мы, грешные, пост. Совершали молитвы многие, соблюдали чистоту телесную и духовную. В осаде многие из нас, люди искусные, видели во сне — одни жену прекрасную и светозарную, на воздухе стоящую посреди града Азова, иные же — мужа древнего с власами длинными, в светлых ризах, взирающего на полки басурманские... И многие атаманы видели, что текли у образа Ивана Предтечи из очей его слезы обильные в день каждого приступа. А в первый день, во время приступа, видели лампаду у его образа, слез полную. А при вылазках наших из города все видели басурманы — и турки, и крымцы, и ногайцы — мужа храброго и юного, в одежде ратной, ходившего среди боя с мечом обнаженным и множество басурман поражавшего. А мы того не видели. Лишь утром по убитым узнали мы, что то дело божие, а не наших рук: люди турецкие надвое рассечены! Послана с неба была над ними победа! И они, басурманы, о том нас много раз спрашивали, кто от нас из города выходит на бой с мечом. И мы говорили им: «То выходят воеводы наши».

А всего сидели мы в Азове в осаде от турок с 24 июня 7149 года до 26 сентября 7150 года, 93 дня и 93 ночи [20]. А в ночь на 26-й день сентября турецкие паши со всеми турками и крымский царь со своими всеми силами за четыре часа до свету побежали, окаянные, в смятении и трепете от Азова-города, ничем от нас не гонимы. С вечным позором ушли паши турецкие к себе за море, а крымский царь пошел в орду к себе, черкесы же в Кабарду свою, ногай-

цы пошли в улусы свои. И мы, казаки, как услышали об их отступлении, напали на их таборы тысячею человек. И взяли мы у них в таборах тогда языков, турок и татар живыми 400 человек, а больных и раненых застали мы с 2000. <...>

А теперь мы всем войском идем у государя царя и великого князя всея Руси Михаила Феодоровича просить милости. Просим мы, холопы его, сидевшие в Азове, и те, кто по Дону живет в городках своих, чтоб велел он принять из рук наших ту свою государеву вотчину — Азов-город, ради светлых образов Предтечи и Николина, ради всего, что им, светам нашим, угодно тут. Тем Азовом-городом защитит он, государь, от войны всю свою Украину, не будет войны от татар до веку, как сядут наши в Азове-городе.

А мы, холопы его, что остались после осады азовской, все мы уже старцы увечные, сил нет уже у нас на боевые промыслы. А коли государь нас, холопов дальних своих, не пожалует, не велит у нас принять из рук наших Азова-города, то нам, заплакав, оставить его! Поднимем мы, грешные, икону Предтечи да и пойдем с ним, светом нашим, куда он велит. Атамана своего пострижем пред его образом, будет он над нами игуменом. А есаула пострижем, тот у нас будет устроителем. А мы, бедные, хоть и немощные все, не отступим от его, Предтечи, образа, помрем все тут до единого. Будет вовеки слава лавре Предтеченской».

И после от тех же атаманов и казаков приписано в грамоте, что надобно им в Азов для осадного сидения 10 тысяч людей, 50 тысяч пудов всяких припасов, 20 тысяч пудов пороха, 10 тысяч мушкетов, а денег на все то надобно 221 тысячу рублей.

В нынешнем же 7150 году, по прошению и посольству царя турецкого Ибрагима-султана, государь царь и великий князь Михайло Феодорович пожаловал его, царя турецкого Ибрагима-султана, и велел донским атаманам и казакам Азов-город покинуть.

[1] 28 октября 1642 г.

[2] *Наум Васильев* — глава посольства от донских казаков к царю Михаилу.

[3] *Федор Иванов* — Федор Иванович Порошин, начальник войсковой казачьей канцелярии, предполагаемый автор повести.

[4] 24 июня 1641 г.

[5] *поморяне и кафинцы* — подданные турецкого султана, жившие по побережью Азовского моря (Кафа — генуэзская колония в Крыму, ныне г. Феодосия); *черные мужики* — люди, жившие на государственной земле, не крепостные.

[6] *Крымское ханство* — в XVII в. — вассал Турции; *ногаи* — тюркская народность, часть их подчинялась Крыму.

[7] *народым* — первый сановник ханства.

[8] *петарда* — разрывной снаряд в виде цилиндра, наполненного порохом.

[9] *тюфяк* — орудие, стрелявшее картечью.

[10] *мадьяры* — самоназвание венгров; *буданы* — видимо, наименование венгров по названию столицы их государства — Буда (часть современного Будапешта).

[11] *босняки* (башняки) — возможно, жители Боснии.

[12] *арнауты* — турецкое название албанцев.

[13] *волохи* — жители придунайского княжества Валахии.

[14] *намет* — шатер большого размера.

[15] *мушкет* — ручное огнестрельное оружие.

[16] *набат* — большой медный барабан.

[17] *пищаль* — артиллерийское орудие, заряжаемое со ствола.

[18] *Фома Кантукузин* — посол султана в Москве; убит казаками в 1637 г. на Дону, где он находился проездом в Москву.

[19] Турки в это время владели Иерусалимом, в котором, по преданию, находится гроб Христа.

[20] С 24 июня 1641 г. по 26 сентября 1642 г. (год начинался с 1 сентября).

«ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ»

«Повесть о Горе и Злочастии» («Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин»), относящаяся к жанру бытовой повести, была создана в середине XVII в. Жанр бытовой повести и ее проблематика тесно связаны с теми изменениями, которые произошли в русской жизни XVII в.: с общим подъемом культуры, тягой к просвещению, протестом против косного домостроевского быта, интересом к человеческой личности. Герой повести — лицо вымышленное. Автор проявляет большое внимание к частной жизни человека своего времени. Во всем художественном строе повести находят отражение приемы, образы, ритмика народного творчества.

В Хрестоматии «Повесть о Горе и Злочастии» дается без перевода (см.: *Хрестоматия* по древней русской литературе/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973).

Изволением господа бога и спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческого.
А в начале века сего тленнаго
сотворил небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
не повелел вкушати плода винограднаго
от едемскаго [1] древа великаго.
Человеческое сердце несмысленно
и неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь божию,
вкусили плода винограднаго
от дивного древа великаго;
и за преступление великое
господь бог на них разгневался,
и изгнал бог Адама со Еввою
из святого раю, из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,
благословил их раститися, плодитися
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.
Учинил бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческаго и для любимых
детей.
Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо

и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добр[е] убожливи,
а на безумие обратилися
и учели жить в суете и в [не]правде,
в ечерине [2] великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них господь бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие [3] злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дела наставлять:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы [4]
добрыя, и хитрыя, и мудрыя,—
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины [5],
не садися ты на место болшее,
не пей, чадо, двух чар за едину!
Еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых, красных жен, отческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное [6],
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт [7],
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу [8] безделнаго!
не ходи, чадо, х костарем [9] и корчемникам,
не знайся, чадо, с головами кабацкими,
не дружися, чадо, с глупыми, не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и сребро,
не збирай богатства неправого,
не буди послух [10] лжесвидетелству,

а зла не думай на отца и матерь
и на всякаго человека,
да и тебе покрыет бог от всякого зла.
Не бесчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и [с] разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебе злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублев,
залез [11] он себе пятьдесят другов.
Честь его яко река текла;
друговя к молотцу прибивалися,
[в] род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг —
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речами прелесными [12],
зазвал его на кабацкой двор,
завел ево в избу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова,—
я сяду стеречь и досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
и поставлю крушку ишему [13] сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого,—
не хотелося ему друга ослушатца;
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти

и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаетца,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
чары [14] и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина [15] у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою [16] кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки [17],
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое;
стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне бог дал великое,—
ясти, кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу-денги,—
так и не стало ни друга не полдруга:
род и племя отчитаются [18],
все друзи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появитися
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит:
изба на дворе, что высок терем,
и в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лицо свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися:
ведет он все по писанному учению,—
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в болшее место, не в меншее, —
садят ево в место среднее,

где седят дети гостиные [19].
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя, все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен:
а не пьет, ни ест он, ни тешитца —
и ничем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец?
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен?
Ни пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишся.
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоей?
или малые дети тебя изобидили?
или глупыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя,
скажу я вам про свою нужду великую,
при свое ослушание родителское
и про питье кабацкое,
при чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери,—
благословение мне от них миновалося,
Господь бог на меня разгневался
и на мою бедность великия,
многия скорби, неисцелныя,
и печали неутешныя,
скудость, и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изсушила печаль мое лице и белое тело,—
ради того мое сердце невесело,
а белое лицо унынливо,
и ясныя очи замутилися,—
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество [20] мое потерялося,
храбрость молодецкая от меня миновалася.
Государи вы, люди добрыя,
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех
и как залести мне милых другов?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец,

не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не обявливай,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавыя [21],
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей!
И ты с кротостию держися истинны
с правдою,—
то тебе будет честь и хваля великая:
первое тебе люди отведают
и учнуть тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество [22],
и будут у тебя милыя други,
названыя братья надежныя!»

И отуду пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи:
от великаго разума наживал он живота [23]
болшы старова;
присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелося молотцу женитися:
средил [24] молодец честен пир
отечеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по божию попущению,
а по действу диаволю
пред любовными своими гостьми и други,
и назваными браты похвалился,
а всегда гнило слово похвалное:
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец, живота болши
старова!»
Подслушало Горе-Злочастие хвастанье
молодецкое —
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатеством,—
бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае [25],—
и я их, Горе, перемудрило:
учинися им злочастие великое:
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися —
не могли у меня, Горя, уехати —
и сами они во гроб вселились,

от меня накрепко они землею накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
А злочастие на их в могиле осталось.
Еще возграяло[26] я, Горе, к иным
привязалось,
а мне, Горю и злочастию, не в пустеже жити —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонит[ь],
а гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе горинское:
«Как бы мне молотцу появитися?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей
любимой;
быть тебе от невесты истравлену
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи[27] ты на себя гунку кабацкую,—
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Горе-Злочастие останетца;
за нагим то Горе не погонитца,
а нагому, босому шумить разбой!»
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось —
Горе архангелом Гавриилом молотцу
по-прежнему еще вновь злочастие
привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота[28], беспроторица[29] великая?
На себя что купить — то проторится[30],
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут[31],
да никто к нему не привяжется —
а нагому, босому шумить розбой!»
Тому сну молодець он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появитися
своим милым другом —

пошел молодец на чужу страну далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево;
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,
миновался день до вечерни до обеднем,
не едал молодець на полу куса хлеба.
Вставал молодець на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною, —
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое, —
ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки скоча Горе
из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды;
не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе мати наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения
не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать [32],
и учнет он недругу покарятися!»
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Горя, мудряя на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,

напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец [беду] неменучюю,
покорился Горю нечистому —
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел, поскочил доброй молодец
по круту, по красну по бережку,
по желтому песочику;
идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
и сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец не кручиноват —
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрила,
„Хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
а в драгих портах чаду и цены нет!"
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату [33] без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен [34] я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою [35]»
Услышали перевощики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
а не взели у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что ты, еси доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любымым честным своим родителям,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители, отцем и материю,
возьми от них благословение родительское!»
И оттуда пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,

учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец,
Не на час я к тебе, Горе злочастное,
привязалося!
хошь до смерти с тобою помучуся!
Не одно я Горе — еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается —
ино тот между нами замучится!
Такова у нас участь и лутчая!
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом,—
а Горе за ним белым кречатом;
молодец полетел сизым голубем,—
а Горе за ним серым ястребом;
молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы [36];
молодец стал в поле ковыль трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злочастие над молотцем насмиялося:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами —
еще Горе злочастное насмеялося:
«Быти тебе, рыбонке, у бережку уловленой,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить —
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с камнем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь —
и оттоле молодец в монастыр пошел
постригатися,
а Горе у святых ворот оставается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, вечные муки,
а дай нам, господи, светлый рай
Во веки веков. Аминь.

[1] *эдем* (греч.) — рай.
[2] *в ечерине* — в распре.
[3] *безживотие* — нищета.
[4] *пословица* — здесь: наставление.
[5] *братчина* — пир в складчину.
[6] *заточный* — пустынный.
[7] *порты* — здесь: одежда.
[8] *понос* — поношение.
[9] *костарь* — игрок в кости.
[10] *послух* — свидетель.
[11] *залезть* — найти.
[12] *речи прелестные* — речи льстивые.
[13] *ишем* — мед.
[14] *чары* — здесь: башмаки.
[15] *собина* — имущество.
[16] *гунка* (гунька) — рубище.
[17] *лапотки-отопочки* — стоптанные лапти.
[18] *отчитаться* — отрекаться.
[19] *дети гостиные* — купцы.
[20] *отвечество* — здесь: честь по отцу.
[21] *упатки вилавые* — хитрые подходы.
[22] *вежество* — вежливость, учтивость.
[23] *живот* — здесь: имущество.
[24] *средить* — снарядить.
[25] *досужае* — искуснее, изворотливее.
[26] *возграять* — закаркать.
[27] *надежи* — надень.
[28] *легота* — бедность.
[29] *беспроторица* — безубыточность.
[30] *проториться* — истратиться.
[31] *не вытепут* — не вытолкают.
[32] *...не к любому он учнет упадывать* — не к милому он станет припадать.
[33] *скарлата* — дорогая ткань.
[34] *завечен* — суждено мне было.
[35] *головенка* — головня, обгоревший кусок дерева.
[36] *...з борзыми выжлецы* — с гончими собаками.

«ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ»

«Повесть о Савве Грудцыне» («Повесть, весьма удивительная и истинная, о случившемся в нынешние дни, как человеколюбивый бог являет человеколюбие свое народу христианскому») создана во второй половине XVII в. Как и в «Повести о Горе и Злочастии», герой произведения — купеческий сын, нарушающий заветы старины и наказанный за это. Прибежище от всех жизненных бед он находит в монастыре. Ревностная защита консервативных устоев, религиозный дидактизм повести, а также язык, архаичный даже для XVII в., приводят к мысли, что автором «Повести» был человек духовного звания.

«Повесть» связана с традиционными жанрами древней русской литературы — с воинской повестью, поучением, житием и т. д. Вместе с тем она отмечена чертами литературного новаторства. Широкий исторический и бытовой фон произведения, большое количество действующих лиц, изображение судьбы простого человека среднего достатка, рассказ о его любви, переживаниях, душевной борьбе — все это позволяет современным исследователям проследить в «Повести» истоки русского романа.

В Хрестоматии «Повесть о Савве Грудцыне» дается в переводе Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой (см.: *Русская* повесть XVII века. М., 1954).

Хочу я вам, братия, рассказать эту поразительную, исполненную страха и ужаса и несказанного удивления достойную повесть

о том, как долготерпелив человеколюбивый бог, ожидая обращения нашего, и как он невыразимыми своими путями приводит ко спасению.

Было это в наши дни, в 7114[1] году, когда за многие грехи наши навел бог на Московское государство богомерзкого отступника и еретика Гришку-расстригу Отрепьева, который похитил престол Российского государства, как разбойник, а не по царскому праву. Тогда по всему Российскому государству размножилась нечестивая Литва и многий вред и разорение народу российскому на Москве и по городам творила. И от этого литовского разорения многие люди дома свои оставляли и из города в город переходили.

В это время в городе Великом Устюге был некто из жителей города того, по имени Фома, по прозвищу Грудцын-Усов. Род его и поныне в городе том продолжается. И вот этот Фома Грудцын, видя в России большое неустройство и нестерпимые беды от нечестивых ляхов и не захотев жить там, оставляет великий город Устюг и дом свой и переселяется с женою своею в понизовый царственный город Казань, затем что не было в понизовых городах нечестивой Литвы. И жил тот купец Фома с женою в городе Казани вплоть до царствования благочестивого и великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Руси самодержца.

Был у того купца единственный сын, по имени Савва, 12 лет от роду. Имел тот Фома обыкновение заниматься торговлею, совершая путь вниз по Волге-реке то к Соли Камской, то в город Астрахань, а иной раз отъезжал он по торговым делам и за Хвалынское море, во владения шаха[2]. К этому он и сына своего Савву приучал, наставляя его прилежно заниматься торговым делом, чтобы мог сын по смерти родителя стать наследником имущества его.

Некоторое же время спустя захотел купец Фома отплыть для торговли во владения шаха и снарядил струги[3] с товарами, как положено, к плаванию. А сыну своему приказывает он, снарядив суда с надлежащими товарами, плыть к Соли Камской и там заниматься купеческим делом со всяким старанием. И вот, облобызав по обычаю жену и сына своего, отправляется он в путь, а помедлив несколько дней, и сын его Савва на снаряженных судах по повелению отца своего отправляется в плавание к Соли Камской.

И как достиг Савва усольского города Орла, тотчас пристает он к берегу и по наказу своего отца останавливается в гостинице у некоего известного человека. Хозяин же гостиницы с женой своей, памятуя любовь и милость отца Саввы, немало заботились о нем и опекали его, словно своего сына. И пробыл он в гостинице немалое время.

В том же городе Орле проживал некий гражданин, по имени и прозвищу Бажен Второй, уже престарелый годами и известный

по многим городам добродетельной жизнью своей. Был он очень богат и давно знаком и дружен с Саввиным отцом, Фомой Грудцыным. Узнал Бажен Второй, что сын Фомы Грудцына из Казани в их городе находится, и подумал: «Отец со мною в любви и дружбе был, а ныне я пренебрег сыном его. Возьму же я его в дом свой, и пусть он живет у меня и питается вместе со мной от стола моего».

И по задуманному, встретив Савву однажды на улице, подозвал его и говорит: «Друг мой Савва, разве ты не знаешь, что отец твой со мною в любви и дружбе был? Зачем же пренебрегаешь ты мною и не остановился в доме моем? Хоть ныне меня послушайся: приди и живи в дому моем, и будем питаться мы за общим столом. Я ведь за любовь отца твоего приму тебя все равно как сына». Савва, услышав такие его речи, сильно обрадовался, что такой известный человек хочет принять его, и низкий поклон отдал ему. Немедля переходит он из гостиницы в дом Бажена Второго и живет там во всяческом благоденствии, радуясь.

Тот Бажен Второй уже стариком женился в третий раз на молодой девице. И вот супостат-дьявол, ненавидящий благо рода человеческого, видя добродетельную жизнь того мужа и желая внести смуту в дом его, соблазняет жену старика на грех любовный с юношей. И непрестанно побуждала она юношу обманчивыми речами к падению. Знает ведь женская природа, как вести умы молодых к любодеянию. И, захваченный обманчивою лаской женщины той, а подлинно сказать — завистью дьявола, попал Савва в сеть прелюбодеяния с этой женщиной. Ненасытно предавался он с нею этому скверному делу, не соблюдая ни воскресных дней, ни праздников, позабыв страх божий и про час свой смертный. Валялся в греховных нечистотах он, подобно свинье, и пребывал, подобно скоту, в ненасытной этой страсти долгое время.

И вот наступил праздник вознесения господа бога нашего Иисуса Христа. В канун праздника взял Бажен Второй с собою юношу Савву и пошли они в святую церковь к вечерне. И по окончании вечерни возвратились в дом свой и после обычного ужина улеглись каждый на постели своей возблагодарив бога. И едва лишь добродетельный муж Бажен Второй крепко заснул, жена его, подстрекаемая дьяволом, поднялась тайно со своего ложа и, подойдя к постели юноши, разбудила его, побуждая к скверне греха любовного. А его, хотя и молод он был, словно стрелою какой пронзил божий страх. Испугавшись суда божия, подумал он: «Как мне в такой божественный день подобное скверное дело совершать?» И, подумав так, стал с клятвою отступаться от нее, заклиная ее: «Не хочу я вконец погубить душу свою и в такой-то великий праздник осквернить тело свое». А она, еще больше распалившись ненасытной похотью, все сильнее понуждала его, и ласками, и угрозами, чтобы исполнил он желание ее. Но много потрудившись в уговорах, не могла она склонить его к желанию своему, ибо божественная некая сила помогала ему. И, убедив-

шись в том, что не может привлечь к себе юношу, внезапно воспылала лукавая жена к юноше страшной яростью. Как лютая змея, застонав, отошла она от кровати его и стала думать, как бы волшебными зельями опоить его, и желала немедля совершить это злое свое намерение. И как задумала, так и сделала.

Когда же начали звонить к утрене, богобоязненый тот муж Бажен Второй, спешно поднявшись с кровати, разбудил юношу Савву, и пошли они к утрене славить бога. И, отстояв со вниманием и страхом божиим утреню, вернулись в дом свой. Когда же наступило время божественной литургии[1], пошли они вновь с радостью в святую церковь славить бога. А проклятая жена тщательно приготовила волшебное зелье для юноши, желая, словно змея, излить на него яд свой! По окончании божественной литургии, когда Бажен Второй и Савва, выйдя из церкви, направлялись в дом свой, воевода города пригласил Бажена Второго отобедать с ним. Спросил воевода и о юноше, чей он сын и откуда. Тогда воевода приглашает и юношу в дом свой, ибо хорошо знал отца его. И побыв в дому воеводы, угостившись по обычаю за общим столом, вернулись они с радостью в дом свой.

Придя домой, приказал Бажен Второй принести немного вина, чтобы выпить среди домашних своих в честь господнего праздника. И не знал он ничего о лукавом умысле жены своей; а она, словно злая ехидна, скрывает злобу в сердце своем и обращается с ласкою к юноше. Как принесли вино, тотчас наливает она чашу и подносит мужу своему. Он выпил, возблагодарив бога. Потом, наливши опять, сама выпила. И тотчас же наливает она приготовленное с отравою зелье и подносит юноше Савве. А он, ничего не зная о злом умысле, не боясь лукавства той жены, выпивает лютое зелье без размышления. И вот словно огонь загорелся в сердце его, и подумал он про себя: «Много было различных вин в доме отца моего, а никогда не пивал я такого питья, как теперь». И после того питья начал он тужить сердцем и скорбеть по жене. А она, словно львица лютая, с яростью смотрела на него, и неприветлив был взор ее. И сокрушаясь, тужил о ней сердцем. А она стала перед мужем своим клеветать на юношу, говорить нехорошие о нем слова и приказывает выгнать его из дому. Добродетельный муж, хотя и жалел сердечно юношу, однако, поверив женскому обману, приказывает юноше уйти из дому своего, сославшись на некую причину. И с великим сожалением и печалью на сердце ушел юноша из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене.

И пришел он опять в гостиницу, где раньше проживал. А хозяин спрашивает его, по какой причине ушел из дому Бажена. И сказал Савва, что сам не захотел жить у него: «Потому голодно было». А сердцем все скорбел и тужил он по жене той неутешно. И стал он сохнуть от великой печали, и увядала красота лица его. А хозяин видел, что юноша нездоров и печален, но недоумевал, с чего это сталось.

Был в том городе волхв, который чарами волшебства своего угадывал, с кем какая беда случится и кому жить или умереть. Благоразумный хозяин гостиницы с женою своей, немало заботясь о юноше, призвали тайно волхва, желая узнать от него, что за болезнь у юноши. Пришел волхв и, посмотрев в волшебные свои книги, сказал им истину, что никакой болезни у юноши нет, только тужит он по жене Бажена Второго, ибо был с ней в грехе, а теперь, в разлуке с нею от печали по ней сокрушается. Хозяин с женой, услышав это от волхва, не поверили и не придали тому значения, ибо был Бажен Второй человеком благочестивым и боявшимся бога. А Савва все тужил и скорбел о проклятой той женщине и день ото дня телом худел с той печали, будто бы какой тяжелой болезнью болел.

Однажды вышел Савва за город на поле прогуляться от большого уныния и скорби. Шел он один по полю и никого не видел ни перед собою, ни сзади себя. И ни о чем другом не думал он, как только о печали своей от разлуки с женою Бажена. И явилась в уме злая мысль: «Если бы кто-нибудь из людей или сам дьявол сделал так, чтобы сойтись мне опять с женою той, послужил бы я дьяволу». Так подумал он, идучи один, словно в исступлении ума. И, немного пройдя еще, услышал за собою голос, называющий его по имени. Обернувшись, видит он за собою юношу в богатой одежде. Быстро идет тот, машет рукой, просит обождать его. Остановился Савва, поджидая к себе того юношу. И подошел к Савве юноша этот, а подлинно сказать — супостат-дьявол, что постоянно рыщет, ища погибели человеческой. И когда подошел он к Савве, поклонились они друг другу по обычаю. И сказал подошедший Савве: «Брат Савва! Что ты, словно чужой, бегаешь от меня? Я уж давно ждал тебя к себе, ждал, что придешь ко мне и будем мы жить с тобою по-родственному. Я давно уже знаю о тебе, что ты из роду Грудцыных-Усовых из города Казани. А если хочешь знать, и я из того же рода, из города Великого Устюга. Давно проживаю здесь для покупки коней. И уж раз по рождению братья мы с тобою, то будь ты мне брат и друг и не отлучайся от меня, а я во всем буду рад помочь тебе». И, услышав от мнимого брата, а подлинно сказать — от беса, таковые речи, очень Савва обрадовался, что в такой дальней незнакомой стороне нашел себе сродника. И крепко целовались они, а затем пошли вместе по пустынному полю тому.

И говорит бес Савве: «Брат Савва! Какая в тебе болезнь, что так совсем исчезла юношеская красота твоя?» И Савва, лукавя всячески, начал рассказывать ему о том, что приключилась ему некая тяжелая болезнь. Бес же, усмехнувшись, сказал ему: «Да что ты скрываешь от меня? Ведь я знаю болезнь твою. Но что дашь ты мне, если я помогу болезни твоей?» И сказал Савва: «Если ты действительно знаешь истинную болезнь, что ношу я в себе, тогда поверю тебе, что можешь помочь мне». Бес же говорит ему: «Ты сокрушаешься сердцем своим по жене Бажена Второго, затем что лишен любви ее. Но что мне дашь, если я опять сведу

тебя с нею и будет она любить тебя?» И сказал Савва: «Я тогда весь товар и имущество отца моего, что здесь со мною, все отдам тебе вместе с прибылью. Только сделай так, чтобы по-прежнему мне быть с той женщиной». Бес, рассмеявшись тут, говорит ему: «Зачем ты искушаешь меня? Я знаю, что у отца твоего действительно много богатств; но знаешь ли ты, что мой отец в семь раз богаче отца твоего. И что мне в твоем товаре? Но дай мне на себя грамоту некую небольшую, и я тогда исполню желание твое». Юноша обрадовался, подумав: «Богатство отца моего будет цело; а я дам ему грамоту, все, что прикажет написать». А не знал он, в какую беду себя повергает. Ведь он еще по-настоящему ни писать не умел, ни склады разбирать. О безумство юноши! Как опутан он обманом женским и ради того к какой идет погибели! И когда бес произнес обращенные к юноше речи, тот с радостью обещался дать грамоту. Мнимый же брат, а подлинно сказать — бес, быстро вынув из кармана чернила и бумагу, подает их юноше и приказывает ему немедленно написать грамоту. А юноша Савва, еще не умевший писать как следует, стал писать за бесом несмысленно, и этою грамотой отрекся он от Христа, истинного бога, и предал себя в услужение дьяволу. Написав же эту богоотступную грамоту, отдает ее дьяволу, мнимому своему брату. И затем пошли они вместе в город Орел.

И спросил Савва беса: «Скажи мне, брат мой, где ты живешь, чтобы знал я твой дом». Бес рассмеялся и говорит ему: «А особого дома нет у меня; где случится, там и ночую. Если же хочешь видеться со мною почаще, то ищи меня всегда на конной площади. Я ведь, как и сказал тебе, проживаю здесь для покупки коней. Но я и сам не поленюсь посещать тебя. Ныне же иди к лавке Бажена Второго; знаю, что с радостью вновь призовет он тебя в дом свой жить».

Обрадованный, поспешил Савва по совету брата своего, дьявола, к лавке Бажена Второго. И как увидел Бажен Савву, начал усердно приглашать его к себе, говоря: «Господин Савва, какое зло сотворил я тебе, и зачем ушел ты из дому моего? Прошу тебя, приди теперь опять жить в дому моем. Я же за любовь отца твоего сердечно рад тебе, будто собственному своему сыну». И Савва, лишь услышал от Бажена такие слова, исполнился радостью несказанною и пошел скорее в дом Бажена Второго. Когда пришел юноша, жена Бажена, видя его, подстрекаемая дьяволом, радостно встречает его, и приветствует ласково, и целует его. И пойманный женскою лестью, а дьяволом прежде всего, вновь попадает юноша в греховные сети с проклятою женщиной той, и опять не помнит он ни праздников, ни воскресных дней, не имеет страха божия, ибо, ненасытный, постоянно с ней в нечистотах греха, словно свинья, валялся он.

Многое время спустя дошел вдруг слух до матери Саввы в знаменитый город Казань, что сын ее живет непотребно и непорядочно и все, что было с ним из отцовских товаров, истощил он в разврате и пьянстве. Мать его, слышавши то о сыне своем,

сильно огорчилась и пишет к нему письмо, чтобы возвратился он оттуда в город Казань, в дом отца своего. И когда пришло к нему письмо, посмеялся он, прочитавши его, и не внял ему. А она опять посылает к нему и второе, и третье письмо, и с мольбой его просит, и клятвами заклинает, дабы немедленно ехал оттуда в город Казань. Савва же не послушал нимало материнской просьбы и клятв, не придал значения им, только по-прежнему предавался страсти блудной.

Некоторое же время спустя взял бес Савву с собою, и пошли они опять за город Орел в поле. И как вышли они из города, говорит бес Савве: «Брат Савва, знаешь ли, кто я? Ты, верно, полагаешь, что я из Грудцыных. Но это не так. Ныне скажу я тебе за любовь твою всю правду. А ты не пугайся и не стыдись звать меня братом своим. Я ведь истинно братски полюбил тебя. Если же хочешь знать: я царский сын. Впрочем, пойдем, и покажу я тебе славу и богатства отца моего». И, говоря так, привел он его в пустынное место на некий холм и показал ему оттуда в долине город великолепный — стены, и кровли, и мостовые все из золота чистого блистают. И сказал ему: «Город тот — творение отца моего! Идем же и поклонимся вместе отцу моему. А грамоту, что дал ты, ныне возьми у меня и сам вручи ее отцу моему. И великой честью будешь за то почтен от него». Сказав так, отдает бес Савве богоотступную его грамоту. О безумство отрока! Не знает он того, что нет никакого царства поблизости от Московского государства, но все те места во власти царей московских. Если бы положил тогда он на себя крестное знамение, все бы те мечты дьявольские, как тени, исчезли!

И пошли они к привидевшемуся городу тому. Когда же приблизились к городским воротам, встречают их юноши, обличием темные, в одеждах златотканых и с золотыми поясами, и кланяются, честь воздавая сыну царскому, а подлинно сказать — бесу, также и Савве кланяются. Когда же вошли они на царский двор, снова встречают их иные юноши, в одеждах, блистающих еще более, и также кланяются им. А как вошли в палаты царские, тотчас встречают их другие юноши, один другого достоинством и одеждами превосходнее, и воздают они достойную честь сыну царскому и Савве. И, войдя в палату, бес говорит: «Брат Савва, подожди меня немного здесь. Я же пойду, возвещу о тебе отцу моему и введу тебя к нему. Когда же будешь перед ним, не размышляя и не боясь ничего, подай ему грамоту свою». И, сказав так, пошел он во внутренние палаты, оставив Савву одного. Пробыв там недолго, выходит он к Савве и, взяв за руку, вводит его пред лицо князя тьмы.

Сидит тот на престоле высоком, камнями драгоценными и золотом изукрашенном. И весь блистает он славой великой и одеянием своим. Вокруг же престола его видит Савва множество стоящих юношей крылатых. И одни из них лицом сини, другие багряны, иные ж черны, как смола. Представ пред царем, Савва пал на колени и поклонился ему. И спросил его царь: «Откуда

пришел ты сюда, и что у тебя за дело?» И безумный тот юноша подносит ему свою грамоту богоотступную, говоря: «Пришел я, великий царь, чтобы послужить тебе». Древний же змий-сатана, взяв грамоту, прочитал ее и, оглянув темноликих воинов своих, произнес: «Хотя и приму я этого юношу, но не знаю, предан ли будет мне или нет». И, подозвав сына своего, мнимого брата Саввы, сказал ему: «Иди в другие палаты и отобедай там с братом своим». И вот, поклонившись царю, вышли в прежнюю палату и стали обедать. И столь несказанные благоуханные яства и напитки приносили им, что дивился Савва, говоря: «Никогда в дому отца моего таких яств я не знал и вин не пил».

По насыщении же взял бес Савву за руку, и пошли они со двора царского. И когда вышли они из города, спрашивает Савва брата своего, беса: «Что это, брат мой, за юноши крылатые, стоявшие вкруг престола его?» А бес, улыбаясь, отвечает ему: «Разве не знаешь ты, что разные народы служат отцу моему: и индийцы, и персы, и другие многие? Не удивляйся ж этому и, не сомневаясь, зови меня братом своим: и буду я тебе меньший брат. Только одно скажу тебе: во всем будь послушен мне; я же всякое благодеяние рад устроить тебе». И обещался Савва во всем быть послушным ему. Договорившись так, пришли они назад, в город Орел. И, оставивши Савву, бес удаляется. А Савва вернулся в дом Бажена и совершал прежнее свое скверное дело.

В то же время возвратился в город Казань из Персии с большою прибылью отец Саввы Фома Грудцын и, как подобает, по обычаю облобызав жену свою, спрашивает ее о сыне своем, жив ли он. И она сообщает ему: «От многих слышу о нем. По отбытии твоем в Персию отправился он к Соли Камской, а оттуда в город Орел. Там и доныне живет он жизнью непотребною. Все богатство наше, говорят, истощил в пьянстве и разврате. Много я писала ему о том, чтобы возвратился оттуда в дом наш, а он никакого ответа не дал мне. И поныне там пребывает. А жив он иль нет, о том не ведаю». Фома, услышав такие речи от жены своей, сильно смутился духом и тотчас написал послание к Савве, всячески умоляя его ехать оттуда без всякого промедления в город Казань: «Чтоб мог я увидеть,— писал,— красоту лица твоего, чадо мое, затем что давно не видал уж тебя». Савва, получив и прочтя то послание, не внял просьбам и не подумал ехать к отцу своему, но, как и прежде, пребывал в ненасытном разврате. И Фома, видя, что нет успеха от письма его, приказывает немедля готовить струги с надлежащим товаром и в путь отправляется к Соли Камской. «Сам,— говорит,— отыщу и верну своего сына в дом свой». А бес, когда узнал, что отец Саввы путь предпринял к Соли Камской, чтобы Савву взять в Казань, говорит Савве: «Брат Савва, до коих пор нам здесь, в одном невеликом городе жить? Поедем мы с тобой в другие города, погуляем, а после сюда возвратимся». Савва в том не перечил, только сказал ему: «Ладно говоришь, брат, поедем; но подожди немного, я возьму из

казны моей несколько денег на дорогу». А бес ему воспрещает: «Разве не видел ты славы отца моего и не знаешь, что везде есть селения его. Куда ни приедем, везде будет денег у нас, сколько надобно». И вот поехали они из города Орла, и никто не знал, ни сам Бажен Второй, ни жена его, об отъезде Саввы.

Оказались бес и Савва за одну ночь на реке Волге, в городе Козьмодемьянске, что на расстоянии более 2000 поприщ от Соли Камской. И говорит бес Савве: «Если кто тебя знающий увидит здесь и спросит, откуда прибыл ты, говори: „Из Соли Камской за три недели добрался сюда“». И Савва, как бес наказал, так и сказывал. Пробыли они в Козьмодемьянске несколько дней.

И вдруг снова бес, взяв Савву, за одну ночь оказался с ним из Козьмодемьянска на реке Оке, в селе Павловом Перевозе. Прибыли они туда в четверг, а в этот день в селе бывает торг. И когда ходили они по торгу, увидел Савва некоего престарелого нищего. Стоит он, одетый в скверное рубище, смотрит на Савву пристально и плачет. Савва же отлучился немного от беса и приблизился к старцу, желая узнать о причине слез его. И, подойдя, сказал старцу: «Какая печаль, отец, у тебя, что неутешно так плачешь?» А тот нищий святой старец ему отвечает: «Плачу, чадо, о погибели души твоей, ибо не ведаешь, что погубил ты душу свою и добровольно предал себя дьяволу. Знаешь ли, чадо, с кем ныне ходишь и кого братом своим называешь? То не человек, а дьявол ходит с тобою и ведет тебя к пропасти адской». Когда произнес старец такие слова, оглянулся Савва на мнимого брата своего, подлинно же сказать — на беса. А тот стоит вдалеке и грозится Савве, зубами своими скрежещет. И, поспешно покинув святого старца, вернулся вновь юноша к бесу. Дьявол же стал поносить его, говоря: «Зачем ты с этим злым душегубцем беседовал? Не знаешь разве, что лукавый старик многих так губит? Видит он на тебе одежду богатую и хочет тебя увести от людей обманными речами, задушить тебя и обобрать платье твое. Но не оставлю более тебя одного, не то быстро погибнешь без меня». И, сказавши так, с гневом уводит он Савву оттуда и направляется с ним в город Шую. Там пробыли они некоторое время.

А Фома Грудцын-Усов, прибыв в город Орел, спрашивает о сыне своем, и никто не может ему о том сказать. Все видели, как до приезда сын его ходил по городу, а куда внезапно он скрылся, никто не знает. Некоторые говорили Фоме: «Испугался приезда твоего, потому истощил он здесь богатство твое, затем и скрылся». Более же всех Бажен Второй с женою своей удивлялись, говоря: «Ночью спал у нас, утром пошел куда-то. Ждали мы его обедать, а он с той поры нигде не появлялся в нашем городе. И куда скрылся он, того ни я, ни жена моя не ведаем». И Фома, обливаясь горькими слезами, жил здесь, ожидая сына своего. И, в тщетной надежде немало прождав его, вернулся в дом свой. Известил он о нерадостном случае жену свою, и вместе тосковали и печалились они о лишении единственного сына своего.

С такой печали Фома Грудцын, прожив еще некоторое время, к богу отошел. И осталась жена его вдовою.

А бес с Саввою жили в городе Шуе. В то время благочестивый великий государь, царь и великий князь всея Руси Михаил Феодорович изволил послать войско свое против короля польского под город Смоленск. И по его царскому указу по всей России набирали солдат-новобранцев. В город Шую для солдатского набора прислан был из Москвы стольник Тимофей Воронцов и учил там солдат-новобранцев ежедневно воинскому артикулу. И ходили бес с Саввой смотреть на их учения. Говорит Савве бес: «Брат Савва! Хочешь ли ты послужить царю? Запишемся и мы в солдаты?» А Савва отвечает: «Ладно говоришь, брат, послужим». Так записались они в солдаты и начали вместе ходить на ученье. И бес в воинском искусстве такую премудрость даровал Савве, что он стал превосходить в том и старых воинов и начальников. Сам же бес, как слуга Саввы, ходил за ним и носил оружие его.

Когда же привели солдат-новобранцев из Шуи к Москве и отдали их в учение некоему немецкому полковнику, тот полковник, придя посмотреть новобранцев-солдат на учении, тотчас заметил юношу, который, несмотря на свои молодые годы, в науке воинской весьма изрядные познания имеет, никаких ошибок во всем артикуле не делает и многих старых воинов и начальников в том превосходит. Удивился тут полковник острому уму его и, призвав к себе, спросил, кто он по рождению. Сказал Савва ему всю правду. Полковнику сильно полюбился Савва, назвал полковник его сыном своим, дал ему с головы своей шляпу с драгоценными камнями и поручает ему три роты солдат-новобранцев, чтобы вместо него выстраивал их Савва и обучал. Бес же тайно шепчет Савве: «Брат Савва! Если будет у тебя недостаток в деньгах, чем ратных людей жаловать, скажи мне и я принесу тебе, сколько надобно, чтобы в команде твоей ропота и жалоб на тебя не было». Таким образом, все солдаты у Саввы в постоянной тишине и покое пребывали; а в прочих ротах разговоры и возмущение постоянно бывали, ибо с голода и от наготы гибли там солдаты, жалованья не получая. У Саввы же пребывали солдаты в полном довольстве, и дивились все уму его.

После же некоего случая дошло известие о нем и до самого царя. В то время немалую власть на Москве имел шурин царский, боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Узнавши про Савву, приказывает он привести Савву к себе.

И когда тот пришел, сказал боярин ему: «Хочешь ли, юноша, чтобы принял я тебя в дом мой, и тем окажу тебе честь немалую?» А тот поклонился и отвечал: «Есть, государь мой, брат у меня: спрошу его. Если повелит он мне, то с радостью буду служить тебе». Боярин не стал тому противиться, отпустив его, чтобы мог спроситься у брата своего. Савва же, возвратясь, поведал о том мнимому брату своему, бесу. И ответил ему бес с яростью: «Зачем ты хочешь пренебречь царской милостью и служить холопу его? Ты и сам ныне в том же ряду стоишь, ибо самому уже

царю стал известен. Нет, не быть тому; но послужим прямо царю. И когда царь узнает верную службу твою, тогда и в чине возвысит он тебя».

По царскому же повелению все солдаты-новобранцы розданы были по стрелецким полкам в пополнение. А Савва поставлен был на Сретенке, в Земляном городе, в Зиминoм приказе, в доме стрелецкого сотника, по имени Яков Шилов. И сотник со своей женой, люди благочестивые и благонравные, видя способности Саввы, весьма почитали его. А полки на Москве были уже в полной к походу готовности.

В один из дней пришел бес к Савве и сказал ему: «Брат Савва! Пойдем прежде полков в Смоленск; посмотрим, что делают поляки, как укрепляют они город и боевое снаряжение устраивают». И за одну ночь оказались они из Москвы в Смоленске и пробыли в нем три дня и три ночи, никем не видимы. Сами же они все видели, наблюдая, как поляки город укрепляют и к местам приступа разные гранаты доставляют. А на четвертый день бес объявил себя и Савву полякам в Смоленске. Поляки, увидав их, сильно заволновались и погнались за ними, стремясь изловить их. Бес же с Саввой, быстро выбежав из города, прибежали к реке Днепру, и расступилась мгновенно перед ними вода. И перешли они реку, словно по суху. А поляки, хотя и сильно стреляли по ним, но никакого вреда не причинили им. И, дивясь, говорили они: «То бесы в образе человеческом приходили в город наш». А Савва и бес пришли назад в Москву и остановились у того же сотника Якова Шилова.

Когда же по указу государеву пришли полки от Москвы под Смоленск, тогда и Савва с братом своим пошли в полках; во главе ж всех полков был тогда боярин Федор Иванович Шеин. И в пути сказал Савве бес: «Брат Савва! Когда будем под Смоленском, выедет тогда от поляков из города исполин на поединок и станет вызывать себе противника; ты не бойся ничего, выйди против него. Знаю я и говорю тебе, что ты сразишь его. А на другой день снова от поляков выедет другой исполин на поединок, ты выйди опять и против того. Знаю, что и того поразишь. И на третий день выедет из Смоленска третий воин; ты же не бойся ничего, выходи и против него — и его сразишь. Однако и сам будешь ты ранен им; но я рану твою быстро излечу». Так наставлял его бес. И пришли они под Смоленск и стали в удобном месте.

И, по слову бесовскому, выслан был из города некий воин вида страшного. Ездил он на коне, искал из московских полков противника себе. Но никто не осмеливался выйти против него. Тогда объявляется Савва перед полками и говорит: «Если б был у меня добрый конь, я бы вышел на бой против неприятеля этого царского». И друзья его, услыхав такие слова, немедля известили о том боярина. И боярин приказал привести Савву к себе и велел ему дать коня отличного и оружие. А сам думал, что вскоре юноша найдет погибель от такого страшного исполина. И Савва, по

слову брата своего, беса, ничуть не размышляя и не боясь, выезжает против польского богатыря и, стремительно поразив его, вскоре приводит его с конем в полки московские. И восхваляли все Савву. А бес ездил за ним, услужал ему и носил оружие его. На второй день опять из Смоленска выезжает известный воин в поисках противника себе из войска московского. Снова выезжает против него тот же Савва и поражает его. И дивились все храбрости его. А боярин разгневался на Савву, но скрывал злобу в сердце своем. А на третий день еще выезжает из города Смоленска некий воин, славнее первых, также ищет и вызывает себе противника, а Савва же, хотя и боялся ехать против этого страшного воина, однако, по слову бесовскому, немедленно выезжает и против него. И, внезапно напав на Савву со всей яростью, ранил поляк его в левое бедро. Но Савва, оправившись, нападает на поляка и убивает его. И притащил он поляка вместе с конем в стан свой, чем немалый позор навлек на смолян[5], а все российское воинство в удивление привел. Потом поляки стали из города делать вылазки. И войско с войском, сойдясь, стали биться врукопашную. А где Савва с братом своим сражались, на той стороне поляки бежали от них без оглядки, тыл показывая. Так бесчисленное множество поляков поражали они, а сами оставались невредимыми от них.

Боярин, слыша о храбрости юноши, уже не мог скрыть тайного гнева в сердце своем. И вот немедля призывает он Савву в свой шатер и говорит ему: «Скажи мне, юноша, какого ты рода и чей ты сын?» И Савва сказал ему, что он из Казани, Фомы Грудцына-Усова сын. И начал боярин поносить его всякими нехорошими словами, говоря ему: «Какая нужда заставляет тебя смерти искать? Знаю я, что отец и сродники твои богатство имеют бесчисленное. Из-за какого же гонения или оскудения пришел ты сюда, оставив родителей своих? Однако скажу тебе: не задерживайся здесь, но иди в дом родителей своих и там, благоденствуя, пребывай с родителями своими. А если меня не послушаешь и услышу, что здесь останешься ты, то без всякого милосердия погибнешь здесь, ибо прикажу отсечь тебе голову». Сказал так боярин юноше и в ярости удалился. А юноша в большой печали ушел из шатра.

Как отошли они от шатра, сказал Савве бес: «Что ж ты так печалишься? Если не угодна оказалась здесь служба наша, то возвратимся в Москву и останемся там». И вскоре вернулись они из Смоленска в Москву и остановились снова в доме сотника Якова Шилова. И бес, пребывая днем вместе с Саввой, на ночь уходил от него в свои адские жилища, где спокон века имеют обыкновение пребывать окаянные. И по прошествии немалого времени вдруг разболелся Савва. Тяжка была болезнь его, и был он почти при смерти. А благоразумная и богобоязненная жена сотника всячески опекала Савву и заботилась о нем. Не раз уговаривала она Савву, чтобы велел он позвать иерея[6], исповедал грехи свои и причастился святых тайн. «Вдруг,— говорит,— от

такой тяжкой болезни без покаяния умрет». А Савва все отказывается: «Хотя,— говорит,— и тяжко болею, но не смертельна болезнь моя». Но день ото дня становилась тяжелее его болезнь. А та женщина неотступно продолжала упрашивать Савву покаяться: «Избежишь тем,— говорит,— смерти».

И вот, убежденный богобоязненной женщиной, Савва приказывает позвать к себе иерея. Жена сотника, не откладывая, посылает в храм святого Николая, что в Грачах, и велит позвать священника из той церкви. Священник же без промедления прибыл к больному. Был иерей тот в летах престарелых, муж весьма искусный и богобоязненный. Придя к больному, начал он произносить молитвы покаянные, как то положено.

И когда все люди вышли из горницы и священник начал исповедь больного, внезапно видит больной, как в горницу вошла целая толпа бесов. Мнимый брат его, а подлинно сказать — бес, пришел с ними уже не в человеческом образе, а в природном своем, зверовидном. Стоя позади толпы бесов, смотрел он с великою яростью и скрежетал зубами, показывая Савве богоотступную грамоту, которую дал ему Савва близ Соли Камской. И говорит больному бес: «Видишь ли, клятвопреступник, что это такое? Не ты ли это писал? Иль ты полагаешь, что покаянием освободишься от нас? Нет, не надейся на то; я ведь ринусь на тебя со всею своею силою!» И много иных непотребных речей говорили бесы. А больной, видя все то воочию, то ужасался, то надеялся на силу божию и обо всем в подробностях исповедовался иерею. Священник же, хотя и был муж святой, однако испугался, затем что не видно было в горнице никого, кроме больного, но слышен был шум великий от того бесовского сборища. С великим трудом исповедал он больного и удалился в дом свой, никому ни о чем не сказав.

После же исповеди напал на Савву нечистый дух и начал немилосердно мучить его. То бил его об стену, то сбрасывал с постели на пол, то давил его с храпом и пеною и иными муками истязал его. А названный богобоязненный муж, сотник, с благонравной женой своей, видя такое внезапное нападание дьявола на юношу и невыносимые мучения его, глубоко о нем сожалели и испускали вздохи от глубины сердца своего, но не могли никакой помощи ему подать. А бес нападал на больного день от дня жесточе, мучил его и на всех тут находившихся большой страх наводил.

Наконец, хозяин дома того, наблюдая такое необычное с юношей происшествие и особливо зная, что юноша был известен самому царю своею храбростью, стал думать с женой своей, как бы известить о том царя. Была у них одна родственница, находившаяся в доме царском. И, подумав о том, посылает сотник немедленно жену свою к этой родственнице, прося ее обо всем подробно известить, чтобы родственница донесла обо всем немедля царю. «А вдруг,— говорит,— умрет юноша от такого бедственного случая, а с нас взыщет царь за неизвещение».

И жена его безо всякого промедления поспешила к родственнице своей и рассказала ей, что наказывал муж, все по порядку. Родственница, услыхав такие речи, умилилась в душе, соболезнуя юноше, но еще более опасаясь за своих родичей, чтобы и вправду не было им беды от такого случая. И, без промедления направившись из дома своего в царские палаты, извещает она о том ближних советников царских. А вскорости доходит о том известие и до самого царя.

И царь, как услышал о юноше такие вести, изливает милосердие свое на него, приказывая ближайшим своим советникам в час повседневной смены караулов посылать в дом сотника, где лежит больной юноша, по два караульных. «Пусть смотрят,— сказал,— с прилежанием за юношей, чтоб не ввергнулся он, обезумев от бесовского мучения, в огонь или в воду». А сам он, благочестивый царь, посылал к больному пищу на всякий день. А как поправится больной, повелевает известить себя. И так все и было. И немалое время пробыл больной в таком бесовском томлении.

А в первый день июля месяца был юноша необычно бесом измучен. И вот, заснув немного после мучений, начал он во сне говорить, как наяву, источая слезы из-под закрытых век своих, и сказал следующее: «О всемилостивейшая государыня царица богородица, помилуй, владычица! Не солгу, владычица всех, не солгу, но исполню, как обещался тебе». А домашние и снабжающие его воины, слыша такие больного слова, удивившись, сказали: «Некое видение он видит!»

И лишь воспрянул больной от сна, приступил к нему сотник с вопросами: «Поведай мне, господин Савва, зачем произнес со слезами во сне такие слова и к кому?» И снова потекли слезы по лицу его. «Видел я,— говорит,— что подошла к ложу моему жена светозарная, вся сияющая в лучах, в ризе багряной. А с нею два мужа, покрытые сединами, один в архиерейской одежде, а другой в апостольском одеянии. И думаю я, что была та жена не кто иная, как пресвятая богородица, а из мужей один — наперсник господень апостол Иоанн Богослов, а второй — неусыпный страж града нашего Москвы, славнейший из иерархов архиерей божий Петр-митрополит. Изображения же их на иконах я хорошо знаю. И сказала мне светозарная та жена: „Что с тобой, Савва, и о чем ты так скорбишь?" А я сказал ей: „Скорблю, владычица, что прогневил сына твоего и бога моего и тебя, заступницу рода христианского, и за то люто мучит меня бес!" И она с улыбкой сказала мне: „Что же помышляешь ныне? Как избыть тебе эту скорбь и как тебе выручить рукопись свою из ада?" А я ей сказал: „Не могу, владычица, разве лишь помощью сына твоего и твоей всесильною милостью!" Она же сказала мне: „Уж упрошу я за тебя сына своего и бога; только одно слово мое исполни. Ежели избавлю тебя от беды твоей, станешь ли иноком?" И я те клятвенные слова, что вы слышали, произнес ей во сне. А она вновь сказала мне: „Слышишь, Савва: как придет праздник явления образа моего, что в Казани, явись во храм мой, что на площади

у Ветошного ряда. И я пред всем народом чудо явлю на тебе". И сказав мне это, стала невидима».

Сотник и приставленные к Савве воины, слышавши произнесенное им, пришли в изумление. И стал сотник с женой своей размышлять, как бы известить о том видении самого царя. И надумали послать за родственницей своей, чтобы известила о том советников в царских палатах, а от них уж дойдет весть к самому царю. Пришла родственница в дом сотника, и рассказали они ей видение больного юноши. А она, услышав, тотчас возвращается к царским палатам, извещает ближних советников, которые немедленно доводят до слуха царя о бывшем Савве видении. А царь, как услышал о том, весьма удивился.

Когда же наступил на 8-й день июля праздник пресвятой богородицы Казанской, был крестный ход со святыми иконами и честными крестами из соборной церкви Успения пресвятой богородицы к церкви Казанской богородицы. На том крестном ходе был и сам великий государь царь и великий князь Михаил Федорович, были и святейший патриарх со всем священным собором и множество вельмож. И вот повелевает царь принести болящего Савву к той церкви. И тотчас по велению царскому принесли его, больного, на ковре к церкви Казанской богородицы и положили его вне церкви, в преддверии.

И едва начали совершать литургию, напал на Савву нечистый дух и стал злобно мучить его дьявол. И вскричал Савва не своим голосом: «Помоги мне, дева, помоги мне, царица небесная богородица».

А когда начали петь херувимскую песнь, внезапно загремел с неба голос, подобный грому: «Встань, Савва! И приди сюда, в храм мой!» И он встал с ковра, словно никогда не болел, прошел быстро в храм и пал перед образом пресвятой богородицы, молясь со слезами. И упала тогда сверху, из-под купола церковного, богоотступная та грамота, что дал Савва у Соли Камской дьяволу, совсем чистая, точно никогда на ней не было писано. И еще был голос, повторяющий: «Савва, вот рукописание, что ты написал. Исполни же заповедь мою и более не согрешай!» Он же поднялся, принял грамоту и воскликнул со слезами перед образом: «О преблагословенная матерь господня, заступница рода христианского и молельщица за нас перед сыном своим, а нашим богом! Прости мне содеянное и избавь меня от адской пропасти. Я же исполню обещанное мною!» И тогда царь, и патриарх, и все вельможи, бывшие здесь, слыша и видя столь славное чудо, возблагодарили бога и пречистую его матерь и весьма подивились такому божию милосердию, что избавил бог его от адской пропасти. По совершении же божественной литургии воздали хвалу господу и отслужили всем священным собором молебствие о явившемся перед всеми чудом.

Потом, проводив святые иконы и честные кресты до соборной церкви, пошел царь в свои царские палаты, радуясь несказанному чуду и благодаря бога. Также и Савва пошел в дом свой, к наз-

ванному сотнику Якову Шилову, здоровый, словно он и не болел никогда. И, видев это, сотник и жена его весьма удивились и благодарили бога за такое милосердие к роду христианскому.

Савва же, немного прожив еще у сотника и раздав все имущество, что было у него, по церквам и нищим, пошел сам в монастырь Чуда архистратига Михаила, что зовется Чудов монастырь, близ соборной и апостольской церкви честного и славного Успения пресвятой богородицы, постригся там в монашеский чин и стал жить в том монастыре, пребывая в трудах, в посте и молитвах неусыпных, угождая господу. И, прожив так довольно лет, отошел с миром к господу и был погребен в том монастыре.

[1] В 1606 г.
[2] В Персию (Иран).
[3] *струги* — речные суда, гребные и парусные.
[4] *литургия* — обедня, вид богослужения в христианской церкви.
[5] Речь идет о поляках, занимавших в это время Смоленск.
[6] *иерей* — священник.

«ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ»

«Повесть о Фроле Скобееве» («История о российском дворянине Фроле Скобееве») возникла, по-видимому, в самом конце XVII в. Отсутствие религиозной дидактики — одна из отличительных особенностей повести. Герой произведения Фрол Скобеев и не вспоминает о старозаветной морали отцов; плутни свои он совершает безнаказанно и в конце концов, благодаря своей хитрости и изворотливости, становится богатым человеком. Поступки героев в произведении не определяются вмешательством потусторонних сил, а являются следствием характера героя, его склонностей и той среды, в которой он живет. Значительное количество канцеляризмов, а также иностранных слов позволяет предполагать, что «Повесть» возникла в приказно-чиновничьей среде.

В Хрестоматии «Повесть о Фроле Скобееве» дается без перевода (см.: *Хрестоматия* по древней русской литературе/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973).

В 1680 году в Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев; в том же Новгородском уезде имелись вотчины столника[1] Нардина Нащекина; и в тех вотчинах имелась дочь его Аннушка и жила в них. И проведав Фрол Скобеев о той столничьей дочере и взяв себе намерение, чтоб вызыметь любление с тою Аннушкою; токмо не знает, чрез кого получить видеть ея; однако ж умыслил опознатца тои вотчины с прикащиком и стал всегда ездить в дом ево, прикащика. И по некоем времени случился быть Фрол Скобеев у того прикащика в доме, и в то же время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина Нащекина, и усмотря Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушке. И как пошла та мамка от прикащика к госпоже своей Аннушке, тогда, вышед за нею, Фрол Скобеев и подарил ту мамку двумя рублевиками и та мамка обявила ему: «господин Скобеев, не по моим заслугам такую милость казать изволиш! То уже конечно моей услуги к вам никакой не находитца!» И Фрол Скобеев отдал денги той мамке, ничего с ней не говорил, пошел от нея прочь, и мамка пришла к госпоже своей Аннушке, и

пришед, ничего не обявила. И Фрол Скобеев посидел у того приказщика и пошел в дом свой. И во время увеселительных вечеров, которые бывают в веселость девичеству, называемые святки, и та дочь столника Нардина Нащекина, называемая Аннушка, приказывала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которые вблизи их вотчин имеют жительства и у которых дворян имеютца дочери девицы, чтоб их просить к Аннушке на вечеринку для веселости. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ее прошению обещалися все быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра девица, и поехала мамка в дом Фрола Скобеева и просит сестру его в дом госпожи своей Аннушки на вечеринку, и та сестра его объявила мамке: «пожалуй, подожди маленко, я схожу к брату своему доложу: ежели он прикажет, то я вам с тем объявлю!» И как пришла сестра ко Фролу Скобееву и обявила ему, что «приехала мамка от столничьей дочери Аннушки и просит меня, чтобы я приехала к ней в дом на вечеринку». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «поди, скажи той мамке, что ты будешь не одна, но будеш некоторого дворянина з дочерью девицею». И та сестра ево о том весма думает, что брат ее повелел сказать; однакож не смела преслушать воли брата своего и сказала, что она будет к госпоже ее сей вечер с некоторою дворянскою дочерью. И та мамка поехала в дом госпожи своей Аннушке. И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «ну, сестра, пара тебе убиратца ехать в гости!» И та ево сестра стала убиратца девическим убором, и Фрол Скобеев сказал: «принеси, сестра, и мне девичей убор! уберусь и я, и поедем вместе с табою к Аннушке, к столничьей дочере!» И та сестра ево велми о том сокрушалась, понеже, ежели признают его, то «конечно будет в великой беде брат мой, а столник тот Нащекин в великой милости при царе!» Однакож не преслушала воли брата своего, принесла ему девичей убор, и Фрол Скобеев, убрався в девичье платье, и поехали с сестрою своею к столничьей дочере Аннушке. И как приехали, уже много собралось дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же, в девичьем платье, и никто его не может познать.

И стали все девицы веселитца разными играми и веселилиеь долгое время, и Фрол Скобеев с ними же веселится, и никто ево познать не может. И потом Фрол Скобеев пожелал иттить до нужника, и был он тут один, а мамка стояла в сенях со свечею; и как вышел Фрол Скобеев из нужника, и стал говорить мамке: «ах, моя свет-мамушка! много наших сестер здесь и твоей услуги ко всякой много, а ни которая, надеюсь, тебя не подарит!» И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, выняв денег 5 рублев, и подарил тою мамку. Мамка же с великим принуждением взяла те деньги. И Фрол Скобеев видит, что мамка его признать не может, и пал на колени ее и объявил ей, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девичьем уборе для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь; и как ус-

мотрела мамка, что он подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумени и не знает, что с ним делать: однакож, памятуя ево к себе два многия подарки и рече: «добро, господин Скобеев, за твою ко мне благосклонную милость готова чинить по воли твоей всякое вспоможение!» И пришла в покой, где девицы веселятся, и никому о том не обявила. И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «полнате, девицы, играть! я вам обявляю другую игру, как мы смолоду играли!» И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала говорить: «ну, матушка-мамушка, как твоя воля на все наши девичьи игры!» Обявила та мамка игру им: «изволь, матушка Аннушка! ты будь невестой, — а на Фрола Скобеева указала,— а сия девица женихом!» и поведе их во особые светлицы для почиву[2], как водится в свадьбе. И те девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пошли в веселы покои, в которых веселились. И та мамка велела девицам громогласныя петь песни, чтобы им крику от них не слыхать было; а сестра Фрола Скобеева весма была в печали, сожалея брата своего, и чается, что, конечно, будет притчина[3]. И Фрол Скобеев, лежа с Аннушкою, и обявил о себе, что он Фрол Скобеев, дворянин новогородский, а не девка. И Аннушка не ведает, что пред ним ответствовать, и стала быть в великом страхе, и Фролко, не взирая ни на какой себе страх, был очень отважен и принуждением разстлил ее девичество. Потом просила та Аннушка Фрола Скобеева, чтоб он не обнес[4] ее другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где они лежали, и Аннушка стала быть в лице переменна от немалой трудности, которой еще отроду не видала. И девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, и та Аннушка никому о том не обявила, толко взела мамку свою за руку и отвела в особливую полату и стала говорить искусно: «что ты, проклятая, надо мною зделала,— это не девица со мною была,— он мужественный человек, нашего града Фрол Скобеев!» И та мамка ей обявила: «истинно, милостивая государыня, никак не могла признать и думала, что он таковая ж девица, а когда он такую пакость учинил,— у нас людей много, можем ево вовсе укрыть в тайное место[5]!» И та Аннушка сожалея ево, Фрола Скобеева, понеже он тотчас вложил жалость в сердце ее, как с нею лежал во особливой полате, и рече: «ну, мамушка, уже быть так! того мне не возвратить!» И пошли все девицы в веселой покой, с ними ж и Фрол Скобеев в девичьем уборе, и веселились долгое время ночи, потом все девицы стали иметь покой, а Аннушка легла со Фролом Скобеевым, а сама рекла: «лутче сеи девицы не изобрали себе спать в товарыщи». И веселились чрез всю ночь телесными забавами. Уже тако жалость вселилась в сердце Аннушки, что великою нуждою отстала от Фрола Скобеева.

И наутрие встав, все девицы отдали благодарение Аннушке за доброе ее угощение и поехали по домам своим, також и Фрол Скобеев поехал с сестрою своею, но Аннушка отпустила всех девиц, а Фрола Скобеева и с сестрою своею оставила у себя. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дня, все в девичьем уборе,

чтоб не признали служители дома того, веселился все с Аннушкою и по прошествию трех дней поехал в дом свой и с сестрою своею. И Аннушка подарила Фрола Скобеева несколько червонных — и с того времени голца[6] Скобеев разжился и стал жить раскочна и делать банкеты с протчею своею братьею дворяны. Потом пишет отец ее из Москвы Аннушке столник Нардин Нащекин, чтоб она ехала немедленно в Москву, для того, что сватаются к ней женихи хорошие, столничьи дети. И Аннушка, хотя с великою неволею, не хотя преслушать воли отца своего, поехала к Москве. Потом, проведав Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумени — не знает, что делать, для того что дворянин небогатой и имеет пропитание, что всегда ходит в Москве за делами поверенным. И взял себе намерение, чтоб имеющияся у него пустоши заложить и ехать в Москву, как бы Аннушку достать себе в жену, что и учинил. И стал Фрол Скобеев отправляться в Москву, а сестра ево об том соболезнует, что конечно будет в какой притчине. И Фрол Скобеев стал прощаться и сказал: «ну, матушка сестрица, пожалуй, не тужи ни об чем: хотя и живот мой утрачю, по тех мест и жизнь моя кончается, а от Аннушки не отстану,— или буду полковник, или покойник! а ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не оставлю: а буде зделается несчастие, то прошу не позабыть меня поминовением!» И простясь, поехал в Москву.

И по приезде в Москву, стал на квартире близь двора столника Нардина Нащекина. И на другой день пошел Фрол Скобеев к обедни и увидел в церкви мамку Аннушкину. И по отшествии литоргии вышел Фрол Скобеев из церкви и стал ждать тою мамку. И как вышла та мамка ис церкви, и подшел Фрол Скобеев к той мамке, и отдал ей поклон, и просил ее, чтоб она обявила об нем Аннушке. И она ему обещалась всякое добро делать, и пришед мамка домой, и обявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка в великой стала быть радости и просила мамку свою, чтоб она заутришней день пошла к обедне и взяла б денег 20 руб. и отдала б Фролу Скобееву. И мамка то учинила по воли ее, Аннушки.

У одного столника Нардина Нащекина имелась сестра пострижена в девичьем монастыре; и тот столник поехал к сестре своей в монастырь гулять; и как приехал, то сестра ево встретила по чести брата своего; и тот столник сидел у сестры своей немалое время. И имелись разговоры, промеж которых просила сестра брата своего: «покорно вас, государь мой братец, прошу! пожалуй, отпусти любезную свою дочь Аннушку для свидания со мною, понеже многия годы не видала ее!» И столник Нардин Нащекин обещал ей дочь свою отпустить. И сестра рече: «не надеюсь, государь братец, чтоб сие для меня учинил или забудешь. Толко покорно прошу, изволь приказать в доме своем, когда пришлю я по нее корету и возников[7], хотя и не в бытность вашу дома, чтоб ее ко мне отпустили!» И брат ей Нардин Нащекин обещался то для просьбы ее учинить. И по некотором времени случися тому

столнику Нардину Нащекину ехать в гости и с женою своею и приказывает дочери своей: «слушай, мой друг Аннушка, ежель пришлет по тебя из монастыря сестра моя, а твоя тетка, корету с возниками, то ты поезжай к ней неумедля!» А сам поехал в гости и з женою своею.

И Аннушка просит мамки своей, чтоб она, как можно, пошла ко Фролу Скобееву, что он, как можно где, выпросил корету и с возниками и приехал сам к ней и сказал бы, будто от сестры столника Нардина Нащекина из монастыря приехал по Аннушку. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему приказ госпожи своей.

И как услышал Фрол Скобеев, не знает, что и делать и как кого обмануть, для того что его из знатных дворян все знают, что он дворянин небогатой,— толко великая ябеда[8] и ходатайствовать за приказными делами. И пришло в память Фролу Скобееву, что весма ему добр столник Ловчиков; и пошел к тому столнику; и как пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, и Ловчиков имел с ним разговор мног; и потом Фрол Скобеев стал просить Ловчикова, чтоб пожаловал ему корету и с возниками ехать для смотрения невесты. И Ловчиков дал ему по ево прозбе корету и кучера; и Фрол Скобеев поехал к себе на квартиру и того кучера споил весма пьяна, и сам убрался в лакейское платье и сел на козлы и поехал к столнику Нардину Нащекину по Аннушку. И усмотрила мамка Аннушкина, что приехал Фрол Скобеев, сказала Аннушке под видом другим: того дому служителей якобы прислала тетка по нее из монастыря. И та Аннушка убралась и села в корету и поехала на квартиру Фрола Скобеева. И тот кучер Ловчиков пробудился: и усмотрел Фрол, что кучер не в таком силном пьянстве, и напоил ево весьма допьяна и положил его в корету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор; и приехал ко двору и отворил ворота, и пустил возников на двор и с коретою, а сам пошел на свою квартиру. И вышли на двор люди Ловчикова и видят, что стоят возники и с коретою, а кучер лежит в корете жестоко пьян, спит, а кто их привез на двор, никто не ведает. И Ловчиков велел корету и возников убрать и сказал: «еще то хорошо, что и всего не уходил! На Фроле Скобееве взять нечего!» И наутрие стал Ловчиков кучера спрашивать, где он был со Фролом Скобеевым, и кучер сказал, что «толко помню, как был на квартире, а куды он ездил и что делал, того не знаю!»

Потом столник Нардин Нащекин приехал из гостей и спросил дочери своей Аннушки; и та мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того, что она прислала корету и возников!» Нардин Нащекин сказал: «изрядно!»

И столник Нардин Нащекин долгое время не был у сестры своей и думает, что дочь Аннушка у сестры ево в монастыре. А Фрол Скобеев на Аннушке уже и женился. Потом столник Нардин Нащекин поехал к сестре своей в монастырь и сидел немалое время, а дочери своей не видит, и вопросил сестры своей:

«сестра, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «полна, братец, издеватся! что же мне делать, коли я бесчестная моим прошением к тебе: просила я у тебя прислать ко мне. Знатно[9], что ты не вериш мне в том, а мне время такова нету, чтоб прислать по нея!» И столник Нардин Нащекин сказал: «как, государыня сестрица, что ты изволиш говорить? я не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе с месяц, а ты прислала по нее корету и возников, а я в то время был в гостях и с женою моею, и по приказу нашему отпущена к тебе!» И сестра сказала: «никак, братец, я кореты и возников не посылала никогда, и Аннушка ко мне не бывала!» И столник Нардин Нащекин весьма сожалел о дочери своей и горко плакал, что безвестно пропала дочь ево, и приехав в дом свой, и обявил жене своей, что Аннушка пропала, и сказал, что у сестры в монастыре нет, и стал мамки спрашивать: «кто приезжал? и куды она поехала». Мамка та сказала, что приехал с возниками кучер и сказал: «из девичья монастыря, от сестры вашей, приехал по Аннушку, и по приказу вашему и поехала Аннушка». И о том весма соболезновали и горко плакали, а наутрие поехал столник к государю и обявил, что у него безвестно пропала дочь ево. И велел государь учинить публикацию о той столничьей дочери: ежели кто содержит ее тайно, чтоб обявили, а ежели, кто не обявит и сыщется, то после смертию казнен будет.

И Фрол Скобеев, слышав такую публикацию, не ведает, что делать; и умыслив Фрол Скобеев, пришел к Ловчикову столнику, для того что тот Ловчиков весма к нему обходился добр и милостив. И Фрол Скобеев, пришедши к Ловчикову, и имели много разговоров, и столник Ловчиков спрашивал Фрола Скобеева, женился ли и богату ли взял? И Скобеев ему на то ответствовал: «ныне еще богатства не вижу, что вдаль — время покажет!» — «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно[10], а за ябедами не ходи[11], перестань, а живи ты в вотчине своей лутче здоровее!» — Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он предстателствовал[12] об нем, и Ловчиков ему сказал: «коли сносно, то буду предстатель, а ежели что несносно, то не гневайся!» И Фрол ему обявил, что «столника Нардина Нащекина дочь Аннушка у меня, а ныне я на ней женился!» И столник Ловчиков сказал: «как делал ты, так сам и ответствуй!» И Фрол Скобеев сказал: «ежели ты предстателствовать не будешь обо мне и тебе будет не без слова[13]! Мне уже пришло показать на тебя, для того, что ты возников и корету давал, а ежели бы ты не дал, и мне б того не учинить!» И Ловчиков стал в великом сомнении и сказал ему: «настоящей ты плут! что ты надо мною зделал... Добро, как могу, буду предстателствовать!» И сказал ему, чтоб завтрашний день пришел в Успенский собор, и столник Нардин Нащекин будет завтра у обедни — «и после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади, и в то время приди и пади пред ним и обяви о дочери ево, а я уже, как могу, буду предстателствовать!»

И пришел Фрол Скобеев в Успенский собор к обедни, и столник Нардин Нащекин, и Ловчиков, и другие столники все у обедни. И по отшествии тогда все обычай имели быть в собрани на Ивановской площади против Ивана Великого и имели промеж собою разговоры, кому что надобно. А столник Нардин Нащекин больше соболезнует о дочери своей, також и Ловчиков с ним разсуждает о дочери ево к склонению милости. И на те их разговоры пошел Фрол Скобеев и отдал всем столникам поклон, как есть обычай, и все столники Фрола Скобеева знают. И кроме всех пал пред столником Нардиным Нащекиным и просил прощения: «милостивы государь и царев столник! вперва отпусти вину мою, яко раба своего, который дерзновенно учинил пред вами!» И столник Нардин Нащекин имелся летами весма древен и зрением от древности уже помрачен, однакож мог человека усмотреть. Имели в то время обычай те старые люди носить в руках трости натуральные с клюшками[14] — и поднимает тою клюшкою Фрола Скобеева «кто ты таков? скажи мне о себе! и что твоя нужда до нас?» И Фрол Скобеев толко говорит: «отпусти вину мою!» И столник Ловчиков подошел к Нардину Нащекину и сказал: «лежит пред вами, просит отпущения вины своей дворянин Фрол Скобеев!» И столник Нардин Нащекин воскричал: «встать, плут, знаю тебя давно, плута и безделника! Знатно, что наябедничал себе! что, скажи, плут, — буде сносно, стану помогать, а что несносно, как хощеш, я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно! Встань, скажи, что твоя вина?» И Фрол Скобеев встал от ног ево и обявил ему, что дочь ево Аннушка у него и он на ней женился; и как столник Нардин Нащекин, услышал от него о дочери своей, и залился слезами и стал в беспаметстве; и мало опамятовался, и стал говорить: «что ты, плут, зделал? ведаешь ли ты о себе, кто ты таков? Несть тебе отпущения вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мне обиде!» И вторично пришел к нему столник Ловчиков, и нача его разговаривать, чтоб вскоре не учинил докладу к государю: «изволишь съездить домой и обявить о сем случае сожительнице своей, и по совету общему, как к лутчему — уже быть! Так того не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего скрытца никуды не может!» И столник Нардин Нащекин послушал совету Ловчикова, не пошел к государю, а сел в корету и поехал домой, а Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «ну, Аннушка, что будет мне с тобою, не ведаю — обявил о тебе отцу твоему!»

И столник Нардин Нащекин приехал в дом свой, идет в покои, жестоко плачет и кричит: «жена, что ты ведаеш? я нашел Аннушку!» И жена его спрашивает: «где она, батюшко?» — «Ох, мой друг, вор и плут и ябедник Фрол Скобеев женился на ней!» И жена его услышала те от него речи, не ведает, что говорить, соболезнуя о дочери своей. И стали оба горко плакать и в сердцах своих бранить дочь свою, и не ведают, что чинить над нею. Потом пришли в память, сожалея о дочери своей, и стали разсуж-

дать с женою: «надобно послать человека и сыскать, где он, плут, живет, проведать о дочери своей, жива ли она». И призвали к себе человека своего и сказали ему: «поезжай и сыщи квартиру Фрола Скобеева и проведай про Аннушку, жива ли она и имеет ли пропитание какое». И пошел человек их по Москве искать квартиру Фрола Скобеева и по многим хождении нашел и пришел ко двору. И усмотрел Фрол Скобеев, что от тестя идет человек, и велел жене своей лечь в постелю и притворить себе, якобы болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человек вошел в покой и отдал, как по обычаю, поклон. И Фрол Скобеев спросил: «что ты за человек? и какую нужду до меня имееш?» И человек отвещал, что он прислан от столника Нащекина проведать про дочь его, здравствует ли она. И Фрол Скобеев говорит: «видиш ты, мой друг, каково ее здорове! Таков ти родителский гнев,— они ее заочно бранят и кленут, оттого она при смерти лежит! Донеси их милости, хотя б они при жизни ее заочно благословили!» И человек тот отдал им поклон и пошел.

И пришел к господину своему и донес, что «нашел квартиру Фрола Скобеева, токмо Аннушка очень болна и просит от вас заочно хотя словесного благословения!» И пребезмерно родители о дочери своей соболезнуют, токмо разсуждали, «что с вором и плутом делать?», но более сожалели о дочери своей. Мать ее стала говорить: «ну, мой друг, уже быть так, что владеть плуту дочерью нашею! Уже так бог велел,— надобно послать к ним образ и благословить их хотя заочно; а когда сердца наши утолятся, то можем видется с ними и сами!» Сняли с стены образ, который был обложен золотом и драгим камением, так как прикладу всево на 500 р., и послали с тем же человеком, приказали, чтоб они тому образу молились,—«а плуту и вору Фролке скажи, чтоб он ево не промотал!»

И человек их, приняв оной образ, и пошел на квартиру Фрола Скобеева. И усмотрел Фрол Скобеев, что пришел тот же человек, сказал жене своей: «встань, Аннушка». И сели оба вместе, и человек тот вошел в покой их и отдал образ Фролу Скобееву и сказал, что «родители ваши, богом данные, прислали к вам благословение!» И Фрол Скобеев, приложась к тому образу и с Аннушкою, и поставили, где надлежит; и сказал Фрол человеку тому: «таково ти родителское благословение,— и заочно их не оставили — и бог дал Аннушке здоровье: ныне, слава богу, здорова! благодари их милость, что не оставили заблудшую дочь свою!» И человек пришел к господину своему и обявил об отдании образа и о здравии Аннушкине и о благодарении их, и пошел в показанное свое место. И столник Нардин Нащекин поехал к государю и обявил, что «дочь свою нашел у новгородского дворянина Фрола Скобеева, который уже на ней женился, и прошу вашей государевой милости, чтоб в том ему, Скобееву, вину отпустить» — и обявил ему все подробно, на что великий государь ему сказал, что «в том твоя воля, как желаешь, и советую тебе, что уже того не возвратить, а он твоим награждением, а моею милостию против протчих

своей братьи оставлен не будет,— и в том на старости возымееш утеху». Столник же Нардин Нащекин поклонился государю, и поиде в дом свой, и стали разсуждать и сожалеть о дочери своей; и стал говорить жене своей: «как, друг мой, быть? конечно, плут заморит Аннушку; чем ему, вору, кормить ее? и сам, как собака, голоден! Надобно, друг мой, послать какого запасу, хотя на 6-ти лошадях»; а жена ево сказала: «конечно, надобно, друг, послать». И послали тот запас и при том реэстр. И как пришел оной запас, и Фрол Скобеев, не смотря по реэстру, приказал положить в показанные места и приказал тем людям за их родителские милости благодарить. Уже Фрол Скобеев стал жить роскочно и ездить везде по знатным персонам, и весма Скобееву, удивлялися, что он зделал такую притчину и так смело. Уже чрез долгое время обратились сердцем и соболезновали душею о дочери своей, також и о Фроле Скобееве, и послали человека к ним и приказали просить их кушать к себе. И как пришел человек и просит: «приказал батюшко вас кушать сей день!» — и Фрол Скобеев сказал: «донеси государю нашему батюшке, что будем не умедля до их здоровья!»

И Фрол Скобеев убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего и приехал в дом их и пошел в покои з женою своею; и Аннушка пала пред ногами родителей своих. Усмотрил Нардин Нащекин, как дочь свою и з женою своею приносимую вину свою,— стали ее бранить и наказывать своим гневом родителским, и смотря на нея, весма плачют, что она так учинила без воли родителей своих, проклиная жизнь ее словами своими; и по многом глаголании их и гневу, отпустили вину ее и приказал садится за стол с собою, а Фролу Скобееву сказал: «а ты, плут, што стоиш? садись тут же! тебе ли бы, плуту, владеть дочерью моею!» И Фрол сказал ему: «государь-батюшко, уже тому как бог судил!» — И сели все кушать, и столник Нардин Нащекин приказал людям своим, чтоб никого в дом посторонних не пускали,— сказывали бы, что «время такого нет столнику, для того что с зятем своим, вором и плутом Фролкою Скобеевым, кушает!» И по окончании стола столник говорит зятю своему: «ну, плут, чем ты станеш жить?» И Фрол Скобеев сказал: «милостивы государь-батюшко! изволиш ты сам быть известен, чем мне жить — боле не могу пропитания найти, как за приказными делами ходить!» И столник рече: «перестань, плут, ходить за ябедой,— имеется вотчина моя в Синбирском уезде, которая состоит в 300-х дворах, да в Новгородском уезде в 200-х дворах,— справь, плут, за собою и живи постоянно! И Фрол Скобеев отдал поклон и з женою своею приносили благодарение родителем своим, и, сидев немного, поехал Фрол Скобеев на квартиру свою и з женою своею. Тесть же его, столник Нардин Нащекин, приказал Скобеева возвратить и стал говорить: «ну, плут, есть ли у тебя денги? чем ты деревни справиш?» И Фрол рече: «известно вам, государь-батюшко, какие у меня денги!» И столник приказал дать дворецкому своему де-

нег 500 руб. И простясь, Фрол Скобеев поехал на квартиру свою и з женою своею Аннушкою.

И по многом времени справил Фрол деревни за собою и стал жить очень роскочно, и ездил к тестю своему беспрестанно, и всегда приниман был с честию, и за ябедами ходить уже бросил. И по некоем времени поживе столник Нардин Нащекин в глубокой своей старости, в вечную жизнь переселился и по смерти своей учинил Фрола Скобеева часледником во всем своем движимом и недвижимом имении. Потом, недолгое время пожив, теща его преставилась, и тако Фрол Скобеев, живя в великой славе и богатстве, наследников по себе оставя и умре.

[1] *столник* (стольник) — придворная должность, смотритель за царским столом.
[2] *для почиву* — для почивания.
[3] *притчина* — здесь: беда.
[4] *не обнес* — здесь: не осрамил.
[5] *...укрыть в тайное место* — здесь: убить.
[6] *голец* — бедняк.
[7] *возник* — здесь: лошадь.
[8] *ябеда* — ходатай по мелким судебным делам.
[9] *знатно* — здесь: знать, очевидно.
[10] *постоянно* — здесь: порядочно.
[11] *...за ябедами не ходи* — не занимайся мелкими судебными делами.
[12] *предстателствовать* — заступаться.
[13] *...и тебе будет не без слова* — и тебе придется отвечать.
[14] *клюшка* — крючок.

«ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ»

В XVII в. в литературе возникает новый, демократический жанр — сатирическая повесть. Появление этого жанра было связано с недовольством народа существовавшими порядками. Повести создавались в той среде, которая страдала от притеснений феодалов и церкви.

Основа сатирической повести — конфликт между бедняком и богачом, между неимущим, обездоленным человеком и судьей-мздоимцем. «Повесть о Шемякином суде» рассказывает о судейских порядках, о корыстном судье Шемяке, имя которого стало в народе нарицательным. Она построена на нагромождении нелепых случайностей, которые усиливают сатирическую остроту образов. Повесть связана со сказками о Шемяке.

В Хрестоматии «Повесть о Шемякином суде» дается в переводе Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой (см.: *Русская* повесть XVII века. М., 1954).

В некоих местах жили два брата-земледельца: один богатый, другой бедный. Богатый же ссужал много лет бедного, но не мог поправить скудости его.

По некотором времени пришел бедный к богатому просить лошадь, чтобы было на чем ему себе дров привезти. Брат же не хотел дать ему лошади, говорит: «Много тебя я ссужал, а поправить не мог». И когда дал ему лошадь, а тот, взяв ее, начал просить хомута, обиделся на него брат, стал поносить убожество[1] его, говоря: «И того-то, и хомута у тебя нет своего». И не дал ему хомута.

Пошел бедный от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади и привез к своему двору. И забыл он выставить

подворотню. Ударил лошадь кнутом, лошадь же изо всей мочи рванула с возом через подворотню и оторвала себе хвост.

И вот бедный привел к брату своему лошадь без хвоста. И увидел брат его, что у лошади его хвоста нет, начал брата своего поносить, что, выпросив у него лошадь, испортил ее. И, не взяв назад лошади, пошел на него бить челом в город, к Шемяке-судье.

А бедный брат, видя, что брат его пошел бить на него челом, пошел и сам за братом, зная, что будут все равно за ним из города посылать, а не пойти, так придется еще и приставам проездные платить.

И остановились они оба в некоем селе, не доходя до города. Богатый пошел ночевать к попу того села, затем что был тот ему знакомый. И бедный пришел к тому попу, а придя, лег у него на полатях. И стал богатый рассказывать попу про погибель своей лошади, ради чего в город идет. И потом стал поп с богатым ужинать, бедного же не зовут с собою есть. Бедный стал с полатей смотреть, что едят поп с братом его, сорвался с полатей на зыбку и задавил попова сына насмерть. И тот также поехал с богатым братом в город бить челом на бедного за смерть сына своего. И пришли они к городу, где жил судья; а бедный за ними следом идет.

Шли они через мост у города. А из жителей города некто вез рвом в баню отца своего мыть. Бедный же, зная, что будет ему погибель от брата и от попа, задумал себя смерти предать. А бросившись, упал на старика и задавил отца насмерть. Схватили его, привели к судье.

Он же размышлял, как бы напасти избыть и что бы дать судье. И, ничего у себя не найдя, надумал так: взял камень, завернул в платок, положил в шапку и стал пред судьею.

И вот принес брат его челобитную, иск на него за лошадь, стал бить судье Шемяке челом. Шемяка же, выслушав челобитную, говорит бедному: «Ответствуй!» Бедный, не зная, что говорить, вынул из шапки завернутый камень, показал судье и поклонился. А судья, чая, что бедный ему мзду посулил, сказал брату его: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, не бери у него лошади своей до тех пор, пока у лошади не вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время и возьми у него свою лошадь».

И потом начался другой суд. Поп стал искать за смерть сына своего, за то, что он сына у него задавил. Бедный же опять вынул из шапки тот же узел и показал судье. Судья увидел и думает, что по другому делу другой узел золота сулит, говорит попу: «Коли он у тебя сына зашиб, отдай ему свою жену-попадью до тех пор, покамест от попадьи твоей не добудет он ребенка тебе; в то время возьми у него попадью вместе с ребенком».

И после начался третий суд за то, что, бросаясь с моста, зашиб он отца-старика у сына. Бедный же, вынув из шапки камень, в платке завернутый, показал в третий раз судье. Судья, чая, что за третий суд он третий ему узел сулит, говорит тому,

у кого убит отец: «Взойди на мост, а убивший отца твоего пусть станет под мостом. И ты с моста сверзнись сам на него и убей его так же, как он отца твоего».

После же суда вышли истцы с ответчиком из приказа. Стал богатый у бедного спрашивать свою лошадь, а тот ему отвечает: «По судейскому указу, как-де, говорит, у ней хвост вырастет, в ту пору и отдам твою лошадь». Богатый же брат дал ему за свою лошадь пять рублей, чтобы он ему, хоть и без хвоста, ее отдал. А он взял у брата пять рублей и отдал ему лошадь. И стал бедный у попа спрашивать попадью по судейскому указу, чтобы ему от нее ребенка добыть, а добыв, попадью назад ему отдать с ребенком. Поп же стал ему бить челом, чтоб он попадьи у него не брал. И взял тот с него десять рублей. Тогда стал бедный говорить и третьему истцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и бросайся на меня так же, как и я на отца твоего». А тот думает: «Броситься мне, так его, поди, не зашибешь, а сам расшибешься». Стал и он с бедным мириться, дал ему мзду за то, чтоб бросаться на себя не велел. И так взял себе бедный со всех троих.

Судья же прислал слугу к ответчику и велел у него те показанные три узла взять. Стал слуга у него спрашивать: «Дай то, что ты из шапки судье казал в узлах; он велел у тебя то взять». А тот, вынувши из шапки завязанный камень, показал. Тогда слуга говорит ему: «Что же ты кажешь камень?» А ответчик сказал: «Это судье. Я-де,— говорит,— когда бы он не по мне стал судить, убил его тем камнем».

Вернулся слуга и рассказал все судье. Судья же, выслушав слугу, сказал: «Благодарю и хвалю бога, что по нем судил. Когда бы не по нем я судил, то он бы меня зашиб».

Потом бедный пошел домой, радуясь и хваля бога.

[1] *убожество* — здесь: бедность.

«ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ»

«Повесть о Ерше Ершовиче» («Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом») пародирует судебный процесс на Руси в XVII в. Тема повести — земельная тяжба «сынчишки боярского» Леща с товарищами с Ершом, «маломочным» человеком, из-за Ростовского озера. Автор, по-видимому, хорошо знавший судебные порядки, показал потворство суда состоятельным людям, корысть судейских должностных лиц; Налим, привлеченный к суду в качестве понятого, откупается от этой обязанности при помощи «посулов великих» приставу Окуню.

«Повесть» была очень популярна в XVII в. и вошла в лубочную литературу. Она дошла до нас в четырех редакциях, весьма различных по своему содержанию и направленности.

В Хрестоматии дается вторая редакция «Повести о Ерше Ершовиче» в переводе Т. А. Сумниковой и М. Е. Федоровой.

«Рыбам-господам: великому Осетру и Белуге, Белорыбице бьет челом сынчишка боярский Лещ с товарищами. Жалуемся

мы, господа, на злого человека и ябедника Ерша Щетинника. В прошлых, господа, годах было Ростовское озеро нашим, а этот Ерш — злой человек, наследник Щетинника — лишил нас Ростовского озера, наших прежних достатков, расплодился этот Ерш по рекам и по озерам. Собою он мал, а щетины у него, как лютые рогатины, и увидит нас в селении — и теми острыми своими щетинами подкалывает нам ребра и снует по рекам, как бешеная собака, сбившаяся с пути. А мы, господа, христиане, хитростью жить не умеем, браниться и тягаться с лихими людьми не хотим, а хотим мы, праведные судьи, от вас защиты».

Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, истцу Лещу отвечаешь ли?» Ответчик Ерш сказал: «Отвечаю, господа, за себя и за своих товарищей в том, что Ростовское озеро было исконной вотчиной дедов наших, а ныне наше, а он, Лещ, жил у нас по соседству на дне озера, а на свет не показывался. А я, господа,— Ерш божьей милостью, и отца своего благословением, и материнскими молитвами, не смутьян, не вор, не тать и не разбойник, в приводе никогда не бывал, краденого у меня ничего не изымали. Человек я добрый, живу я своими достатками, а не чужими. Знают меня в Москве и в других больших городах князья и бояре, стольники и дворяне, жильцы[1] московские, дьяки и подьячие и всяких чинов люди, и покупают меня по дорогой цене, и варят меня с перцем и шафраном, и ставят перед собой с честью, и многие добрые люди кушают с похмелья и, покушав, желают здоровья.

Судьи спрашивали истца Леща: «Ты, Лещ, в чем его уличаешь?» Истец Лещ ответил: «Уличаю его божьею правдой[2] и вами, праведными судьями». Судьи спрашивали истца Леща: «Кому у тебя известно про Ростовское озеро[3], о реках и об истоках, на кого сошлешься?» Истец Лещ сказал: «Сошлюсь я, господа, на знающих о деле добрых людей разных городов и областей. Есть, господа, добрый человек, живет в немецкой области, под Иваном-городом[4], в реке Нарве,— рыба Сиг, да другой, господа, человек добрый живет в Новгородской области, в реке Волхове — рыба Лодуга[5]». Спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, признаешь ли свидетелей Леща, этих людей?» <...> Ответчик же Ерш сказал: «Сиг, Лодуга и Сельдь с родней, а также Лещ — люди зажиточные, живут по соседству, едят и пьют вместе — за нас не скажут». И судьи послали пристава[6] Окуня, велели ему взять с собой в понятые Налима и приказали взять в свидетели переяславльскую Сельдь. Пристав же Окунь берет в понятые Налима, а Налим обещает приставу Окуню посулы большие и говорит: «Господин Окунь! Не гожусь я в понятые: брюхо у меня велико — ходить не могу, глаза малы — далеко не вижу, губы толсты — перед добрыми людьми говорить не умею». Пристав же Окунь берет в понятые Головля и Язя. И поставил Окунь в свидетели переяславльскую Сельдь. И судьи спрашивали у свидетеля, у переяславльской Сельди: «Сельдь, скажи ты нам про Леща и Ерша и про Ростовское озеро у них». Сельдь же, свиде-

тель, сказала: «Леща с товарищами знаю: Лещ — человек добрый, христианин божий, живет своими, а не чужими достатками, а Ерш Щетинник, господа,— злой человек»[7].

«<...> Знаешь ли его?» Осетр же сказал: «Я, господа, не в свидетелях, а прямо скажу: слышал про того Ерша, что варят его в ухе, а не столько едят, сколько расплюют. Да еще я вам скажу по божьей правде о своей обиде. Когда я шел из Волги-реки к Ростовскому озеру и рекам жировать[8], он меня встретил в устье Ростовского озера и назвал меня братом, а я хитрости его не знал, спрашивать же про него, злого человека, никого не случалось. И спросил он меня: „Братец Осетр, куда идешь?" И я ему рассказал: „Иду к Ростовскому озеру и к рекам жировать". И сказал мне Ерш: „Братец Осетр, когда я шел Волгою-рекою, я был толще тебя и длиннее, бока мои терли у Волги-реки берега, очи мои были как полная чаша, хвост мой был как большой судовой парус, а ныне, братец Осетр, видишь ты и сам, как я оскудел, идя из Ростовского озера". Я же, господа, услыхав такие его речи, не пошел в Ростовское озеро к рекам жировать; жену свою и детей голодом уморил и сам от него вконец погиб. Да еще вам, господа, скажу: тот же Ерш обманул меня, Осетра, старого мужика, — привел меня к неводу и сказал: „Братец Осетр, пойдем в невод — там много рыбы". Я начал его посылать вперед. И он, Ерш, мне говорит: „Братец Осетр, когда же меньший брат ходит впереди большего?" И я на его, господа, обманное слово положился и пошел в невод, повернул было из невода, да увяз, а невод — что боярский двор: идти — ворота широкие, а выйти — узкие. А Ерш выскочил в дырку из невода и надо мной насмехался: „Неужели ты, братец, в неводе рыбы наелся!" А когда меня поволокли из воды, Ерш начал прощаться: „Братец, братец Осетр! Прости, не поминай лихом!" Когда мужики на берегу стали меня бить дубинами по голове и я начал стонать, он, Ерш, сказал мне: „Братец Осетр, терпи Христа ради!"».

Конец судного дела. Судьи слушали судебное дело и приговорили: Леща с товарищами оправдать, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велели казнить торговой казнью — бить кнутом и после кнута повесить в жаркие дни на солнце за разбой и сутяжничество. А судебное дело вели люди добрые: дьяк был Сом с большим усом, обвинитель — Карась, запись судебного дела вел Вьюн, печать поставил Рак своей задней клешнею, а при том сидел Вандыш[9] переяславльский. На того же Ерша выдали правую грамоту: где его застанут в своих вотчинах, тут его без суда казнить.

Говорит Ерш судьям: «Господа судьи! Судили вы не по правде, судили по мзде. Леща с товарищами оправдали, а меня обвинили». Плюнул Ерш судьям в глаза и юркнул в тину: только того Ерша и видели.

[1] *жильцы* — здесь: жившие в уезде и находившиеся на временной службе у государя дворяне.

[2] *божья правда* — свидетельство, признаваемое и истцом, и ответчиком.

[3] *Ростовское озеро* — озеро Неро в Ярославской области, на озере Неро расположен г. Ростов.

[4] *Иван-город* — город на реке Нарве, в Ленинградской области.

[5] *лодуга* — северная рыба.

[6] *пристав* — должностное лицо, в обязанности которого входило доставлять с понятыми свидетелей в суд.

[7] Очевидна порча текста: в этом месте должна быть ссылка Леща на новое свидетельство Осетра; в начале повести Осетр является судьей.

[8] *жировать* — здесь: жить в достатке, благоденствовать.

[9] *вандыш* — корюшка или ее мелкая разновидность — снеток.

«КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ»

В конце XVII в. была создана «Калязинская челобитная», написанная в форме пародии. В этом произведении сатирически изображена распутная жизнь монахов Калязинского монастыря. Произведения, показывающие монахов в резко критическом плане, могли появиться лишь с XVII в., когда стал ослабевать авторитет церкви.

В Хрестоматии «Калязинская челобитная» дается в переводе Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой (см.: *Русская* повесть XVII века. М., 1954).

Великому господину преосвященнейшему архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому.

Бьют челом богомольцы твои, Калязинского монастыря клирошане, дьякон Дамаск да чернец Боголеп с товарищами.

Жалоба наша, государь, на того же Калязинского монастыря архимандрита Гавриила. Живет он не гораздо порядочно, позабыв страх божий и обет монашеский. Досаждает нам, богомольцам твоим, научает он, архимандрит, плутов-пономарей в колокола не вовремя звонить, в доски колотить. И они, плуты-пономари, меди с колоколов много иззвонили, железные языки поприломали, три доски исколотили, шесть колотушек избили; днем и ночью звонят, и нам, богомольцам твоим, покою нет.

Да он же, архимандрит, приказал старцу Иору в полночь с дубиною подле келий ходить, у сеней в двери колотить, нашу братию будить и велит всем немедля в церковь ходить. А мы, богомольцы твои, вкруг ведра без порток в одних рубахах по кельям сидим. Не поспеть нам ночью, в девять часов, келейное правило совершить, полведра пивной браги опорожнить, все от краев до дна допить,— все оставляем, из келий вон выбегаем.

Да он же, архимандрит, и казны не бережет, ладана да свечей много сжег, а монастырские слуги тешат нрав его: сожгли на уголья четыре овина с рожью.

А он, архимандрит, в уголья ладан насыпал и попам и дьяконам то же сделать приказал. И по церкви ходит да святым иконам кадит, и тем он иконы запылил, кадилом закоптил и церковь задымил, а нам, богомольцам твоим, дымом все очи выело, горло завалило.

Да по его же, архимандритову, велению поставлен у ворот с плетью старец кривой Фалалей, не пускает нас, богомольцев,

за ворота в слободу сходить, чтобы скотные дворы присмотреть, телят бы в стадо загнать, цыплят в подполье покласть, коровницам благословение подать.

Да он же, архимандрит, приехал в Калязин монастырь и начал монастырский чин разорять, старцев-пьяниц всех повыгонял. И дошло до того, что чуть и монастырь не запустел, некому было вперед и завода заводить, чтобы пива наварить да медом подсытить, на оставшиеся деньги вина прикупить, помянуть умерших старцев-пьяниц. И про то разорение известно стало на Москве; по всем монастырям да по кабакам осмотр учинили и по осмотре остаток лучших бражников сыскали — подьячего Лукьяна, пьяницу Сулима да с Покровки безграмотного попа Колотилу, для образца их в Калязин прислали, чтобы дела не позабыли, кафтаны бы добрые свои с плеч спустили, чтобы чина монастырского не забывали, да и своего бы ремесла не скрывали, а прочих бы пить научали. ⟨...⟩

Да он же, архимандрит, убыточно живет: в праздники и в будни на шею нашей братии накладывает большие цепи, да об нас много батогов изломал, плетей порвал, и тем он казне немалый убыток причинил, а себе мало прибыли получил.

В прошлом году, государь, весна была красна, пенька росла крепка, а мы, богомольцы твои, меж собою совет держали, чтоб из той из пеньки веревки свивать долгие да крепкие, было бы чем из погреба бочки с пивом волочить да по монашеским кельям развозить, было бы чем у сеней двери завалить, чтобы будильщика в келью не пустить, чтоб не мешал он нам пива попить и всю ночь, забавляясь, без штанов просидеть.

А он, архимандрит, догадался и нашего монашеского челобитья испугался: приказал ту пеньку в веревки свивать, да вчетверо сгибать, да на короткие палки навязывать, и вздумал это плетьми называть, а слугам приказал высоко их подымать да на нашу, богомольцев твоих, спину тяжко опускать. А нас он, архимандрит, учил стоя почасту каноны петь, а нам, богомольцам, и лежа пропевать не поспеть, потому как за плечами тело недужно, а под плетьми лежать душно. А мы, богомольцы твои, по его, архимандритову, приказу поневоле в церковь идем и по книгам читаем и поем, а зато нам он долго есть не дает, а заутрени и обедни, государь, все не евши поем.

Да он же, архимандрит, новый чин завел: в великий пост земные поклоны класть повелел. А в нашем монашеском уставе не написано того, а указано: утром рано до свету встать за три часа да в чесноковые ступки звонить, а над блюдом со старыми остатками часы говорить, а «блаженны» — над ведрами в шесть ковшей со вчерашним пивом, а «слава и ныне» — до свету на печь спать поспеть.

Да он же, архимандрит, нам, богомольцам твоим, и всем лучшим и славным людям, бражникам и пьяницам, гонение творит, — когда есть прикажет, то ставят репу пареную да редьку вяленую, кисель овсяный, щи мартовские, посконную кашу[1] в

вязовой плошке, а в братину квас нальют да на стол подадут. А нам, богомольцам твоим, то не сладко — редька, да хрен, да чашник Ефрем. А по нашему бы разуму, лучше было бы для постных дней: вязига, да икра, да белая рыбица, тельное[2], да по две тешки[3] паровых, да семга и сиг, да десять стерлядок, да по три пирога, да по два бы блина пшеничных, молочная каша, а кисель бы с патокою, а в братине бы пиво крепкое, мартовское, да мед, сваренный с патокою.

А у него, архимандрита, и на то не стало разума,— один живет да хлеб сухой жует, мед-то перекис, а он воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся: мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем.

И мы его, архимандрита, добру учили, ему говорили: «Если ты, архимандрит, хочешь с нами в Калязине дольше пожить, а себе большую честь получить, так ты бы почаще пиво варил да нашу бы братию поил, пореже б ты в церковь ходил и нас, богомольцев, не томил».

И родом он, архимандрит, ростовец, а нравом — поморец, по уму — холмогорец, а на хлеб-соль — каргополец. Нас, богомольцев твоих, он не слушает, мало пьет да больно бьет, а от похмелья нас поправляет от метел комлями да ременными плетями. Честь нам от него одна, на всю спину равна, уж и кожа с плеч вся сползла. А когда мы, богомольцы твои, у правила с вечера потрудимся до полуночи, у пивного ведра засидимся и утром рано быстро встать не сможем, где клобук[4] с мантией лежит, не вспомним, и оттого немного замедлим, и к десятому песнопению лишь поспеем, а иные и к началу расходному, тогда он, архимандрит, нас, ничего не смысля, крепко смиряет, потому как монашеского жития и чина[5] он не знает. А в Калязине обитель немалая, казна великая, после мора от старых лет запасы остались: в хлебной под лавками — стулья, в мукосейке — цепи, да ремни, да плети, да сита, а в караульне — снопы прутьев, в кузницах по полкам кандалы да замки, а у нас, богомольцев твоих, смотря на то, очи мутятся, а у малодушных за плечами кожа чешется и ночью не спится.

И мы, богомольцы твои, тому крайне дивимся, почему он, архимандрит, по сие время в Калязине живет, а по-нашему пить не превыкнет и нас бьет изрядно. И не лучше ли ему от нас, из Калязина, прочь по Волге плыть. А коли лень ему из монастыря до берега дойти, то мы бы его под руки довели или на носилках снесли. А из нас охочих на его место много будет; в амбарах простору прибудет, рожь да ячмень на солод пустим да овсяной бражки поставим, из солода пива наварим, а на деньги вина прикупим; станем крестьянам уроки давать, прикажем им колокола снимать да в Кашин их провожать, на вино там променять. И так уж они нам много зла сотворили, всем нам уши оглушили и в нищих всех нас навек обратили. А как мы лихого архимандрита проводим, то другого, доброго, добудем, который бы гораздо к пиву да вину прилежал, а в церковь бы пореже ходил,

нас бы, богомольцев твоих, вином да пивом почаще поил, а цепями, плетями и ремнями не томил. Тогда-то мы, богомольцы твои, монастырю станем прибыли приносить, в чарки вино наливать, старое пиво допивать, а молодое затирать, а иное на дрожжи наливать. А в церковь тогда пойдем, когда вино да пиво допьем; в колокола не станем звонить, будем в погреб и без звона ходить; ладана да свеч не станем жечь; пиво да вино и с лучиной разопьем — ни угля, ни убытка не будет. В ризницы да в церковь двери запрем и печать в лубки загнем. А крестьян в слободы вышлем и велим им в церковь ходить с году на год на великий лишь праздник.

Прикажи, государь великий, господин преосвященный архиепископ Симеон Тверской и Кашинский, ему, архимандриту, счесть колокола и цепи по весу, уголья мерою, доски и колотушки по счету; и в казне пусть бы дал отчет.

Смилуйся, государь, чтобы наши виноватыми не были, затем что за него, архимандрита, нам в казну платить нечем; затем что живем мы, клирошане, небогато: только и добра у нас — ложка да плошка. А если ему, архимандриту, перемены не будет, то мы, богомольцы твои, ударим его, архимандрита, обухами и пойдем в другой монастырь. Где пиво да вино найдем, там и жить начнем; а коли там не загуляем, не помедлим, богомольцы твои, то и вновь в Калязине побываем.

Великий господин преосвященный Симеон, архиепископ Тверской и Кашинский, смилуйся, пожалуй нас.

[1] *посконь* — конопля с бессемянными цветами.
[2] *тельное* — кушанье из рыбы, очищенной от костей.
[3] *теша* — брюхо с бочками от жирной рыбы.
[4] *клобук* — головной убор монахов.
[5] *чин* — здесь: устав.

«СЛОВО О БРАЖНИКЕ»

«Слово о бражнике» («Слово о бражнике, како вниде в рай»), в основе которого лежит международный бродячий сюжет, написано в форме пародии на один из жанров церковной литературы. Герой повести — пьяница, бражник, единственной заслугой которого было то, что за каждым ковшом вина он прославлял бога. Бражник противопоставлен в повести апостолам и святым, жителям райских селений, совершившим при жизни тяжелые преступления — убийство, предательство и др. «Слово» направлено против церковных авторитетов и свидетельствует о критическом отношении к религиозным догматам в XVII в. и об ослаблении влияния церкви. Не случайно «Слово о бражнике» включалось в индексы запрещенных книг.

В Хрестоматии «Слово о бражнике» дается без перевода (см.: *Хрестоматия* по древней русской литературе/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973).

Бысть неки бражник и зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшом господа бога прославлял и чясто в нощи богу молился. И повеле господь взять бражникову душу и постави ю у врат святого рая божия, а сам ангел и прочь пошел. Бражник же нача у врат рая толкатися, и приде ко вратам

верховный апостол Петр и вопроси: «кто есть толкущися у врат рая?» Он же рече: «аз есмь грешны человек бражник; хощу с вами в раю пребыти». Петр рече: «бражником зде не входимо!» И рече бражник: «кто ты еси тамо: глас твой слышу, а имени твоего не ведаю!» Он же рече: «аз есть Петр апостол». Слышав сия, бражник рече: «а ты помниши ли, Петре, егда Христа взяли на распятие, и ты тогда трижды отрекся еси от Христа. О чем[1] ты в раю живеши?» Петр же отъиде прочь посрамлен. Бражник же начя еще у врат рая толкатися; и приде ко вратом Павел апостол и рече: «кто есть у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник; хощу с вами в раю пребывати». Отвеща Павел: «бражником зде не входимо!» Бражник рече: «кто еси ты, господине? глас твой слышу, а имени твоего не вем!» — «Аз есть Павел апостол». Бражник рече: «ты еси Павел, помнишь ли: егда ты первомученика архидиякона Стефана камением побил? аз, бражник, никово не убил!» И Павел апостол отъиде прочь. Бражник же начя у врат толкатися, и приде ко вратом рая царь Давыд[2]: «кто есть у врат толкаетца?» — «Аз есть бражник; хощу с вами в раю пребыти!» Давыд рече: «бражником зде невходимо». И рече бражник: «господине, глас твой слышу, а в очи тебя не вижу; имени твоего не вем». — «Аз есть царь Давыд». И рече бражник: «помниши ли ты, царь Давыд, егда слугу своего Урию[3] послал на службу и веле ево убити, а жену его взял к себе на постелю, и ты в раю живеши, а меня в рай не пущаеши!» И царь Давыд отъиде прочь посрамлен. Бражник начя у врат рая толкатися, и приде ко вратам царь Соломон[4]. «Кто есть толкаетца у врат рая?» — «Аз есть бражник; хощу с вами в раю быти!» Рече царь: «бражником зде невходимо». Бражник рече: «кто еси ты? глас твой слышу, а имени твоего не вем!» — «Аз есмь царь Соломон». Отвещав бражник: «Ты еси Соломон; егда ты был во аде, и тебя хотел господь бог оставити во аде, и ты возопил: „господи боже мой, да вознесетца рука твоя, не забуду убогих своих до конца!“ А се еще жены послушал, идолом поклонился, оставя бога жива, и четыре-десять лет работал еси им; а я, бражник, никому не поклонился, кроме господа бога своего; о чем ты в рай вшел?» И царь Соломон отъиде прочь посрамлен. Бражник же начя у врат рая толкатися, и приде ко вратам святитель Никола[5]. «Кто есть толкущися у врат рая?» — «Аз есть бражник; хощу с вами в раю во царствие внити». Рече Никола: «бражником зде невходимо в рай: им есть мука вечная и тартар[6] неисповедим!» Бражник рече: «зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю: кто еси ты?» Рече Никола: «аз есть Николай». Слышав сия, бражник рече: «ты еси Николай, и помнишь ли: егда святи отцы были на вселенском соборе и обличяли еретиков, и ты тогда дерзнул рукою на Ария[7] безумного; святителем не подобает рукою дерзку быти; в законе пишет: „не уби(й)“, а ты убил Ария треклятого!» Никола, сия слышав, отъиде прочь. Бражник же еще начя у врат рая толкатися, и приде ко вратом Иоанн Богослов, друг Христов, и рече: «кто у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу

с вами в раю быти!» Отвещав Иоанн Богослов: «бражником есть не наследимо царство небесное, но уготованна им мука вечная, что бражником отнюдь невходимо в рай!» Рече ему бражник: «кто есть тамо? зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю?» — «Аз есть Иоанн Богослов». Рече бражник: «а вы с Лукою написали во Евангели: друг друга любляй; а бог всех любит, а вы пришельца ненавидите, а вы меня ненавидите! Иоанне Богослове! либо руки своея отпишись, либо слова отопрись!» Иоанн Богослов рече: «ты еси наш человек, бражник! вниди к нам в рай». И отверзе ему врата. Бражник же вниде в рай и сел в лутчем месте. Святи отцы почяли глаголати: «почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту не мало приступити смели». Отвеща им бражник: «святи отцы! не умеет вы говорить с бражником, не токмо что с трезвым!» И рекоша вси святии отцы: «буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков!» Аминь.

[1] *о чем* — почему.
[2] *царь Давыд* — Давид, царь Израильско-Иудейского государства.
[3] *Урия* — военачальник в войсках царя Давида.
[4] *Соломон* — царь Израильско-Иудейского царства, сын Давида.
[5] *святитель Никола* — особо почитающийся православной церковью архиепископ, живший в IV в. в городе Мир, в Ликии.
[6] *Тартар* — подземное царство.
[7] *Арий* (ум. 336) — священник из Александрии; отверг догматы, провозглашенные I Вселенским собором христианской церкви в Никее; основоположник арианской ереси.

Сочинения протопопа Аввакума

Протопоп Аввакум (1621—1682) — глава раскольников, фанатически отстаивавший свои убеждения и погибший за них на костре, — был талантливым, своеобразным писателем. Ему принадлежат «Житие», «Книга бесед», «Книга толкований», а также послания, челобитные.

«Житие» было написано Аввакумом в 1672—1673 гг., во время заточения в Пустозерске. «Житие» — первое в истории русской литературы произведение автобиографического жанра, в котором особенно ярко выразилось стремление к реализму. Описывая свою жизнь, Аввакум отказывается от традиционных схем. Это находит выражение в новом подходе к изображению человека, в обилии бытовых зарисовок, в пейзажных описаниях, в диалогах героев, а также в языке произведения с его просторечием и диалектизмами.

«Житие» Аввакума проникнуто духом борьбы. Автор страстно отстаивает свои убеждения, обличает врагов. Полемичностью произведения определяются сатирические выпады Аввакума против своих противников.

В «Книге бесед» полемическое рассуждение Аввакума об иконном писании направлено против новых, реалистических исканий в искусстве XVII в., связанных с именами живописца Симона Ушакова и его единомышленника Иосифа Владимирова, автора трактата об искусстве. Эти художники отстаивали новые принципы иконного писания, основанные на стремлении к жизненной правде и достоверности изображаемого. В частности, Ушаков считал необходимым для живописца изучение анатомии человека; Владимиров полагал, что лики на иконах нельзя писать по традиции — «зачаделыми», «темновидными», «мрачными и неподобными», — они должны быть «световидными». Выступление Аввакума против реалистических тенденций в иконописи объясняется стремлением уберечь православную Русь от влияния католического Запада.

Деятельность Аввакума была направлена на защиту старого, отжившего. Однако большое дарование, литературное новаторство делают его творчество выдающимся явлением древней русской литературы. А. М. Горький отмечал: «Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и „Жития“ его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 27. С. 166).

В Хрестоматии отрывки из сочинений Аввакума даются без перевода (см.: *Хрестоматия* по древней русской литературе/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973).

ИЗ «ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»

[ВСТУПЛЕНИЕ]

По благословению отца моего старца Епифания[1] писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами филосовскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет. И Павел[2] пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь». Вот что много рассуждать: ни латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хощет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня грешнаго, а вас всех, рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь.

[НАЧАЛО ЖИЗНИ И ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ]

Рождение же мое в нижегороцких пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове[3]. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа[4]. Отец же мой прилежаще пития хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався доволно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, и я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить в церковь,— имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяще и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божии тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы — тому двадесять лет минуло; и всего тридесять лет, как имею священство.

А егде в попах был, тогда имел у себя детей духовных много,— по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию,— годов будет тому с полтретьятцеть[5].

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица многими грехами обремененна, блудному делу и малакии[6] всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. Падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потому вижу третий корабль, не златом украшен, но разными пестротами,— красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо[7],— его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «твой корабль! на, плавай на нем з женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше разсуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы началник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом[8], до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил его дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник во ино время на мя рассвирипел,— прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустил из зубов своих, и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил ис пистоли,

и божеею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земле закопан[9]. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит[10], и на пути крестили, яко же Филипп каженика[11] древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился,— ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами[12] и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари[13] и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василий Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца[14]. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; а брату моему меншому[15] бояроня Васильева и дочь духовная была. Так-то бог строит своя люди...

Помале паки инии[16] изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и, божию волею, государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской[17]. И тут пожил немного,— только осьм недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб,— пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня ис приказа собранием,— человек с тысящу и с полторы их было,— среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами[18]. Грех ради моих замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят «убить вора... да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал,— ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять

кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, и человек с двадцать, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

[НАЧАЛО БОРЬБЫ]

Посем Никон[19], друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита[20]. А прежде его приезду Стефан[21] духовник, моля бога и постяся седмицу с братьею,— и я с ними тут же,— о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Карнилием, написав челобитную за руками[22], подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю[23]: преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому и всея Руси и радоватися, и прочая. Егда же приехал, с ними яко лис: челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех козням говорить. Егде поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую[24] пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской к Неронову Ивану[25]. А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкве; егды куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место[26]; да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. В памети Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания[27] творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов,— седмицу[28] в полатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал: таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгороцких пределех, потом — Данилу, костромскому протопопу; также сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнитмися[29], Никону отдал. <...>

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМУ. ВИДЕНИЕ В ТЮРЬМЕ]

Таже меня взяли от всенощного Борис Нелединской[30] со стрельцами; человек со мною шестьдесят взяли: их в тюрму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда же розсветало в день недельный, посадили меня на телегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева

монастыря[31], и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен,— сиречь есть захотел,— и после вечерни ста предо мною, не вем ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немножко и штец похлебать,— зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что же ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. На утро архимарит[32] с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернецу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают[33], и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукавого. Сидел тут я четыре недели...

[ССЫЛКА В СИБИРЬ]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила; болную в телеге и повезли до Тоболска; три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами и водою и санми половину пути.

Архиепископ в Тоболске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня; в полтора годы пять государевых слов[34] сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же Антон утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь,— а я вечерню пою,— и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никово не пустил,— один он Струна в церкве вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ременем нарочито-таки; а прочии, человек з двадцеть, всеи побегоша, гонимы духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкве начую, иное к воеводе уйду, а иное

в тюрму просился,— ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах,— опосле на Москве у Павла митрополита ризничим[35] был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг[36]; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие; некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. <...>

Посем указ пришел: велено меня из Тоболска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову. <...>

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох,— поехал на Лену. А как приехал в Енисейской[37], другой указ пришел: велено в Дауры[38] вести — дватцать тысящ и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову[39] в полк,— людей с ним было 600 человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске реке, в воду загрузило бурею дощенник[40] мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало,— одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: «господи, спаси! господи, помози!» И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощеннике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманский порог[41], на встречю приплыли люди иные к нам, а с нами две вдовы — одна лет в 60, а другая и болши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге[42] стал меня из дощенника выбивать: «для-де тебя дощенник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя; утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают[43] гуси и утицы,— перие красное[44],— вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы[45], и лебеди, и иные дикие,— многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие,— во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми и со змиями и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «Человече! убойся бога, седящего на херувимех и призирающего в

безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь»,— и прочая; там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят; взяли мой дощенник и помчали к нему,— версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их; и они, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощенник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп[46]?» И аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан[47] ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши[48] по той же спине семдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж, беспрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощенник оттащить: сковали руки и ноги и на беть[49] кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощь под капелию лежал. <...>

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому болшему — Падуну, река о том месте шириною с версту, три залавка[50] чрез всю реку зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает,— меня привезли под порог. Сверху дождь и снег; а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине,— нужно[51] было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят...

Посем привезли в Брацкий острог[52] и в тюрму кинули, соломки дали. И сидел до филипова поста[53] в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами[54] и собаками жил скован зиму всю. А жена с детми верст з двадцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю,— лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков веле кинуть в студеную тюрму, где я сидал: ночевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери,— руки и ноги ознобил...

Потом доехали до Иргеня озера[55]: волок[56] тут,— стали зимою волочитца. Моих роботников отнял, а иным у меня нанятца

не велит. А дети маленки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту зделал и зиму всю волочился за волок. Весною на плотах по Ингоде[57] реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромный и городовой. Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие,— огонь да встряска, — люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка[58] московская была, не згнила, — по-русскому рублев в полтретьятцеть[59] и больши по-тамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерчереке[60] живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять,— осталось небольшое место: по степям скитающиеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков и лисиц, и что получит,— всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла,— все извод взял, понеже не почину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеся по горам и по острому камению наги и боси, травою и корением перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! *Кто даст главе моей воду и источник слез* да же оплачю бедную душу свою, зле погуби житейскими сластьми? Но помогала нам по Христе бояроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево,— иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех!— иногда робенка погонят — от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уже ей 27 годов,— девицею, бедная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и теперь, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавый». Полно тово; на первое возвратимся. <...>

[ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ СИБИРИ. ТРУДНОСТИ ПУТИ]

Таже с Нерчи реки паки назад возвратились к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошедей не смеем, а за лошедми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится,— кольско гораздо! В ыную пору бредучи, повалилась, а иной томной[61] же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батко, меня задавил?» Я пришел,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти». Она же вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненькая была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их принесла, чтоб-де батько пожаловал,— помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил, корыто им зделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян[62] человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради. <...>

Десять лет он меня мучил или я ево,— не знаю; бог разберет в день века.

Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощенниках со оружием и с людьми плыл, а слышал я, едучи, от иноземцев: дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых и болных и раненых, кои там негодны, человек с десяток, да я с женою и з детми,— семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же бог наставит, ничево не бойся. <...>

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, *яко ничто ж успевает, но паче молва бывает*. Опечаляся, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятством[63] и рече мне: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе: говорить ли мне или молчать? — связали вы меня!» Она же мне говорит: «господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я, — ты же читал, — апостольскую речь: „привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отрешишься, тогда не ищи жены". Аз тя и с детми благословляю: дерзай проповедати слово божие попрежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, — обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом, и, отрясше от себя печалную слепоту, начах попрежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никонияискую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал; и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в ыноземских руках. На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощенником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается: и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали, — медведев[64] я у них накупил, — да и отпустили меня. <...>

[АВВАКУМ В МОСКВЕ]

Таже к Москве приехал, и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря, — все мне ради. К Федору Ртищеву[65] зашел: он сам из полатки выскочил ко мне: благословился от меня, и учали говорить много-много, — три дня и три нощи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: «жив гос-

подь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кареты высунется, бывало, ко мне. Таже и вся бояря после ево челом да челом: «протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере, аз же вся сия яко уметы[66] вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет. <...>

[ПУСТОЗЕРСКАЯ ССЫЛКА]

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьмя замками; *стражие же пре(д) дверми стрежаху темницы.* Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на матерь Вирсавию[67]: се еси добра, прекрасная моя, се еси добра, любимая моя, очи твои горят, яко пламя огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей. <...>

Таже Пилат[68], поехав от нас, на Мезени дострояя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею хотят в веру приводить. Но господем реченно ко апостолом сице: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет». Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жечь и на виселицах вешать. Татарский бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокараящихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны яко шиши[69] антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»: от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много гово-

рить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, перекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не разсуждай много! А я с тобою за сие о Христе умрети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неука человек, та то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положенно: лежи оно так во веки веком!

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

[ОБ ИКОННОМ ПИСАНИИ]

<...> По попущению божию умножися в нашей русской земли иконнаго писма неподобнаго изуграфы[70]. Пишут от чина меншего, а велиции власти соблаговоляют им, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившися, по писанному: слепый слепца водяй, оба в яму впадутся, понеже в нощи неведения шатаются; а ходяй во дне не поткнется, понеже свет мира сего видит, еже есть: просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования[71] еретическая и потонку разумевает[72] вся нововводная, не увязает в советех, яже умышляют грешнии. Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надуты, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя[73]. Христос же бог наш тонкостны чювства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в «Маргарите»[74] слово Златоустаго на рожество богородицы; в нем писано подобие Христово и богородично: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя писать, устрояет все по-фряжьскому, сиречь по-немецкому. Якоже фрязи пишут образ благовещения пресвятыя богородицы, чреватую, брюхо на колени висит,— во мгновении ока Христос совершен во чреве обретеся! А у нас в Москве в «Жезле» книге[75] написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретеся совершен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесяти лет. Вот смотрите-су, добрыя люди: коли з зубами и з бородою человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: бывало ли то от века? Пуще оне фрягов тех напечатали, враги божии. Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святии научают нас, Иван Дамаскин[76] и прочии: в членах, еже есть в составех, Христос, бог наш, в зачатии совершен обретеся, а плоть его пресвятая по обычаю девятоме-

сячно исполняшеся; и родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет. Вот, иконники учнут Христа в рожестве з бородою писать, да и ссылаются на книгу ту: так у них и ладно стало. А богородицу чревату в благовещение, яко же и фрязи поганыя. А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стулчики. Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступов и обычаев!..

[1] *Епифаний* — раскольник, находившийся вместе с Аввакумом в заключении в Пустозерске.

[2] *Павел* — в христианской мифологии один из апостолов, проповедник христианства.

[3] *Григорово* — ныне село в Большемурашкинском районе Горьковской области; *Кудма* — приток Волги.

[4] *инока Марфа* — инокиня, монахиня; здесь: после пострижения в монахини получила имя Марфа.

[5] двадцать пять.

[6] *малакия* — разврат.

[7] *пепелесо* — пепельного цвета.

[8] *сонмом* — здесь: с толпой.

[9] Жена Аввакума и двое его сыновей, Иван и Прокопий, находились в земляной тюрьме на Мезени.

[10] *...амо же бог наставит* — куда бог велит.

[11] Имеется в виду крещение апостолом Филиппом по пути из Эфиопии в Газу каженика (скопца) эфиопской царицы.

[12] *домра* — народный музыкальный инструмент.

[13] *ухарь* — маска.

[14] *бритобрадец* — бреющий бороду.

[15] *...моему меньшему* — младшему брату Аввакума, Евфимию Петрову.

[16] *...паки инии* — опять другие.

[17] *Юрьевец-Повольский* — город на берегу Волги, ныне г. Юрьевец Ивановской области.

[18] *с рычагами* — здесь: с кольями, с дубинами.

[19] *Никон* — русский патриарх в 1652—1666 гг.

[20] Речь идет о перенесении мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву.

[21] *Стефан* — Стефан Вонифатьев, с 1645 г. протопоп московского Благовещенского собора, духовник царя Алексея Михайловича.

[22] *за руками* — с собственноручной подписью.

[23] Послание царя Алексея Никону, тогда митрополиту Новгородскому, о смерти патриарха Иосифа в 1652 г.

[24] *крестовая* — зала для приемов в патриаршем дворе.

[25] *Иван Неронов* — выдающийся проповедник, учитель Аввакума, с 1646 г. протопоп московского Казанского собора.

[26] *...к Спасу, на Силино покойника место* — речь идет о предполагавшемся назначении Аввакума настоятелем дворцовой церкви Спаса на Бору вместо умершего протопопа Силы.

[27] *метания* — земные поклоны.

[28] *седмица* — неделя.

[29] *мнитмися* — думается мне.

[30] *Борис Нелединский* — патриарший боярин.

[31] *Андроньев монастырь* — Спасо-Андроников монастырь в Москве.

[32] *архимарит* (архимандрит) — настоятель мужского монастыря.

[33] *торгать* — дергать.

[34] *...пять государевых слов* — доносы с обвинением в государственной измене.

[35] *ризничий* — тот, кто заведует церковным имуществом.

[36] Аввакум был расстрижен 13 мая 1666 г.

[37] В Енисейский острог.

[38] *Дауры* (Даурия) — старинное название местности к востоку от озера Байкал.
[39] *Пашков* — енисейский воевода.
[40] *дощенник* (дощанник) — большая плоскодонная лодка.
[41] *Шаманский порог* — порог на реке Ангаре.
[42] *Долгий порог* — порог на реке Ангаре.
[43] *витать* — здесь: обитать.
[44] *перие красное* — здесь: красивое перо.
[45] *бабы* — здесь: возможно, пеликаны.
[46] *роспоп* — расстрига.
[47] *чекан* — топор.
[48] *разболокши* — раздев.
[49] *беть* — бревно поперек барки для скрепления бортов.
[50] *залавок* — уступ.
[51] *нужно* — здесь: трудно.
[52] *Братский острог* — острог на реке Ангаре, у порога Падуна.
[53] *филиппов пост* — см. примеч. 27 к «Хожению за три моря» Афанасия Никитина.
[54] *аманат* — заложник.
[55] *Иргень* — озеро к востоку от Байкала.
[56] *волок* — пространство земли между двумя реками, по которому переволакивают лодки и грузы с одной реки на другую.
[57] *Ингода* — река в Забайкалье.
[58] *однорядка* — однобортный женский кафтан.
[59] Двадцать пять.
[60] *Нерча* — приток Шилки.
[61] *томной* — утомившийся.
[62] *Козма и Дамиян* (Козьма и Дамиан) — канонизированы византийской церковью, считались целителями людей и животных.
[63] *со опрятством* — с осторожностью.
[64] Здесь: залежавшегося товару.
[65] *Федор Ртищев* — покровитель Аввакума, приближенный царя Алексея Михайловича, отличался веротерпимостью.
[66] *умети* — здесь: грязь, помет.
[67] *Вирсавия* — жена царя Давида, мать царя Соломона.
[68] *Пилат* — так Аввакум называет стрелецкого подполковника Ивана Елагина, жестоко расправлявшегося с пустозерскими узниками.
[69] *шиш* — соглядатай.
[70] *изуграф* — иконописец.
[71] *кобь* — волхование, гадание по приметам; *козни* — хитрые и злонамеренные проделки, лукавство, хитрость.
[72] *...потонку разумеваст* — тонко понимает.
[73] *...опровергоша долу горняя* — отбросил прочь возвышенное.
[74] *«Маргарит»* — собрание поучений Иоанна Златоуста.
[75] Имеется в виду «Жезл правления» Симеона Полоцкого — полемический трактат против раскольников.
[76] *Иван* (Иоанн) *Дамаскин* (конец VII — начало VIII в.) — христианский богослов и писатель, активно выступал против иконоборчества; причислен церковью к лику святых.

Сочинения Симеона Полоцкого

Симеон Полоцкий (Петровский, 1629—1680) — выдающийся деятель русской культуры второй половины XVII в. Приехав в 1664 г. в Москву из Полоцка, он выступил как педагог, поэт и драматург, а также как пропагандист просвещения и книгопечатания.

Полоцкий упорядочил виршевую поэзию, он основоположник русского силлабического стихосложения. Полоцкому принадлежат два сборника: «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный», заключающие в себе стихотворения и две драмы: «Комедия притчи о блудном сыне» и «Комедия о царе Навуходоносоре».

Школьная драма «Комедия притчи о блудном сыне» создана на основе евангельской притчи. Евангельскому сюжету Полоцкий придает злободневное для своего времени содержание: так же, как и в бытовой повести XVII в., здесь находит отражение стремление молодежи к новой, самостоятельной жизни.

Полоцкий — автор панегирических стихотворений, посвященных членам царской семьи, а также написанных по поводу различных событий придворной жизни. Эти стихотворения предвосхищают тематику и стиль похвальной оды классицизма XVIII в. Полоцкого называют родоначальником московского барокко, первого европейского стиля, представленного в русской культуре (см.: *История* русской литературы: В 4 т./Под ред. Д. С. Лихачева, Г. П. Макогоненко. М., 1980. Т. 1; *История* русской литературы X—XVII веков. М., 1980).

В Хрестоматии стихотворения Симеона Полоцкого, а также фрагменты из пьесы и интермедия даются без перевода [см.: *Хрестоматия* по древней русской литературе/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973. («Монах»); *Полоцкий С.* Избр. соч. М., 1953 («День и нощь»)].

«МОНАХ»

Монаху подобает в келии седети,
  Во посте молитися, нищету терпети,
Искушения врагов силно побеждати
  И похоти плотския труды умерщвляти, —
Аще хощет в небеси мзду вечную взяти,
  Неоскудным багатством преобиловати.
Пагубно же оному по граде ходити,
  Из едина в другий дом переходяще пити.
Но увы безчиния! Благ чин погубися,
  Иночество в безчинство в многих преложися.
О честных несть зде слово: тыя почитаю,
  Безчинныя точию с плачем обличаю.
Не толико миряне чреву работают,
  Елико то монаси поят, насыщают.
Постное избравши житие водити,
  На то устремишася, дабы ясти, пити...
Множицею [1] есть зрети по стогнам [2] лежащих,
  Изблевавших питие и на свет не зрящих,
Мнози колесницами возими бывают,
  Полма [3] мертвии суще, народ соблазняют.
Мнози от вина буи скверномсловят зело,
  Лают, клевещут, срамят и честныя смело...
Оле [4] развращения! ах, соблазнь велика!
  Како стерпети может небесе владыка!
В одеждах овчих волци хищнии бывают,
  Чреву работающе, духом погибают.
Узриши еще в ризы красны облеченны,
  Иже во убожество полное стрижени.
Ни жених иный тако себе украшает,
  Яко инок несмысленный, за что погибает,
Ибо мысль его часто — да от жен любится;
  Под красными ризами, увы! дух сквернится,
Таковии ко женам дерзают ходити,
  Дружество приимати, ясти же и пити;

Сродство себе с онеми ложне поведáют,
Или тетки, матери, сестры нарицают...
Престаните, иноцы, сия зла творити,
Тщитеся древним отцем святым точни[5] быти. —
Да идеже они суть во вечной радóсти!
Будете им общнии присныя[6] сладóсти!

«ДЕНЬ И НОЩЬ»

1. ДЕННИЦА

Темную нощь денница светла рассыпает,
красным сиянием си день в мир впровождает,
Нудит люди к делу: ов в водах глубоких
рибствует, он в пустынях лов деет широких,
Иный что ино творит. Спяй же на день много
бедне, раздраноризно поживает убого.

2. ПОЛУДЕНЬ

Оже среде небесе солнце бег свой деет,
палит нивы, а скоты лучми зело греет,
Иже в сени при водах от трудов хладятся,
жнеци пищею и сном по трудех крепятся, —
Так, естество отчески строит еже быти,
закон всем пишет вещем нуждный[7] сохранити.

3. ВЕЧЕР

Як заря день вещает, так нощь вечер вводит,
в хлевину си скот идет, орач[8] в дом приходит;
Рало оставив, хлебом стомах[9] укрепляет,
утружденные силы пищми обновляет;
Таже сном сладким плоть си покоит стружденну, —
сон бо богом дадеся в покой труду дневну.

4. НОЩЬ

Нощь мрачная тму страшну на землю наводит,
Изветы[10] часто, злобы и поводы родит
В готовых на вся злая, что злый ум вмещает.
Обаче своя игры, утехи нощь знает,
Временем есть полезна; но мудрый блюдется
Тмы нощныя, день любит, да в ней не преткнется[11].

[1] *множицею* — часа.
[2] *по стогнам* — по площадям и улицам.
[3] *полма* — наполовину.
[4] *оле* — увы.
[5] *точни* — подобны.
[6] *присный* — истинный.

[7] *нуждный* — необходимый.
[8] *орач* — пахарь.
[9] *стомах* (греч.) — желудок.
[10] *изветы* — наговор, клевета.
[11] *преткнуться* — споткнуться.

«КОМИДИЯ ПРИТЧИ О БЛУДНЕМ СЫНЕ»

ПРОЛОГ

Благороднии, благочестивии,
  Государие премилостивии!
Не тако слово в памяти держится,
  Яко же аще что делом явится.
Христову притчю действом проявити
  Здесь умыслихом и чином вершити.
О блуднем сыне вся речь будет наша,
  Аки вещь живу, узрит милость ваша.
Всю на шесть частей притчю разделихом.
  По всяцей оных [1] нечто примесихом
Утехи ради, ибо все стужает [2],
  Еже едино без премен бывает.
Изволте убо милость си явити,
  Очеса и слух к действу приклонити:
Тако бо сладость будет обретенна,
  Не токмо сердцам, но душам спасенна.
Велию [3] ползу может притча дати,
  Токмо изволте прилежно внимати.

ЧАСТЬ 1

[Отец делит свое состояние между сыновьями. Старший сын остается с отцом. Младший просит отца отпустить его из дома.]

С ы н с т а р ш и й *глаголет к отцу:*

Отче мой драгий! отче любезнейший!
  Аз есмь по вся дни раб ты смиреннейший;
Не смерти скоро аз желаю тебе,
  Но лет премногих, яко самому себе.
Честнии руце твои лобызаю,
  Честь воздаяти должну обещаю,
Уст твоих слово в сердци моем выну [4]
  Сохраню, яко подобает сыну.
На твое лице хощу выну зрети,
  Всю мою радость о тебе имети.
Во ничто злато и сребро вменяю,
  Паче [5] сокровищ тебе почитаю.
С тобою самым изволю жити,
  Неже [6] всем златом обогащен быти.
  Ты моя радость, ты ми совет благий,

Ты моя слава, отче мой предрáгий!
Вижду аз светло[7], како нас любúши,
Егда[8] твоих благ общники[9] твориши.
Несмъ аз достоин[10] тоя благодати,
За твой труд и нам бог то волит[11] дати.
Благодарствие убо возсылаю
Богу, а твои руце лобызаю.
Любо[12] приемля благословение,
Обещая ти повиновение,
Желаю выну аз с тобою быти,
В обоем щасти[13] с отцем моим жити.
Всякия труды готов подимати,
Отчия воли прилежно слушáти.
Весь аз твой раб есмь, рад выну служити;
В послушании живот мой кончúти.

О т е ц *к сыну старейшему:*

Буди на тебе благословение
Бога всесилна за то смирение!
Ты обещался с нами пребывати,
Бог имать на тя милость излияти.

С ы н ю н е й ш и й *к отцу:*

Радóсти наша, сынов твоих славо,
Между пречестных честнейшая главо,
Отче любезный, нам данный от бога,
Живи в радóсти здрав на лета многа!
Благодарствие тебе возсылаем
За милость, юже днесь[14] от тебе знаем.
Мудрость словес ти любезно прияхом,
В скрижалех сердец наших написахом.
Еже[15] велиши, того мы желаем;
А бог поможет, тако уповаем.
Поучаеши нас благо пожити
И славу рода нашего множúти, —
Вседушно того аз, сын твой, желаю,
Попечение о том полагаю.
Брат мой любезный избра в дому жити,
Славу в пределах малых заключити.
Бог ему в помощ при твоей старóсти
Изжити лета красныя юнóсти!
Вящщая[16] мой ум в ползу промышляет,
Славу ти в мир весь простерти желает,
Идеже восток и где запад солнца,
Славен явлюся во вся мира кóнца.
От мене дому расширится слава,
И радость примет отчая ти глáва.
Точию[17] изволь милость си явити,
Уму моему помощ сотворити.

Вся нам даеши, несть требе толико,
Часть мне достойну отдаждь [18], мой владыко,
Ею же имам много пристяжати [19].
Всякая страна имать нас познати:
Свещи под спудом [20] не лепо стояти,
С солнцем аз хощу тещи [21] и сияти.
Заключение видит ми ся быти, —
В отчинной стране юность погубити.
Бог волю дал есть: се птицы летают,
Зверие в лесах волно пребывают.
И ты мне, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу, весь мир посещати.
Твоя то слава и мне слава будет,
До ко́нца мира всяк нас не забудет.
И егда даст бог везде посетити,
Воскоре имам в дом си возвратити [22]:
В славе и чести тогда радость те́бе
Будет на земли и ангелом в небе.
Не медли, отче! Часть ми изволь дати,
Благословенство свое излияти:
Путь бо мой близ есть, мысль моя готова,
Токмо от тебя жду отческа слова.
Даждь ми десницу твою целовати,
Абие хащу путь мой начинати.
Что стяжу в дому? Чему изучуся?
Лучше в странствии умом сбогачуся.
Юньших от мене [23] отци посылают
В чюждыя страны, потом ся не кают...
[Отец отпускает младшего сына из дома.]

ЧАСТЬ 2

Изыдет Блудный сын с немноги слугами и глаголет:

Хвалю имя господне, светло прославляю,
Яко свободна себе ныне созерцаю.
Бех у отца моего, яко раб плененный,
Во пределах домовых, як в турме замкненный.
Ничесо бяше свободно по воли творити:
Ждах обеда, вечери [24], хотяй ясти, пити;
Не свободно играти, в гости не пущано,
А на красная лица зрети запрещано,
Во всяком деле указ, без того ничто же.
Ах! Колика неволя, о мой святый боже!
Отец, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даяше.
Ныне, слава богови, от уз освободихся,
Егда в чужую страну едва отмолихся.
Яко птенец из клетки на свет изпущенный;
Желаю погуляти, тем быти блаженный [25].

Богатство имам много и доволно хлеба,
Несть кому его ясти, слуг болши потреба.
Аще ся кто обрящет охотник служити,
Имам сладце питати и ценно платити.

Слуга Блуднаго

Милостивый государь! аз хощу искати
Таковых, иже тебе будут работати.

Блудный

Друг ми будеши, не раб, егда со слугами
Многими немедленно **станеши пред нами.**
Возьми на путь сто рублев, за труды другое;
Егда возвратишися, дам ти еще втрое.

Слуга

Аз иду; ты, государь, изволь ожидати,
Имам ти со слугами абие предстати.

***Слуга** за завесу, а Блудный сядет на стольце и к слугам глаголет:*

Не добро богатому мало слуг имети:
С ким имам ясти, пити? Кто нам будет пети?
Прискорбно ми есть без слуг. Вина чашу дайте,
Сами по десяти чаш полных испивайте.

Он будет пити, и слуги, наполнивши (чаши), держат в руках, и един от них глаголет:

Те чаши испиваем мы за тебе, света.
Буди, государь, наш, здрав на многа лета!

***Зде, пивше,** запоют: «на многа лета!» В то время приидет Слуга, искавый новых слуг, с многими слугами и речет:*

Радуйся, государю! Светло веселися!
Сей раб твой со многими слуги возвратися.

Блудный

Добре, о благий рабе! Прими себе зá то,
Яко же обещах ти, сребро или злато.
Но повеждь[26] ми, что сии искусни творити.
Аз готов комуждо[27] сто рублев платити

Слуга, *искавый слуг, глаголет:*

За мзды воздание ручку ти целую,
О сих людях искусных верно извествую,
Яко вси суть потребни в пути, в людех, в дóму:
Пити, ясти, шутити обычай всякóму.

Блудный

Ха! ха! ха! Ха! ха! ха! То добрии люди.
Слыш! Даждь[28] им по сту рублев; дай же, не забуди!

С л у г а н о в ы й *глаголет:*

Преблагий государю! За то ся кланáем,
А в услугах наших верность обещаем.

Б л у д н ы й

Добре, слузи вернии! Ну же возвеселимся!
Общая днес нам радость, вином прохладимся.
Сядите, слузи мои! Вина наливайте,
А за наше здравие до дна испивайте.
Кто из вас в зерни[29] умеет, той сяди со мною,
Прочии в карты, в тавлеи[30] играйте с собою;
Аще кто проиграется, та на мне утрата;
Аще кто добре выиграет, за труд гривна злата.

С л у г а - з е р н щ и к

Аз бывах искусен зернию играти,
С тобою, государь, не хощу дерзати.

Б л у д н ы й

Сяди, брате, со мною: дерзай, як у брата;
Аще обыграеши, сто рублев заплата.
А вы, прочии друзи, весело играйте,
Мои богатства вземше, смело проигравайте.

И так сядут играти, будут похищати добро Блуднаго и проигравати.

а **Б л у д н ы й** *речет к зернщику:*

Добре играеши, се сто рублев тéбе;
Но щастия ради напиймыся сéбе.

И напиваются.

З е р н щ и к

Еще ли, государь, изволиш играти?

Б л у д н ы й

Подвеселил есм сéбе, лучше пойду спати.

З е р н щ и к *к прочим играющим:*

Востаните, братие, добре послужите,
Государя своего на постель ведите.

Е д и н о т и г р а в ш и х *речет:*

Встаним, друзи, и пойдем: время почивати,
Уж благодетель наш изволил престати.

И тако Блудный сын пойдет, сланяяся, а за ним вси. Певцы поют, и буди intermedium.

ЧАСТЬ 3

Изыдет Блудный сын похмелен, слуги различно утешают; он обнищает.

ЧАСТЬ 4

Изыдет Блудный гладен, продает последнюю одежду, облекается в рубище, службы ищет, пристает к господину, посылается свиния пасти, пасет, яст со свиниами, свинию погубил, биен; ищет и, плача, глаголет: «Коль много хлеба у отца моего» и проч.

Блудный *глаголет:*

Увы мне! Увы! Что имам творити?
 Свини погубих, хотят мя убити.
Гладом и хладом весма помираю
 И бичми люте посечен бываю.
О коль бе благо в дому отчим быти,
 Нежели в страны чюждыя ходити!
Хлеб у наемник[31] тамо избывает,
 А мое чрево гладом погибает.
Пойду ко отцу, до ног поклонюся,
 Глаголя сице, пред ним умилюся;
«Отче! согреших на небе и к тебе,
 Прими мя поне[32] в наемника себе.
Несмь бо достоин сын твой нарещися».
 О даждь ми, боже, к отцу довлещися![33]

И пойдет за завесу. Ту пение и intermedium, по нем пение паки.

ЧАСТЬ 5

Изыдет Отец Блудного сына, печалуяся о сыне; сын возвращается и проч.

ЧАСТЬ 6

Изыдет Блудный одеян и честен, хвалит бога, яко возвратися.

ЕПИЛОГ

Благороднии, благочестивии,
 Государие премилостивии!
Видесте притчю, Христом изреченну,
 По силе делом днесь воображенну[34],
Дабы христовым словам в сердцах быти
 Глубже писанным, чтобы не забыти.
Юным се образ старейших слушати,
 На младый разум свой не уповати;
Старим — да добре наставляют,

Ничто на волю младых не спущают;
Найпаче образ милости явися,
В нем же божая милость вобразися,
Да и вы богу в ней подражаéте,
Покаявшимся удобь прощаете
Мы в сей притчи аще согрешихом,
Ей, огорчити никого мыслихом;
Обаче молим — изволте простити,
А нас в милости господстей хранити,
За что хранени будете от бога
В милости его на лета премнога.

Ту вси, изшедше, поклоняются, а мусикия запоет, и тако разыдутся гости.

Конец и богу слава.

ИНТЕРМЕДИЯ

Выходит Пьяница *и глаголет:*

Благий обычай у честных бывает:
Кто больши любит, больше испивает.
Такову любовь аз хощу явити,
О твоем здравии сию чашу пити.

Блудный *речет*:

О мой любезный! како ти воздати
И слово твое мило зело вняти?
Се сто червонных в чашу полагаю;
Аще испиешь, тебе их вручаю.
Но мой любезный, потщися испити,
Радости сердцу моему приложити.

Пьяница

Здрав, господине, буди многа лета!
Испию до дна ради тебе, света.

Та чаша первие наполнена яве, а потом тайно источится, юже он подъем праздну, аки испиет; потом взем деньги повалится и речет:

Блудный

Возмите его, спати отведите;
Да целы будут златницы [35], блюдите.

Слуга, возьмет пьяного и на сторону положит; он плачет, аки умирати. Придет демон, возьмет душу и отнесет во ад, а слуга един, посмотрев мертваго, бежит к Блудному и речет:

Честны господине! брат наш умирает,
Напився сладце, душу изрыгает.

Блудный

Земля велика, есть где сохранити.
Испил сто златниц, можно гроб купити.

Собеседник *к тому слузе речет:*

Слушай, мой брате: шед, погреби тело,
Мы с господином поседим весело.

Той слуга поидет а в яму кинет тело мертваго, а господин с другим другом далее веселятся.

Ту треба закрывати.

1 *...по всяцей оных* — после каждой из них.
2 *стужает* — надоедает.
3 *велию* — большую.
4 *выну* — всегда.
5 *паче* — более, лучше.
6 *неже* — чем, нежели.
7 *светло* — ясно.
8 *егда* — когда.
9 *общники* — участники.
10 *...несмъ аз достоин* — я не достоин.
11 *волит* — соблаговолит.
12 *любо* — желаемое.
13 *...в обоем щасти* — за одно.
14 *днесь* — сегодня.
15 *еже* — что.
16 *вящщая* — большего.
17 *точию* — только.
18 *отдаждь* — отдай.
19 *пристяжати* — приобретать.
20 *свещи* — свече; *под спудом* — под сосудом.
21 *тещи* — двигаться, ходить.
22 *...воскоре имам в дом си возвратити* — скоро возвращусь к себе домой.
23 *...юньших от мене* — моложе меня.
24 *вечери* — ужина.
25 *блаженный* — счастливый.
26 *повеждь* — поведай.
27 *комуждо* — каждому.
28 *даждь* — дай.
29 *зернь* — игра в зерна.
30 *тавлеи* — игра в шашки или кости.
31 *наемник* — работник.
32 *поне* — по крайней мере.
33 *довлещися* — дойти, добраться.
34 *воображенну* — изображенную, разыгранную.
35 *златницы* — золотые монеты.

Сочинения Сильвестра Медведева

Сильвестр Медведев (1641—1691) — образованнейший человек своего времени, справщик и книгохранитель Печатного двора. После смерти своего учителя Симеона Полоцкого Медведев выступил как придворный поэт. Ему принадлежат стихотворения: «Приветство брачное» (по поводу женитьбы Федора Алексеевича), «Плач и утешение» (в связи с его кончиной), «Подпись к портрету царевны Софьи» и др. Как активный участник политической борьбы конца XVII в., дея-

тельный защитник и приверженец царевны Софьи, он был казнен **по указу Петра I.**

В Хрестоматии стихотворение «Эпитафион» дается без перевода (**см.:** ***Хрестоматия*** **по древней** русской литературе/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973).

«ЕПИТАФИОН»

Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися:
Учитель бо зде токмо един таков бывый,
Богослов правый, церкве догмата хранивый.

Муж благоверный, церкви и царству потребный,
Проповедию слова народу полезный, —
Симеон Петровский [1] от всех верных любимый,
За смиренномудрие преудивляемый.

Им же польза верные люди наслаждала,
Незлобие же, тихость, кротость удивляла;
В нем же вера, надежда, любы пребываше,
Молитва, милостыня, пост ся водворяше.

Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
Мерность же и мужество опасно блюденна;
Многими дары богом бе преодаренный,
Непамятозлобием весьма украшенный.

Иеромонах честный, чистоты любитель,
Воздержания в слове и в деле хранитель
Ни о чесом же ином оный промышляше,
Но еже церковь, нашу мать, увеселяше.

Не хоте ино божий раб что глаголáти,
Токмо что пользу может ближним создати;
Ничесоже ина творити любляше,
Точию еже богу непротивно бяше.

Иже труды си многи книги написал есть
И под разсуждение церковное дал есть;
С церковию бо хоте согласен он быти,
И ничтоже противно церкве мудрствовати.

Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
Учением правым то миру показаше;
В защищение церкве книгу Жезл создал есть,
В ея же пользу Венец и Обед издал есть.

Вечерю, Псалтырь стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием [2]
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
В научение роду российску явивый.

Обаче и сего смерть от нас похитила,
Церковь и царство пользы велия лишила,
Его же пользы ныне людие лишенны,
Зри сего в гробе сем кости положенны.

Душу же вручил в руце богу всемогущу,
Иже благоволил ю дати, везде сущу,
Да примет ю яко свое создание,
И исполнит вечных благ его желание.

Телом со избранными даст ему возстати,
С ними же в десней стране в веселии стати
И внити в вечную небесную радость,
Неизглаголанную тамо присно сладость.

[1] Имеется в виду Симеон Полоцкий.

[2] Здесь перечисляются книги Симеона Полоцкого: «Жезл правления», «Венец веры кафолическия», «Обед душевный», «Вечеря душевная», «Псалтирь рифмованная» и «Вертоград многоцветный».

Сочинения Кариона Истомина

Карион Истомин (1650—1717) — один из первых московских просветителей, ученик Симеона Полоцкого, переводчик с латинского языка, поэт, автор педагогических сочинений. Им были написаны две стихотворные учебные книги для царевича Алексея: «Малый букварь» (1694), «Большой букварь» (1696), а также «Книга вразумления» и книга «Полис» — стихотворная энциклопедия, в которой содержится характеристика наук, стран света, времен года и т. д. Много стихотворений посвящает Истомин событиям придворной жизни, царской семье. Книга панегирических стихотворений была поднесена Истоминым царевне Софье в 1681 г. В отрывке из приветствия Софье Истомин просит царевну способствовать распространению наук, просвещения.

В Хрестоматии отрывок из стихотворения «Приветствие царевне Софье Алексеевне» и стихи из «Малого букваря» даются без перевода (см.: *Хрестоматия по древней русской литературе*/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973).

«ПРИВЕТСТВИЕ ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ»

Благородная София царевна,
Госпожа княжна Алексиевна!
Пречестна дева и добросиянна,
В небесную жизнь богом произбранна!
Мирно и здраво от господа света
Буди хранима в премного лета.
Убо мудрость есть, росски толкована,
Еллински от век Софиею звана.
Любители той философы звались
И добронравством тоя украшались.
От онуду[1] же древле любомудрых
Во учении зело многотрудных,
Рекший, разуму прилагая себе,
Приложит болезнь, приим труд на себе,

Радостно сице беседу творяше
Рачитель бых той доброты вещаше,
Она бо учит правде и мужеству,
Наипаче же божию дружеству,
Их же требнее[2] ничто человеком,
Текущим присно к предрадостным веком;
Мудростно бо вси цари царствуют
И вси вельможи добре начальствуют,
Мудростно же вся управляются,
И о том люди вси утешаются;
Ею здравствуют удобь человецы,
Исчисляются времена и вецы;
Ею по морю плавают удобно
Во время люто и зело безгодно[3].
Ею живущи люди благочестно
К богу очима смотрят непрелестно;
Ею девственны вельми хранят цветы
И чисты сердцем зрят божия светы;
Ею в мире вся блага бывают,
Разум, богатство люди обретают.
Мудрости бо несть подобие кое,
Яко гонит лесть и всякое злое.
Каменье драго пред нею меньш песок,
Понеже тоя чист разум высок,
Разум подает и в добро охоту,
Токмо да любит всяк ея добро́ту.
В юности искавшь невесту водити
Не устыдеся о ней возгласити:
Ничто же убо бог благий возлюбит,
Точию сего, иже дней не губит:
Но с мудростию присно пребывает
И конец всех дел известно смотряет.
Зде во велице России издавна
Мудрость святая пожеланна славна:
Да учатся той юнейшыя дети
И собирают разумные цвети;
Навыкнут же той совершении мужи,
Да свободятся от всякия нужи...

ИЗ «МАЛОГО БУКВАРЯ» (ПОД БУКВОЙ «К»)

Како кто хощет видом си познати,
В первых вещей сих будет то писати.
Киты суть в морях, кипарис на суши
Юный, отверзай в разум твоя ушы.
В колесницу сядь, копием борися,
Конем поезжай, ключем отоприся.
Корабль на воде, а в дому корова,
И кокошь в требу, и людем здорова.

Отложи присно тщеты недосуги,
Колокол слушай, твори в небе други[4]!

[1] *онуду* — оттуда, с тех пор.
[2] *требнее* — нужнее.
[3] *безгодно* — тяжелое.
[4] При каждой букве в этом букваре выгравированы различные предметы, название которых начинается с данной буквы; при букве «К» изображены: кит, кипарис, колесница, копье, конь, ключ, корабль, корова, кокошь (курица) и колокол.

Список рекомендуемой литературы

Маркс К. Письмо к Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 г.//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 29.
В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976.
Горький М. Разрушение личности//Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24.
Белинский В. Г. [Статьи о народной поэзии]//Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1954. Т. 5.

Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1972.
Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1966.
История русской литературы XVII—XVIII веков. М., 1969.
История русской литературы X—XVII веков/Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980.
История русской литературы: В 4 т./Под ред. Д. С. Лихачева, Г. П. Макогоненко. М., 1980. Т. 1.
Кусков В. В. История древнерусской литературы. 4-е изд. М., 1982.
Прокофьев Н. И. Древняя русская литература: Хрестоматия. М., 1980.
Хрестоматия по древней русской литературе/Сост. Н. К. Гудзий. М., 1973.

«Повесть временных лет»

Еремин И. П. Литература Древней Руси. М., 1966.
Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947.
Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк//Повесть временных лет. М., 1950. Ч. 2.
Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона

Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975.
Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о Законе и Благодати»//Тр. Отдела древнерусской литературы. 1961. Т. 8.

«Сказание о Борисе и Глебе»

Воронин Н. Н. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор//Тр. Отдела древнерусской литературы. 1957. Т. 8.
Еремин И. П. Литература Древней Руси. М., 1966.

«Поучение» Владимира Мономаха

Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975.
Орлов А. С. Владимир Мономах. М., 1946.

«Слово о полку Игореве»

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия//Слово о полку Игореве. М. — Л., 1950.

Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М., 1960.

Лихачев Д. С. Когда было написано «Слово о полку Игореве»//Вопр. литературы. 1964. № 8.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». 2-е изд. М., 1982.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

«*Слово* о полку Игореве» и памятники куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова»/Под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М. — Л., 1966.

«Моление» Даниила Заточника

Воронин Н. Н. Даниил Заточник//Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967.

Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления Даниила Заточника»//Тр. Отдела древнерусской литературы. 1954. Т. 10.

Повести о монголо-татарском нашествии

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века: «Слово о погибели Русской земли». М. — Л., 1965.

Водовозов Н. В. Повесть о битве на реке Калке//Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1957. Т. 67. Вып. 6.

Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче//Тр. Отдела древнерусской литературы. 1949. Т. 7.

Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем//Воинские повести древней Руси. М. — Л., 1949.

Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 2.

Пашуто В. Т. Александр Невский. 2-е изд. М., 1975.

«Задонщина»

Адрианова-Перетц В. П. Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина)//Воинские повести Древней Руси. М. — Л., 1949.

Ржига В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в.//Повести о Куликовской битве. М., 1959.

«Житие Стефана Пермского», написанное Епифанием Премудрым

Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М., 1962.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина

Адриачова-Перетц В. П. Афанасий Никитин — путешественник-писатель//Хожение за три моря Афанасия Никитина. 2-е изд. М., 1958.

«Сказание о князьях Владимирских»

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М. — Л., 1955.

Сочинения Ивана Пересветова

Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М. — Л., 1947.
Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.
Зимин А. А. И. С. Пересветов и его сочинения//*Пересветов И.* Сочинения. М. — Л., 1956.
Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность//*Пересветов И.* Сочинения. М. — Л., 1956.

Переписка Ивана Грозного с князем Андреем Курбским

Лихачев Д. С. Иван Грозный — писатель//Послания Ивана Грозного. М. — Л., 1951.
Скрынников Р. Г. Переписка Ивана Грозного с Курбским. М., 1973.

Исторические повести

Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М. — Л., 1960.
Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
Робинсон А. Н. Повесть об Азовском взятии и осадном сидении//Воинские повести Древней Руси. М. — Л., 1949.

Бытовые повести

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
Скрипиль М. О. Повесть о Горе-Злочастии//Русская повесть XVII века. М., 1954.

Сатирические повести

Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры//Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд. М., 1977.

Сочинения протопопа Аввакума

Гусев В. Е. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века//Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960.
Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: Творческая история произведения, Л., 1974.
Жуков Д. А. Огнеопальный. М., 1979.
Жуков Д. А., Пушкарев Л. Н. Русские писатели XVII века. М., 1972.
Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963.

Сочинения Симеона Полоцкого

Еремин И. П. Симеон Полоцкий — поэт и драматург//Полоцкий С. Избр. произв. М. — Л., 1953.
Еремин И. П. Литература Древней Руси. М. — Л., 1966.
Жуков Д. А., Пушкарев Л. Н. Русские писатели XVII века. М., 1972.

Содержание

Учебное издание

Хрестоматия по древнерусской литературе

Составители

МАРИЯ ЕФРЕМОВНА ФЕДОРОВА,
ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА СУМНИКОВА

Зав. редакцией *Л. П. Чебаевская.* Редактор *Н. А. Страхова.* Младший редактор *Н. В. Боровская.* Художник *Л. Бодина.* Художественный редактор *М. Г. Мицкевич.* Технический редактор *Л. А. Муравьева.* Корректор *Г. А. Усенко.*

ИБ № 4917

Изд. № РЯ-305. Сдано в набор 13.05.86. Подписано в печать 06.06.86. Формат 60×90[1]/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 13,5 усл. печ. л. 13,5 усл. кр.-отт. 15,98 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Зак. № 282. Цена 85 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

